

54

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВЪ ЕЯ

СОВРЕМЕННЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ.

Критико-биографические этюды

Семена Венгерова.

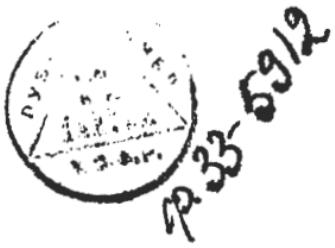
Иванъ Сергеевичъ Тургеневъ.

4. 1

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

жан Вилькина и Этtingера, Казанская, д. Вилькина № 22.

1875.

2004127305

ЧАСТЬ I.

М. Д. Г.

въ скань любви и дружбы

посвящаетъ

авторъ.

14. 113 A. 21288-46 Nov. 24

ВВЕДЕНИЕ.

Du choc des opinions jaitit la verité!

Новѣйшая историческая наука, въ лицѣ самыхъ видныхъ представителей своихъ, каковы Бокль, Драперъ, Лекки, Спенсеръ и другіе, выдвинула впередъ одинъ принципъ, который наиболѣе ее разъединилъ съ до нея существовавшими направлѣніями среди историковъ, имѣвшихъ предметомъ своего изслѣдованія ходъ развитія гражданственности въ какойнибудь странѣ, или старавшихся разыскать законы, которымъ человѣчество слѣдуетъ въ своемъ пути постояннаго усовершенствованія. Прежніе историки разсматривали исторію какъ описание дѣйствій великихъ людей, по ихъ мнѣнію и *дѣловыхъ* исторію, составлявшихъ ея сущность. Полагали, что эпоха, мѣстность суть ничто иное какъ только атрибуты, нужные для того, чтобы рѣзче оттѣнить дѣйствія и характеръ выдающихся людей. Вообще историческое изложеніе группировалось вокругъ отдѣльныхъ личностей. Очень немногимъ историкамъ прежнихъ эпохъ приходило на умъ видѣть въ великому человѣку что нибудь иное какъ характерное воплощеніе времени, среди которого онъ живетъ и мѣстности, гдѣ ему пришлось дѣйствовать. Даже такой просвѣщенный историкъ, какъ Маколей, значительно находился подъ влияниемъ прежняго *личностнаго* взгляда на исторію, не смотря на то, что жилъ въ одну эпоху съ Карлейлемъ, давшемъ въ своей «Исторіи французской революціи» блестящее доказа-

зательство своего участія въ начинавшемъ получать права гражданства новомъ направлениі изученія исторіи. Безъ сомнѣнія попытки эмансирированія отъ вліянія отдѣльныхъ лицъ встрѣчались еще и въ прошломъ столѣтіи. Монтескье былъ изъ числа авторовъ такихъ попытокъ, но самою большею популярностью стало пользоваться новое воззрѣніе, когда въ защиту и подкрѣпленіе его выступилъ Генри Томасъ Бокль. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи объ исторіи Англійской цивилизації, онъ какъ нельзя болѣе опровергъ школу историковъ, для которыхъ существовали только однѣ личности и ничего болѣе. Бокль подкопалъ вѣру въ единичныя личности какъ двигателей исторіи, какъ людей, отъ каприза которыхъ зависѣло дать событиямъ тотъ или другой оборотъ. Со всей огромной силой своей подавляющей эрудиціи онъ выступилъ въ походѣ противъ ученыхъ, проводившихъ въ своихъ многостороннѣхъ сочиненіяхъ, нерѣдко плодѣ долголѣтнихъ трудовъ, мысли о той или другой разительной перемѣнѣ въ ходѣ всемирной исторіи, могшѣй имѣть мѣсто, если-бы въ такой-то и такой день такой-то и такой-то великий человѣкъ всталъ бы двумя часами раньше и имѣлъ бы къ тому еще настроекъ. Если Бокль лично и не вооружался противъ такихъ кифомокіевскихъ *еслибы* до *кабы*, то во всякомъ случаѣ слабость мышленія лицъ, подобнымъ образомъ разсуждавшихъ, логически вытекала изъ всего ученія англійского философа. Но при всемъ своемъ гоненіи на личности, ни Боклю, ни кому нибудь изъ изслѣдователей одинаковыхъ съ нимъ воззрѣній не придется на умъ хотя на минуту усомниться въ важномъ значеніи отдѣльныхъ личностей въ ходѣ всемирной исторіи. Смѣшно было-бы если-бы кто нибудь изъ близорукихъ послѣдователей Бокля, вздумалъ отвергать вліяніе Людовика XIV или Наполеона I на развитіе своей страны. Никакой серьезный ученый утверждать этого не станетъ. Человѣкъ дѣйствительно проникшійся идеями Бокля и вообще новѣйшей исторической школы скажетъ вамъ: *нетъ, не личность, какъ личность* двигаетъ исторію, но личность какъ воплощеніе своей эпохи, безъ сомнѣнія имѣетъ вліяніе на ходъ событий.

Не потому Наполеонъ сталъ великимъ, что это было дѣломъ его личной геніальности, его единичныхъ способностей, его счастія наконецъ. Нѣтъ, Наполеонъ великъ, потому что эпоха въ которой онъ жилъ въ таковомъ человѣкѣ нуждалась; не появись онъ, нашелся бы другой съ инымъ именемъ, изъ иной мѣстности, но съ тѣмъ-же складомъ ума и характера. Самый завзятый сторонникъ прежняго личностнаго взгляда на исторію не станетъ спорить противъ того, что тотъ-же самый Наполеонъ, рожденный среди киргизъ-кайсаковъ дальше успѣшнаго захвата русскихъ барановъ не ушелъ бы. Этимъ весьма наглядно доказывается рѣшающее вліяніе окружающей обстановки какъ на развитіе цѣлыхъ народовъ вообще, такъ и отдельныхъ личностей въ частности.

И такъ личности исторіи не *дѣлаютъ*, но важную часть ея онѣ *составляютъ*, такъ какъ изъ изученія ихъ мы можемъ почерпнуть черты, характерныя для извѣстной мѣстности и эпохи. Въ великому человѣкѣ, въ выдающейся личности какъ въ фокусѣ собираются всѣ тѣ отдѣльныя черты, всѣ тѣ детали, которыя безъ того ускользнули-бы отъ нашего наблюденія и затерялись-бы ни кѣмъ незамѣченныя и ничего не освѣщающа, между тѣмъ какъ теперь онѣ какъ нельзя болѣе удобны для нашего изслѣдованія и легко поддаются его анализу. Выдающейся человѣкѣ въ своей жизни являеть жизнь цѣлаго общества и мы слѣдовательно по немъ можемъ себѣ составить весьма удовлетворительное понятіе о цѣлой эпохѣ. Вотъ отчего біографіи намъ служать теперь болѣе чѣмъ когда нибудь прекраснымъ подспорьемъ для составленія картины извѣстнаго круга людей. Какъ въ естественной исторіи намъ достаточно нѣсколькихъ представителей животнаго царства для сужденія о фаунѣ извѣстнаго мѣста, такъ и въ исторіи цивилизаций то или другое направление отдельныхъ личностей, можетъ намъ уяснить характеръ условій, вліяющихъ въ томъ и другомъ случаѣ.

Только что высказанныя соображенія приведены нами для того, чтобы читателю выяснилась-бы отчасти цѣль нашего труда. Но кромѣ чисто біографической части значительную и

даже большую половину его займетъ критика произведеній современныхъ писателей. Если многие изъ этихъ писателей давнымъ давно разобраны, если сочиненія ихъ подверглись уже критикѣ прежнихъ эпохъ, то это никакъ непомѣшаетъ и намъ сказать свое слово. И вотъ почему мы это дѣлаемъ, почему считаемъ себя въ правѣ говорить о вещахъ, изъ которыхъ многія обладаютъ цѣлою трактующею обѣихъ литературою: мы намѣрены своимъ трудомъ облегчить будущему историку нашей эпохи многотрудную задачу въ изученіи различныхъ направлений и вѣяній, дающихъ известную окраску нашему времени, мы намѣрены ему замѣнить тѣ «записки очевидцевъ», которыхъ такъ полезны всякому исследователю, задавшемуся цѣлью написать не внешнюю, ничего не объясняющую государственную исторію, а дѣйствительную, основанную на описаніи главнаго двигателя исторіи—націи. Мы намѣрены дать рядъ характеристикъ современныхъ литературныхъ дѣятелей, следовательно материалъ для изученія отношенія современной намъ читающей публики къ наиболѣе выдающимся писателямъ. Мы полагаемъ, что мнѣнія наши не суть выраженія миросозерцанія одного лишь автора настоящаго труда, мы полагаемъ, что онъ именно служатъ представителями того характернаго направлениія, которое приняло современное намъ русское общество семидесятыхъ годовъ. Если мы не ошибаемся то семидесятые годы составляютъ весьма трудно поддающуюся изслѣдованию эпоху. Только мы, люди ее составляющіе, знакомые со всеми мелочами, что придаются всему известный оттѣнокъ, можемъ имѣть о ней ясное понятіе. Человѣкъ-же послѣдующихъ эпохъ не будетъ имѣть почти никакихъ источниковъ для ея изученія, такъ какъ время наше, нечего таить истину, настолько бѣдно выдающимися явленіями, что ничего фундаментальнаго послѣ себя не оставитъ. Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ, какія черты характеризуютъ нашу эпоху, въ чёмъ состоитъ ея отличие отъ прошедшихъ эпохъ, насколько она причастна въ прогрессивномъ развитіи русского народа, насколько послѣдній долженъ ей быть благодаренъ?

Въ жизни общества, какъ и въ жизни каждого отдельнаго индивидуума намъ не трудно бываетъ замѣтить времена большей или меньшей энергіи, времена большаго или меньшаго умственнаго напряженія, времена большаго или меньшаго плодотворнаго результата человѣческихъ усилий въ достиженії какихъ-нибудь цѣлей, въ удовлетвореніи стремленія къ извѣстнымъ идеаламъ. Какъ въ жизни каждого человѣка и въ обществѣ намъ не трудно замѣтить, что организмъ послѣ сна, чувствуетъ себя бодрѣе, способнѣе къ обильной плодотворности. Силы его приобрѣли большее напряженіе, онѣ успѣли подкрепиться и только ищутъ случая развернуться во всей своей могучести. Илья Муромецъ, этотъ вѣрный символъ русскаго народа, сиднемъ сидѣль цѣлыхъ тридцать лѣтъ, да какъ заходилъ, такъ разомъ нагналъ потерянное время и надѣлалъ такихъ вещей, что иному не подѣ стати совершить и въ сто лѣтъ. И общество, а русское въ особенности, по временамъ засидится, да за то какъ ноги разомнетъ, такъ разомъ заживетъ двойною жизнью и съ лихвой отберетъ потерянное. Этотъ законъ сна и бодрствованія, акцій и реакцій какъ его можно было-бы назвать въ угоду одному русскому соціологу, никогда такъ рѣзко не замѣчается, какъ въ русскомъ обществѣ. Мы русскіе живемъ толчками. У насть нѣтъ прогресса, какъ постояннаго явленія. Даже при отсутствіи силъ, тянувшихъ назадъ, такой порядокъ ненормаленъ, потому что первые моменты толчка мы живемъ усиленною жизнью, силы наши привыкаютъ дѣйствовать при экстраординарныхъ условіяхъ, а за лась движенія мало по малу израсходуется и мы постепенно приближаемся къ мертвѣй точкѣ, гдѣ насть ожидаетъ полная неподвижность. Поневолѣ приходится оглядываться назадъ или бросать робкіе взгляды въ туманное впередъ, туда поддающееся разгадыванію. Въ другихъ обществахъ такое положеніе дѣль было-бы крайне вредно для развитія страны. Одинъ учитель говорилъ: юноша который не умнѣетъ—глупѣетъ, и положеніе это, въ вѣрности котораго нельзѧ сомнѣваться, вполнѣ примѣнимо къ большинству современныхъ обществъ, еще сильно нуждающихся въ ростѣ и далеко еще не достигшихъ зрѣлаго

состоянія. Но по странной аномалии правило, о которомъ только что была рѣчь не вполнѣ примѣнно къ самому юному изъ всѣхъ обществъ—къ русскому. Подобно тому какъ иногда физические и химические законы, добытые на небольшихъ количествахъ не вполнѣ прилагаются къ большимъ массамъ, такъ и законы исторического развитія, выработанные на основаніи изученія западныхъ цивилизаций, не всегда имѣютъ мѣсто относительно Россіи. Одинъ очень умный и ученный французъ, именно Леруа-Болье выразился въ своемъ сочиненіи «*L'empire des tsars*»: *Dans cette empire d'une immensit e siderale, tout est sur un autre echelle que dans notre Occident*. Въ другомъ мѣстѣ онъ сказалъ: «*La Russie est une colonie, et,   vrai dire, elle l'  toujours  t ; toute son histoire n'est que l'histoire de sa colonisation*». Въ третьемъ мѣстѣ онъ наконецъ даетъ еще слѣдующую характеристику Россіи: *Elle tient de l'Am rique et elle tient de la Turquie. Cette antith se peut seule donner l'intelligence de son caract re national comme de sa situation politique. C'est un pays   la fois neuf et vieux, une ancienne monarchie   demi-asiatique et une jeune colonie europ enne; c'est un Janus   deux t tes, occidental par devant, oriental par derri re, vieux et us  par une face, adolescent et presque enfant par l'autre*. Вслѣдствіе этого своеобразнаго характера русской гражданственности, мертвая точка не представляетъ для насъ такого смертоноснаго характера, она не ложится такими темными пятнами на исторіи нашей страны.

Постараемся доказать причину и истинность такого страннаго явленія.

Если мы проанализируемъ русскую исторію, начиная съ Петра Великаго, то постоянно въ ней можемъ замѣтить разладъ между парадною стороною жизни и настоящею-интимною. Въ самомъ дѣлѣ: Петръ по свойственной ему энергичности еще раньше Руссо догадался объ истинѣ, выражаемой словами: «*vouloir c'est pouvoir*». Онъ полагалъ, что если ему, получившему безалаберное полуазіатское воспитаніе московскаго царевича нѣтрудно было сдѣлаться европейцемъ, то и русскому народу стоило только захотѣть, чтобы сбросить съ

себя безобразные покровы, оставленные въ наслѣдство татаршиної. О первой части формулы, о желаніи, Петръ не желалъ справляться, полагая, что даже при его отсутствіи оно можетъ быть съ удобствомъ замѣнено его собственою волею. И вотъ онъ, полный увѣренности въ успѣхѣ, приступаетъ къ своему великому дѣлу. Часть русской интеллигенціи, извѣстная подъ именемъ славянофиловъ, громко порицаетъ Петровскую реформу, находя ее неестественною. Мы ничуть не желаемъ протягивать руки славянофильскому воззрѣнію и соединиться съ нимъ за одно въ неодобреніи дѣла, которое можетъ быть больше всѣхъ моментовъ нашей исторической жизни должно служить предметомъ истинной национальной гордости. Но какъ во всякомъ человѣческомъ воззрѣніи, и даже заблужденіи, всегда есть своя доля правды, такъ и въ славянофильскомъ увлеченіи стариной и протеста во имя ея противъ нового порядка вѣщей, справедливо то, что не все, введенное Петромъ было *необходимою* потребностью. Мы находимъ вполнѣ цѣлесообразной и своевременною Петровскую ломку, мы хотимъ только сказать, что желаніе перемѣны хотя и лежало въ русскомъ народѣ конца XVII вѣка, но его не было настолько, чтобы оправдать *всю* уже Петровскую реформу. Петръ сразу насадилъ множество формъ европеизма, слишкомъ еще незнакомаго для тогдашняго общества, чтобы онъ могъ вполнѣ привыкнуть. Чтобы пояснить нашу мысль, мы приведемъ слѣдующее сравненіе, нѣсколько вульгарное, но какъ нельзя лучше иллюстрирующее наше положеніе. Представьте себѣ какое нибудь семейство, живущее въ отдаленной провинціи, гдѣ нибудь въ глухи. Деревня, гдѣ семейство это помѣщается, вслѣдствіе скверныхъ путей сообщенія почти не имѣетъ никакихъ сошеній съ вѣшнимъ міромъ и часто нуждается въ самыхъ необходимыхъ предметахъ ежедневнаго обихода. Нужда наконецъ достигаетъ того, что семейство видитъ себя принужденнымъ отрядить одного изъ членовъ своихъ въ ближайшій городъ, гдѣ можно всего достать. Ему даются инструкціи, чѣмъ и въ какомъ размѣрѣ всѣмъ запастись. Но, прѣхавши въ ближайшій городъ, напрѣзженный замѣчаетъ, что и въ сто-

лицу-то недалеко съѣздить—дорога удобная. Отчего-же такъ и не сдѣлать? Въ столицѣ вѣдь всего достанешь, да къ тому еще и лучшаго качества. Вотъ и отправляется онъ въ главный городъ, благо деньги есть и ему ихъ жалѣть не приходится. И такъ нашъ посланецъ въ столицѣ. Онъ выходитъ на улицу, смотритъ на магазины и глаза его разбѣгаются отъ множества выставленныхъ въ нихъ хорошихъ вещей. Ему хочется всего купить, всего привести къ себѣ домой, но не особенно свѣдущій въ новомъ для него дѣлѣ, онъ накупаетъ много предметовъ роскоши, а забываетъ не рѣдко самое необходимое, такъ что въ одномъ у него излишекъ, а въ другомъ недостача. Накупивши самыхъ разнообразныхъ вещей въ количествѣ нѣсколько разъ большемъ, чѣмъ ему было поручено, посланецъ отправляется домой, самодовольно представляя себѣ на дорогѣ, какъ обрадуются дома его покупкамъ, въ какой восторгъ отъ нихъ всѣ придуть. Но вотъ онъ наконецъ дома. Приходитъ вмѣстѣ съ имъ и транспорти его вещей. Всѣ бросаются ихъ распаковать, новые вещи нравятся, но восторгъ вовсе не такихъ размѣровъ, какъ лъстилъ себя надеждой посланецъ. Люди, проведшіе весь вѣкъ свой въ глупи, не могутъ восхищаться многими предметами, потому что имъ совершенно чуждо ихъ употребленіе, для нихъ непонятна ихъ польза и удобство. И сколько вещей осталось еще нераспакованнымъ. Вѣдь неопытный посланецъ накупилъ ихъ множество возовъ, а пока все это разберешь, пройдетъ не мало времени. Изрядно приходится ждать, пока будуть опѣнены по достоинству всѣ эти столичныя штуки.

Наша притча окончена. Покажемъ ея примѣнимость къ Петровской реформѣ. Петръ есть именно тотъ неопытный посланецъ, у которого глаза разбѣжались, когда онъ изъ необразованной Москвы попалъ въ вихрь европейской жизни. Все ему нравилось, всего ему хотѣлось *завести* въ своемъ царствѣ, все онъ считалъ примѣнимымъ къ своей полу-варварской странѣ. И вотъ начинается грандіозная ломка, одинъ изъ тѣхъ переворотовъ, подобныхъ которому очень мало въ исторії, потому что даже французская революція не сдѣлала такой глу-

бокой бездны между старымъ и новымъ режимомъ, какую со-
здалъ Петръ между до—и послѣ реформенной Россіею. Бездна эта стала очевидною только спустя большой промежутокъ вре-
мени, когда всѣ усовершенствованныя формы европеизма пере-
шли въ кровь и плоть русской націи и сдѣлались ея неотъ-
емлемымъ достояніемъ. Лѣтъ сто мы все разбирали и знако-
мились съ вывезеннымъ Петромъ изъ за-границы. На долго
намъ хватилъ толчекъ, данный царемъ-богатыремъ; постоянные
факторы движенія замѣнились у насть огромностью первона-
чальной двигательной силы. И такъ тутъ впервые въ европе-
йскомъ періодѣ русской исторіи была доказана та странная
аномалія, по которой застой и регрессъ часто не бываютъ такъ
страшны для насть, какъ въ другихъ странахъ. Мы русскіе,
какъ неживущіе вполнѣ жизнью нормально развивающагося
народа, въ періоды возбужденія общественной жизни часто
такъ сильно забѣгаємъ впередъ, что послѣдующія затѣмъ эпохи
общественной апатіи служатъ для того, чтобы сдѣлать жиз-
ненными многія требованія, несвоевременные въ моментъ сво-
его появленія. Мы не станемъ приводить дальнѣйшихъ
примѣровъ изъ русской исторіи для доказательства нашей
мысли, нѣкоторыя обстоятельства мѣшаютъ намъ довести па-
раллель до конца.... Укажемъ только на начало и конецъ
царствованія Екатерины, на первые и послѣдніе годы пра-
вленія Александра Благословенного. Желающіе могутъ про-
вѣрить основательность аномального хода русского прогресса.
Sapienti sat.

Обратимся къ болѣе поздней эпохѣ. Крымская компанія и связанныя съ нею обстоятельства сняли покровъ съ нашихъ общественныхъ язвъ и они во всей наготѣ своей представили предъ изумленными и страхъ выражавшими взглядами рус-
скихъ людей. Недостатки, не всѣми прежде замѣчаемые, дѣ-
лаются настолько очевидными, что одна только недобросовѣст-
ность можетъ ихъ не замѣтить. Всѣ приходятъ въ ужасъ отъ
зрѣлища непригодности того порядка вещей, подъ владыче-
ствомъ котораго такъ долго находились. Неизбѣжною реак-
ціею внезапнаго прозрѣнія является самое страшное самоби-

чеваніе, неумолимое отношение ко всему не хорошему и не рациональному; начинается благотворное время безпощадного анализа.

Но тутъ происходит весьма странное недоразумѣніе. Ножъ критического ко всему отношенія не щадилъ ничего изъ тѣхъ неказистыхъ сторонъ окружающаго, что осталось въ наслѣдство отъ прежняго времени, все глубже и глубже вонзался онъ въ общественное тѣло, все ярче и ярче показывалъ онъ его недостатки. Опъ разрушалъ и разрушалъ, и при томъ безъ всякаго снисхожденія; безъ всякой мягкости относился онъ къ тому, что такъ долго прелятствовало русскому народу стать на равнѣ съ другими народами, составляющими культурную семью цивилизованныхъ націй. И вотъ въ одно прекрасное утро русское общество увидѣло себя въ крайне курьезномъ положеніи: все окружающее было уничтожено, свергнуто съ пьедестала, а въ замѣнѣ старого новое еще не родилось. Прекомичная или вѣрнѣе траги-комичная ситуація! Ненормалентъ-же, въ самомъ дѣлѣ организмъ, весь изъявленный страшными ранами, весь разложившійся и не видящій себѣ исцѣленія въ непосредственномъ будущемъ. Ненормалентъ-же человѣкъ, который хотя и путемъ строгаго и весьма похвального самоанализированія дошелъ до сознанія своей не-пригодности, и никакого выхода изъ такого положенія не выдумалъ. Въ увлеченіи отрицательнымъ направленіемъ, русское общество или вѣрнѣе говоря значительная часть русской интеллигенціи, забываетъ первое правило органическаго существованія, по которому все претендующее на жизнь должно имѣть также какія нибудь положительныя качества. Мало узнать какъ не должно устропть свой образъ жизни, что не должно собою представлять. Изъ однихъ минусовъ составляются въ математикѣ только отрицательныя количества, не дающія никакого положительного результата. И въ обыденной жизни слѣдуетъ распределить свое бытіе по какой нибудь программѣ, придерживаться какой нибудь системы. А какъ поступило русское отрицательное движение шестидесятыхъ годовъ? Что оно собою представляло, какія характерныя черты являло въ себѣ?

Что такое однимъ словомъ была интеллигенція шестидесятыхъ годовъ, что такое русское общество этого времени?

Корни старого порядка были на столько подгнивші, что зданіе его рухнуло отъ первого энергичнаго толчка и такъ скоро, что разрушители не успѣли создать ничего въ замѣнъ свергнутаго. Въ увлеченіи вандализмомъ русское общество не хотѣло оставить у себя даже то немногое хорошее, чѣмъ старое обладало; разрушающее направленіе не хотѣлоничѣмъ позаимствовать даже отъ интеллигенції прежняго времени, не особенно ниже стоявшей въ умственномъ отношеніи и тоже критически относившейся къ ненормальнымъ сторонамъ современного ей положенія дѣлъ. «Не такъ давно лѣтъ шесть тому назадъ, вскорѣ послѣ крымской компаніи», пишетъ Писаревъ въ 1862 году, «наши Рудинны вообразили себѣ, что ихъ время настало, что общество приметъ ипустить въ ходъ тѣ силы, которымъ они давно предлагали ему съ полнымъ самоотверженіемъ. Они рванулись впередъ; литература оживилась; университетское преподаваніе сдѣлалось свѣжѣе; студенты преобразились; общество съ небывалымъ усердіемъ принялось за журналы и стало даже заглядывать въ аудиторію; возникли даже новыя административныя должности. Казалось, что за эпохой безплодныхъ мечтаній и стремленій наступаетъ эпоха кипучей полезной дѣятельности. Казалось Рудинству приходитъ конецъ, и даже самъ г. Гончаровъ похоронилъ своего Обломова, и объявилъ, что подъ русскими именами таится много Штольцевъ. Но миражъ разсѣялся—Рудинны не сдѣлались практическими дѣятелями; изъ-за Рудинныхъ выдвинулось новое поколѣніе, которое съ укоромъ и насмѣшкою отнеслось къ своимъ предшественникамъ. «Объ чѣмъ вы ноете, чего вы ищете, что просите отъ жизни? Вамъ, небось, счастья хочется, говорили эти новые люди мягко сердечнымъ идеалистамъ, тоскливо опустившимъ крыльшки, да вѣдь мало ли что! Счастье надо завоевать. Есть силы—берите его. Нѣть силъ—молчите, а то и безъ васъ тошно».

И такъ предшествующая эпоха, не безъ основанія считавшая себя довольно причастною дѣлу русского прогресса,

получила, что называется, чистую отставку и вошла всецѣло въ область отрицаемаго. Лѣтъ семь, восемь продолжалось разрушающее влияніе критицизма. Но вотъ наступаетъ, наконецъ, нѣкоторое затишье въ лихорадочной жизни шестидесятыхъ годовъ. Самый искренній и талантливый представитель отрицательного направленія—Писаревъ, начинаетъ догадываться о наступлениі поры создать себѣ какой нибудь положительный идеалъ общественной жизни. Къ прошедшему начинаютъ относиться не такъ уже враждебно, не все имъ выработанное предается посмѣянію. Пушкинъ не ставится ниже сапоговъ. Изъ этого ничуть, однако же не слѣдуетъ, заключать, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ явленіемъ консерватизма, съ поворотомъ къ старинѣ. Ничуть! Русское общество, или вѣрнѣе русская интеллигенція только сознала экцессы своего направленія начала шестидесятыхъ годовъ и стремится загладить прежнія увлеченія. Ничуть не отказываясь отъ *реального* направленія шестидесятыхъ годовъ, мы начинаемъ мириться съ *идеальнымъ* сороковыхъ и вотъ результатомъ этой амальгамы, этого нѣсколько страннаго комбинированія и являются семидесятые годы. Люди семидесятыхъ годовъ электики; не имѣя ничего собственнаго, ничѣмъ монументальнымъ себя не заявившіе, они все черпаютъ изъ прошедшаго, но притомъ пропускаютъ его чрезъ перегонный кубъ современности и пользуются плодами такой дестиляціи безъ всякихъ угрызеній совѣсти въ анохронизмѣ.

Семидесятые годы *реально-идеалистичны*. Это нѣсколько парадоксальное название, отзывающееся свѣтлою мрачностью и черной бѣлизною, не такъ однако же невѣрно, какъ многимъ съ первого раза можетъ казаться. Мы сдѣлаемъ краткій смотръ нашимъ органамъ печати и на нихъ постараемся доказать характеристичную для нашего времени смѣсь двухъ совершенно разнородныхъ направленій, двухъ строевъ мысли, нѣкоторымъ образомъ другъ друга исключающихъ и не позволяющихъ существовать одному изъ нихъ при благоденствіи другого. Мы постараемся, доказать, что какъ идеальная критика сороковыхъ годовъ, такъ и чисто-реальная шестидесятыхъ въ одинаковой

степени непригодны, если пользоваться ими во всей неприкосновенности. Было-бы одинаково консервативно, если-бы мы всецѣло записались въ одинъ изъ двухъ вышеупомянутыхъ лагерей, потому что даже ультра-прогрессивные шестидесятые годы составляютъ уже достояніе прошедшаго. Мы постараемся примирить два враждующихъ направлениія критической мысли въ силу того принципа, что даже въ величайшихъ нелѣпостяхъ можно всегда отыскать известную долю правды, лишь-бы не лѣпость была искренна и не старалась подъ громкимъ именемъ философскаго убѣжденія скрыть другія, менѣе лестныя побужденія. Для идеалистическихъ сороковыхъ годовъ годилась критика съ таковыми-же оттенкомъ, для реальныхъ шестидесятыхъ—реальная критика наиболѣе подходила, для переходныхъ-же и эклектическихъ семидесятыхъ годовъ болѣе всего пригодна эклектическая критика. Вотъ отчего не впадая въ пошлое поклоненіе «золотой середины», мы постараемся, однакоже избѣгнуть крайностей, чтобы сдѣлать отыскиваемое нами реально-идеалистичное направлениіе *реальнымъ* для своего времени, т. е. выражающимъ характеръ эпохи и подходящимъ подъ ея настроеніе.

Начнемъ свой обзоръ съ ежедневныхъ газетъ, а потомъ перейдемъ къ «толстымъ» и не «толстымъ» журналамъ¹⁾.

Важиѣшіе представители петербургской публицистики суть безъ сомнѣнія «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Голосъ». Мы не упустимъ изъ виду «Биржевыя» и «Русскій Миръ», но главнымъ образомъ обратимъ вниманіе на первые два столпа петербургской ежедневной печати.

«С.-Петербургскія Вѣдомости»²⁾ носили вполнѣ эклек-

¹⁾ Введеніе писано до перехода «С.-Петр. Вѣд.» и «Бирж. Вѣд.» въ другія руки. Впрочемъ, прежняя «Биржевыя Вѣд.» въ полномъ своемъ составѣ возродились въ «Новомъ Времени», а новые «Биржевыя Вѣд.» привлекли къ себѣ силы «Отеч. Записокъ». Что-же касается до новыхъ «Петерб. Вѣд.» то значительное, можно даже сказать совершенное паденіе ихъ авторитета — лучше всякихъ словъ говорить само за себя.

²⁾ Мы не считаемъ себя въ правѣ опускать не виолаѣ современную характеристику прежнихъ «С.-Петербург. Вѣдом.» такъ какъ десятилѣтняя дѣятель-

тический характеръ, если хотите даже слишкомъ электическій, такъ что онъ немножко смахиваешь на пресловутое *juste milieu*. Придерживалась отчасти такъ называемыхъ «буржуазныхъ» тенденцій въ экономическихъ вопросахъ, имѣя г. Скальковскаго постояннымъ сотрудникомъ по этому отдѣлу, «С.-Пет. Вѣд.», въ тоже время были весьма радикальны въ политикѣ. Ихъ политический отдѣлъ главнымъ образомъ пополнялся парижскимъ корреспондентомъ, принадлежащимъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ къ радикальной группѣ оттѣнка Луи-Бланть-Кине. Послѣднее обстоятельство не мѣшало, однако же, «С.-Пет. Вѣд.» относиться болѣе чѣмъ благосклонно къ политикѣ центра и благовѣть предъ Казимиромъ Перрье. Для читателей «С.-Пет. Вѣд.» въ одинаковыхъ симпатичныхъ краскахъ являются Тьеръ и Гамбетта, Греви и Наке. Даже коммуналистическое движеніе 18 марта 1871 г. не возбудило большаго негодованія академической газеты и редакція одно время производила съ большимъ сочувствиемъ отзывы корреспондента «Daily News», благопріятные для коммунаровъ. Соціалисты не третируются «С.-Пет. Вѣд.» съ высоты ихъ буржуазнаго величія и сотрудничество г. Скальковскаго не помѣшало появится въ «С.-Пет. Вѣд.» очень благосклонному разбору жизни Прудона по поводу корреспонденцій его, изданной Сентъ-Бевомъ. Всѣ вообще «утопії» о преобразованіи настоящаго положенія дѣлъ не встрѣчали со стороны «С.-Пет. Вѣд.» того энергического отпора, котораго можно было бы отъ нихъ ожидать, судя по нѣкоторымъ статьямъ весьма «охранительного» характера.

Перейдемъ къ столпамъ редакціи гг. Суворину, Буренину, Стасову, Кюи, Вырубову и Де-Роберти.

Г. Суворинъ-Незнакомецъ, безъ сомнѣнія, самый даровитый и симпатичный изъ всѣхъ сотрудниковъ «С.-Пет. Вѣд.»

ность разсѣявшейся редакціи, дала ясное указаніе, что она какъ нельзѧ болѣе подходила подъ настроеніе огромнаго количества своихъ читателей. Притомъ направлена и нравственная физіономія прежнихъ «С.-Петербург. Вѣдом.» на столько живучи, что, надо надѣяться, мы вскорѣ встрѣтимся съ старыми знакомцами въ какойнибудь вновь основанной газетѣ.

и на немъ намъ легче всего доказать наше мнѣніе о реально-идеалистическомъ характерѣ современной эпохи. Г. Суворинъ вполнѣ дитя своего времени. Возставая противъ того ложного идеализма, который близко граничить съ не лестнымъ пониманіемъ жизни, не признавая многаго въ дѣятельности людей сороковыхъ годовъ, г. Суворинъ горячо, однакоже, стоитъ за искусство, какъ возвышающій элементъ, какъ предметъ на столько-же поучительный и важный для образования общества, какъ и естественные науки. Ничуть не умаляя значенія послѣднихъ, г. Суворинъ все-же протестуетъ противъ увлеченія ими, находить что и въ нихъ нѣтъ того спасающаго «нѣчто», что покрыло-бы своими достоинствами глупости, во имя ихъ совершаемыхъ. Какъ нельзя болѣе убѣжденный въ томъ, что *egregie humanum est*, онъ находитъ смѣшныя стороны и въ реальномъ и въ идеальномъ направлениі и, эмансируясь отъ полнаго порабощенія однимъ изъ этихъ направлений, становится посрединѣ и потому очень нравится читающей публикѣ. Повторяемъ тутъ не замѣщанъ пошлый принципъ *juste milieu*, въ силу котораго люди мирятся съ самыми «вопиющими» мерзостями обыденной жизни, всегда находя лазейку для сдѣлокъ со своею совѣстью. Г. Суворинъ вовсе не пошлякъ этой категоріи. Онъ нравится только потому, что не вдаваясь въ ярый анохронизмъ слѣпымъ поблоненіемъ сороковымъ и шестидесятымъ годамъ онъ современенъ своимъ скептическимъ отношеніемъ ко всякаго рода эксплессамъ. Правда водится за нимъ одинъ грѣшокъ—недолюбливаетъ онъ эманципацію женщинъ, ну да вѣдь не всякое-же лыко въ строку.

Критика «Петерб. Вѣд.», репрезентируемая г. Буренинымъ, очень наскѣчливо относилась къ увлеченіямъ апологистовъ «новыхъ людей». Тенденція, безразлично какого характера, порицалась и г. Михайловъ, наравнѣ съ «челядью» «Русскаго Вѣстника», получалъ неудовлетворительныя отмѣтки. Но при всемъ своемъ нерасположеніи къ «новымъ людямъ» во вкусѣ романовъ г. Витнякова, Клавдіи Кованько и имъ подобныхъ «благонамѣренныхъ» прогрессистовъ, г. Буренинъ

находилъ все таки героеvъ Ауербаха и Фрейтага филистерами, а ихъ мораль мѣщанскою. Г. Буренинъ въ одно и тоже время расхваливалъ Рѣшетникова и благоговѣлъ предъ Пушкинымъ. Отношеніе къ Пушкину современной критики вообще крайне характерно. Давно-ли прошло то время, когда хвалить великаго поэта значило рисковать нажить себѣ прозваніе человѣка отсталаго, «эстетика». А теперь на этотъ счетъ очень вольготно. Восхищаешься Пушкинымъ и ничего — сходитъ. И г. Буренину не приходится быть названнымъ ретроградомъ за симпатіи къ основателю художественной школы русскихъ поэтовъ. Г. Буренинъ вообще смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы и «мысль» проникала извѣстное беллетристическое произведение и «художественность» была-бы соблюдена. Одна изъ этихъ двухъ принадлежностей всего относящагося къ изящной литературѣ его не удовлетворяла. «Вешня Воды» наравнѣ съ тенденціозными романами «Дѣла» были неодобрительно всрѣчены г. Буренинымъ. Какъ видите онъ не эстетикъ-реалистъ *à la Апполонъ Григорьевъ* и не реалистъ *à la Писаревъ*. И онъ себѣ избралъ благую часть электрика, черпающаго повсюду хорошее и всецѣло ни къ какому «толку» не приписывающагося. Партионность должна быть чужда критику, ибо она мѣшаетъ безпристрастному отношенію къ дѣлу.

Если гг. Суворинъ и Буренинъ характерны каждый въ отдѣльности какъ типы современныхъ литераторовъ, то гг. Стасовъ и Кюи важны какъ писатели, изъ совмѣстнаго сотрудничества которыхъ въ одномъ и тѣмъ-же изданіи яствуетъ электрическое направлѣніе его. Г. Стасовъ при всемъ своемъ стараніи одѣть на себя современный костюмъ, все же при параллели съ тенденціями 60-хъ годовъ окажется довольно расположеннымъ къ искусству для искусства и хотя ратуетъ за мысль, но послѣдняя у него не составляетъ *Conditio sine qua non*. Г. же Кюи, отчасти за одно съ тѣмъ-же г. Стасовымъ не художественнымъ критикомъ, а музыкальнымъ, доводить свое требование мысли до безобразныхъ размѣровъ. Не даромъ-же его прозвали музыкальнымъ нигилистомъ. Онъ въ музыке, близкой для нась именно своею неопредѣленностью, своимъ

свойствомъ поднимать въ душѣ слушателей хаосъ самыхъ разнообразныхъ ощущеній и чувствъ, всегда ищетъ строгой программности и полагаетъ возможнымъ изображать звуками самыя реальнаяя ситуациі. Стремленіе къ реализму доведено у него до Геркулесовыхъ столбовъ, такъ что г. Суворинъ былъ очень правъ, зло осмѣявъ своего-же товарища по газетѣ, предложениемъ поручать въ будущихъ операхъ главныя роли танцовщикамъ т. е. людямъ, умеющимъ отбивать тактъ. Г. Суворинъ хотѣлъ этимъ сказать, что ультра-реалистическая музыкальная школа совершенно изгонить лирическій элементъ изъ искусства и все замѣнится физическими законами о томъ, сколько тактовъ нужно для выраженія бури, сколько для солнечного дня и сколько для слякоти. Если г. Стасовъ составляетъ плюсовое т. е. консервативное отклоненіе отъ современныхъ взглядовъ на искусство, то г. Кюи представится намъ въ видѣ огромнаго отрицательнаго количества въ сравненіи съ прежними требованіями, и такъ какъ по алгебраическому закону изъ взаимодѣйствія двухъ противоположныхъ величинъ, перевѣсь остается на сторонѣ большаго количества, то и въ данномъ случаѣ, значительно смягченныя требованія г. Кюи явятся нормою современности. Вотъ мы опять имѣемъ дѣло съ реально-идеалистическимъ направленіемъ.

Гр. Вырубовъ и Де-Роберти какъ позитивисты, уже въ силу одной своей принадлежности къ школѣ Огюста Конта, предохранены отъ увлеченія въ ту или другую сторону. Не примыкали ни къ одному изъ обсуждаемыхъ нами направленій, они относятся ко всему строго объективно. Впрочемъ какъ рѣдко появлявшіеся на столбцахъ «Петерб. Вѣд.», они только въ незначительной степени подтверждаютъ нашу мысль. Притомъ они всегда такъ объективно философски выражаются, что подъ нихъ иголки не подточишь и личные симпатіи никакъ не раскусишь. Они важны для насъ только своимъ отсутствиемъ увлеченія въ чью-нибудь пользу. Для нихъ реализмъ и идеализмъ суть объекты изученія и ничего больше. Они кромѣ того важны для насъ, чтобы снять съ «Пет. Вѣд.» пошлую оболочку «золотой середины». Уже кого, кого, а г. Вырубова

и г. Де-Роберти въ этомъ трудно обвинить. Своимъ участіемъ въ «Пет. Вѣд.» они облагораживали ихъ эклектическій характеръ и придавали имъ болѣе научную подкладку.

Въ ожесточенной полемикѣ, происходившей нѣсколько лѣтъ тому назадъ между «Отечественными Записками» и «Петерб. Вѣд.», первыя характеризовали направление послѣднихъ словами: «должно признаться, хотя нельзя не сознаться». Въ этой карикатурной фразѣ вѣрно только намѣщено совмѣщеніе академическою газетою взглядовъ, иногда противорѣчащихъ другъ другу въ своихъ деталяхъ. Но что-же дѣлать? Таковъ характеръ эпохи. И «Отеч. Зап.» не рѣдко должны признаться, хотя не могутъ не сознаться. И имъ приходится въ отдѣлѣ критики ругать тенденціозные романы г. Михайлова и рядомъ съ этимъ помѣщать повѣсть «Предъ зарею» или произведенія г-жи Смирновой, которой при всей ея талантливости, все-же трудно простить тенденціозность, доведенную до pes plus ultra.

Что эклектизмъ «Пет. Вѣд.» не случайный, а есть именно знаменіе времени, лучше всего намъ доказываетъ «Голосъ». Эта газета можетъ безъ всякаго преувеличенія быть названа барометромъ общественного мнѣнія и огромный ея успѣхъ всего лучше показываетъ, какъ умѣла она поддѣлаться подъ вкусъ и требованія публики. Мы ничуть не винимъ за это редакцію почтенной газеты, потому что еще совершенно не разрѣшенъ теоретической споръ о томъ, должна-ли печать руководить страною или страна руководить печатью, должна ли газета быть выраженіемъ мнѣній ограниченного кружка лицъ, хотя бы и высоко стоящихъ въ умственномъ отношеніи, или-же должна собою презентировать міросозерданіе болѣе или менѣе значительной части народонаселенія. А теперешняя газетная публика требуетъ всего по немножку. Вотъ отчего «Голосъ» умѣренно-либераленъ въ своемъ общемъ характерѣ, чуть-чуть поддернутъ панславизмомъ при обсужденіи дѣлъ, касающихся братьевъ-славянъ и нерѣшительно относится къ славянофиламъ. «Голосъ» яро вооружается противъ классицизма, радикаленъ въ политикѣ и помѣщаетъ у себя передовыя статьи либераль-

наго профессора государственного права. «Голосъ» нападаетъ сильно на нѣмцевъ, по слабѣ на жидовъ и слегка на прочія національности, проживающія между русскими, когда онъ станутъ поперегъ въ чемъ нибудь кореннымъ обитателямъ Россіи. «Голосъ» вѣчно въ перебранкѣ съ «Москов. Вѣд.» и «Русскимъ Міромъ»; смѣшиваетъ съ грязью «Гражданина» и не считаетъ никогда нужнымъ полемизировать въ серьезныхъ вопросахъ съ такъ называемыми либеральными органами. Для фельетонной перебранки дѣлается, разумѣется, исключеніе. «Голосъ» предпочитаетъ не комментировать разныя «движенія» среди учащейся молодежи и политические процессы не вызываютъ на его страницы никакихъ или очень мало разсужденій. Художественная критика «Голоса», главнымъ образомъ являющаяся въ видѣ его музыкального рецензента г. Лароша, тоже благоразумно относится ко вкусамъ публики. Г. Ларошъ не напускается подобно г. Кюи съ яростью на Итальянскую оперу, зная слабость къ ней столичнаго люда, слегка похваливаетъ популярные пьесы, разъ или два въ годъ, не чаще, отзываются хорошо о вагнеріанствѣ и основывается главнымъ образомъ не на своихъ личныхъ симпатіяхъ, а старается преимущественно придерживаться взглядовъ, проповѣденныхъ критиками разныхъ европейскихъ странъ. Литературная критика «Голоса» во многомъ походитъ на таковую «Пет. Вѣд.», но только отличается почти совершеннымъ отсутствиемъ полемического задора. Для «Русского Вѣстника» и главнаго его скомороха г. А. это правило разумѣется недѣйствительно. Тутъ даже мирная критика «Голоса» не можетъ не выразить своего смѣха и негодованія¹⁾.

Сдѣланная нами бѣглая характеристика «Голоса» можетъ, однакоже, въ достаточной степени объяснить его популярность. Семидесятые годы составляютъ переходное время. А въ такие эпохи всегда замѣчается неопределенность, неоформленность

¹⁾ Вышесказанное писано до перехода «Пет. Вѣд.» подъ новую редакцію. Начиная съ настоящаго года, «Голосъ», получивши многихъ подписчиковъ прежней академической газеты, поднялъ свой либерализмъ па тонъ выше. За новымъ воскреснымъ фельетонистомъ «Гаммой» уже многими признается значение г. Суворина, а вся газета вообще болѣе или менѣе удовлетворительно замѣнила газету г. Корша.

симпатій и стремлений. Вѣдь и въ пятидесятыхъ годахъ, даже второй половины, въ «Современникѣ» наряду со статьями Чернышевского и Добролюбова помѣщались стихотворенія гг. Фета и Тютчева. Вотъ отчего и въ наше время, одинъ и тотъ - же органъ можетъ имѣть въ своемъ редакціонномъ персоналѣ сотрудниковъ, которые пять лѣтъ раньше не хотѣли - бы другъ другу и руки протянуть, а пять лѣтъ позже тоже пройдутъ мимо не раскланиваясь. Чтобы покончить съ «Голосомъ» прибавимъ, что онъ имѣетъ умѣренное количество предостережений, и разъ даже былъ приостанавливаемъ. Умѣренное фрондерство есть тоже характеристичное явленіе нашего времени. Мы не любимъ дорого платиться за свободу своихъ мнѣній, но такъ слегка, чтобы и невинность сохранить и капиталъ приобрѣсть, какъ поется въ вульгарной пѣсенькѣ, отъ этого мы не прочь: оно льстить нашей маленькой слабости къ слегка сильнымъ ощущеніямъ.

Изъ сотрудниковъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» или по теперешнему «Нового Времени» достойныхъ вниманія остановимся на г. Эксѣ. Этотъ не лишенный таланта профессоръ первоначально попалъ на нѣсколько неподходящее для ученаго мѣсто воскреснаго фельетониста газеты не первого разряда и потому его писанія оставались неизвѣстными большинству образованной публики, несмотря на то, что изъ всѣхъ петербургскихъ фельетонистовъ г. Эксъ человѣкъ наиболѣе просвѣщенный и больше имѣетъ возможность съ основательнымъ критицизмомъ отнестись къ явленіямъ общественной жизни. Недавно г. Михайловскій, разбирая въ «Отеч. Зап.» сборникъ фельетонныхъ статей г. Экса, напалъ на нихъ и за нѣсколько неудачныхъ мѣстъ произвелъ автора сборника въ типъ «современного» литератора, причемъ эпитетъ «современный» употребилъ въ нелестномъ смыслѣ. Мы совершенно не согласны съ г. Михайловскимъ. Да, г. Эксъ дѣйствительно типъ «современного» литератора; но въ этомъ ничего обиднаго нѣтъ. Нѣсколько не ловко выраженныхъ мѣстъ не должны вызвать нашего недоволенія потому что фельетонъ не философская статья и фельетонисту никакъ нельзя вмѣнять въ вину все что онъ пишетъ.

Для насъ г. Эксъ важень тѣмъ, что совмѣщая въ своей особѣ званіе довольно выдающагося профессора и литератора, онъ являеть въ себѣ какъ нельзѧ лучше то реально-идеалистическое направлениѣ, найти которое мы стараемся во всѣхъ органахъ печати нашей. Такъ г. Эксъ страшно вооружается противъ г. А. изъ «Русскаго Вѣстника», который въ своихъ quasi-критическихъ статьяхъ въ сущности наполняетъ страницы Катковскаго журнала извѣтами на петербургскую журналистику. Г. Эксъ весьма снисходительно смотрить на движение шестидесятыхъ годовъ, съ уваженіемъ отзываются о видныхъ представителяхъ отрицательного направлениія и никакто не согласится примкнуть къ газетѣ антилиберальнаго оттѣнка. Сороковые-же годы и пятидесятые пользуются самою искреннею симпатіею г. Экса и онъ, нерѣдко крайне реалистичный въ отвѣтахъ г. А. и разборѣ беллетристики «Русскаго Вѣстника», вдругъ начинаетъ говорить о музикѣ и искусствѣ тѣмъ восторженнымъ языкомъ художественныхъ критикъ прежняго времени, когда мѣждомѣтія составляли не маловажную часть подобныхъ статей. Третированіе г. Михайловскаго тѣмъ-болѣе ничѣмъ не заслужено, такъ какъ г. Эксъ уже за одно то достоенъ благодарности, что, участвуя въ газетѣ съ невполнѣ опредѣленною физіономіею, онъ могъ-бы, ничѣмъ не стѣсняясь удариться въ самый ретроградный тонъ, чего, однакоже, не дѣлаетъ.

«Русскій Миръ», безъ сомнѣнія имѣть свой «запахъ» и притомъ повременамъ переносящій васъ въ то блаженное время, когда либеральную «дурь» просто палками выкалачивали и съ вольнодумными газетчиками не особенно стѣснялись. Въ первое время своего существованія «Русскій Миръ» очевидно поставилъ себѣ задачею и идеаломъ дѣятельность того испанскаго рыцаря, котораго жизнеописаніе намъ оставлено Сервантесомъ. И Великій Боже! Противъ чего только не сражался «Русскій Миръ»! По истинѣ жалко становилось его публицистовъ, когда они со рвениемъ, достойнымъ лучшей участи, своими передовыми статьями хотѣли, въ pendantѣ точекъ князя Мещерскаго, поставить русскому прогрессу запятую, но такъ

наивно это дѣлали, что живо собою напомнили знаменитую борьбу ламанческаго героя съ вѣтрянными мельницами. Чрезъ нѣсколько времени «Русскій Миръ» однакоже смирился. Онъ увидѣлъ, что лбомъ стѣны не прошибешь, что противъ естественнаго хода вещей ничего не подѣлаешь. И вотъ въ одно прекрасное утро редакція извѣщаетъ, что она оставляетъ вѣденіе газеты и передаетъ его другимъ. «Другіе»-же объявили, что постараются сдѣлать свою газету сборникомъ свѣжихъ новостей и ослабить тенденціозность, ибо, говорили они, назначеніе газеты—сообщать беспристрастно свѣдѣнія и больше ничего. «Мы поставили себѣ цѣлью доставить нашимъ читателямъ какъ можно болѣе материала» гласило объявленіе новой редакціи. Это объявленіе какъ нельзя лучше показывало, что сами лица, стоявшіе во главѣ «Русскаго Мира», сознали невозможность вести изданіе въ прежнемъ непримирамъ направлениі. Слишкомъ уже отвыкло наше общество отъ исправническихъ возгласовъ во имя возвращенія къ старинѣ и ворчанія устранныхъ генераловъ о поворотѣ къ интенданскимъ порядкамъ до крымской компаніи. Въ настоящее время «Русскій Миръ» дѣйствительно довольно добросовѣстно исполняетъ взятое на себя обязательство давать обильный материалъ фактовъ и только въ журнальномъ обозрѣніи и по большимъ праздникамъ въ передовыхъ статьяхъ прорывается струнка ретроградства во имя какого-то мечтательнаго идеализма не отъ мѣра сего, смѣшанного съ запахомъ казармы. При всемъ своемъ не передовомъ направлениі, «Русскій Миръ» обидится однакоже, если его смѣшать съ «Гражданиномъ», который такъ и остается одинокимъ на горизонти петербургской журналистики невѣдомо кѣмъ и зачѣмъ составляемый, да и невѣдомо кѣмъ читаемый. Юродивыя выходки княжескаго органа уже пріѣлись и потеряли прелестъ новизны, а потому онъ и доживаетъ свои дни, всюду встрѣчая непривѣтливыя лица и пользуясь покровительствомъ одного только Виктора Ипатьевича Аскоченскаго, этого достойнаго товарища князя—точки.

Какъ «Русскій Миръ» такъ и «Гражданинъ» лучше всего показываютъ, что у насъ немыслимо сочувствіе общества ретроградному журналу, что старый порядокъ оставилъ слишкомъ

мало корней, чтобы дать что нибудь кромъ самаго чахлого деревца, въ видѣ беззубаго шамканья противъ новыхъ формъ русской жизни. Ну, скажутъ намъ, а какъ бы объясните распространенность «Москов. Вѣдомостей»? Вѣдь въ нихъ вы едва-ли найдете реально-идеалистическое направлениe, будто-бы овладѣвшее въ послѣднее время современнымъ обществомъ. Дѣятельно, скажемъ мы въ отвѣтъ, «Московскія Вѣдомости» не подходятъ подъ это направлениe, но развѣ *ихъ* направлениe пользуется симпатией? Развѣ «Моск. Вѣд.» имѣютъ *успѣхъ*? Ни чутъ! не слѣдуетъ смысливать успѣхъ съ *распространенностью*. Кто читаетъ «Моск. Вѣд.» по влечению къ нимъ? Кто смотрить на нихъ симпатичнымъ взглядомъ? Не вѣдомо почему, онѣ считаются какимъ-то что-то очень важное и многое выражаютъ органомъ, между тѣмъ какъ въ сущности заблуждающіеся подписчики ихъ имѣютъ дѣло съ органомъ человѣка, въ молодости «увлекавшагося» и потому теперь на старости лѣтъ изъ кожи лѣзущаго вонъ, чтобы ультра-плюсовымъ направлениемъ уничтожить прежній минусъ. Вотъ отчего, слѣдя математическимъ правиламъ, вся его дѣятельность, весь итогъ его публицистической карьеры равняется именно тому, что оно есть, т. е. *нулю*. Нужно слишкомъ не знать русское общество, нужно слишкомъ быть ослѣпленнымъ, чтобы не видѣть, что между «Москов. Вѣд.» и русскою жизнью такая-же разница какъ между здоровымъ человѣкомъ и интриганомъ-докторомъ, кричащимъ изо всей мочи о болѣзни, чтобы имѣть возможность выслужиться и сдѣлаться «спасителемъ». Въ своей самозванной роли «Моск. Вѣд.» въ такой-же степени чужды истинного выставленія русской жизни, въ какой мѣрѣ тенденціозны и желаютъ видѣть то, чего нѣть и малѣйшихъ слѣдовъ. Прошло, къ счастью, то непродолжительное время, когда русское общество, напуганное нѣкоторыми чисто-внѣшними симптомами болѣзни, внимало авгурамъ «Москов. Вѣд.», самымъ безперемоннымъ образомъ эксплуатировавшихъ это мимолетное настроение и тѣмъ самымъ подорвавшихъ свой собственный кредитъ. Не можетъ быть ничего общаго между безхитростнымъ русскимъ человѣкомъ и ослѣпленными партіонною враждою пу-

блицистами, которые не въ состояніи написать ни одной статьи, безъ того, чтобы не сдѣлать доноса на своихъ-же собратовъ по ремеслу и превратить литературу въ ссылкное отдѣленіе. Нѣтъ! «Моск. Вѣд.» къ чести русскаго общества не являются представителями какого нибудь общественнаго вѣянія и дѣятельность ихъ пользуется лишь болѣе чѣмъ ничтожною симпатіею ничтожнаго количества лицъ, которые не могутъ переварить еще до сихъ поръ многое изъ того, что сдѣлалось неотъемлемымъ достояніемъ русской націи уже не малое количество лѣтъ.

«Московскими Вѣдомостями» мы можемъ покончить съ газетами. Хотя послѣднихъ существуетъ весьма много, но разбрать всѣ было бы только излишнею тратою времени, такъ какъ онѣ болѣе или менѣе представляютъ сколки изъ разобранныхъ нами ежедневныхъ періодическихъ изданий и новыхъ характеристичныхъ чертъ не заключаютъ. Надѣемся, что и сказаннаго относительно нашей «большой» прессы достаточно, чтобы убѣдиться, что наше мнѣніе о реально-идеалистическомъ направлениіи современной эпохи не есть парадоксъ, а основывается на внимательномъ изученіи.

Перейдемъ теперь къ такъ называемымъ «толстымъ» журналамъ, гораздо болѣе пригоднымъ для изученія настроенія извѣстнаго времени, такъ какъ они не носятъ на себѣ характера сборника свѣдѣній, что вполнѣ допускается для газеты. Даже у самаго объективнаго журнала нетрудно добраться до его «credo», и лишь однѣ Ахматовскія и Львовскія собранія романовъ пихаютъ въ свои ежемѣсячныя книжки все безразлично, руководствуясь только тѣмъ, чтобы подиличикамъ было «занятно». Трудно найти такой малоуважающій себя журналъ, который не поставилъ-бы себѣ какой-нибудь при исполненіи своей задачи, который не обидѣлся-бы упрекомъ въ безпринципности. Вотъ отчего мы съ особенною любовью займемся разсмотрѣніемъ русскихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, благо ихъ немногого. Почерпнемъ изъ этого разбора свѣденія, характеризующія разные слои читающей публики, дающія намъ матеріалъ для уловленія разнообразныхъ міросозерцаній, формирую-

щихъ извѣстный колоритъ, извѣстную окраску данной эпохи. Если беллетристика и не вполнѣ намъ можетъ быть полезна въ этомъ отношеніи, то отдѣлы критики какъ нельзя болѣе для этого пригодны, такъ какъ лирическій элементъ, элементъ субъективизма не можетъ и не долженъ быть изгнанъ изъ живаго обсужденія чувствующимъ писателемъ современныхъ близко каждого касающихся вопросовъ.

Начнемъ съ «Вѣстника Европы» какъ наиболѣе объективнаго изъ русскихъ журналовъ. Вступая въ возобновленное свое существованіе въ 1866 году простымъ сборникомъ историческихъ матеріаловъ, онъ вскорѣ преобразился въ ежемѣсячный журналъ съ отдѣлами литературнымъ и критическимъ. Таковымъ онъ остался и до сихъ поръ. Чѣмъ-же руководствовалась и руководствуется его редакція при составленіи книжекъ, какимъ духомъ проникнута она? Общій характеръ безъ сомнѣнія «либераленъ». Но этимъ словомъ еще ничего неопределенно, ибо либеральна вся наша интеллигенція всѣхъ временъ и всѣхъ эпохъ. Исключенія, если и бываютъ, то они рѣдко искреннія и за кулисами всегда скрывается общечеловѣческая слабость къ благамъ мірскимъ. По этому, называя «Вѣстн. Европы» либеральнымъ, мы этимъ даемъ только видовое обозначеніе, нужно еще определить семейство, классъ. Чтобы выяснить болѣе пытливый характеръ журнала, обратимъ вниманіе на нѣкоторыя «специфическія» вещи, въ немъ появленные. Въ 1869 году на страницахъ «Вѣст. Европы» появляется романъ Гончарова «Обрывъ». Изъ первой части публика ни о чемъ еще не догадывается и полагаетъ, что въ Райскомъ имѣеть дѣло съ героемъ романа; она думаетъ увидѣть въ немъ одну изъ тѣхъ дилетантскихъ натуръ сороковыхъ годовъ, прекрасныхъ людей, но непригодныхъ гражданъ, какихъ мы привыкли встрѣчать въ лучшихъ представителяхъ прежней эпохи. Однимъ словомъ все полагаютъ увидѣть въ новомъ романѣ даровитаго художника, иѣчто въ родѣ апоѳеоза умирающаго Рудинскаго типа. Но вотъ дѣйствіе переносится въ провинцію и талантъ повѣствователя главнымъ образомъ употребляется на воспроизведеніе двухъ оригиналныхъ лич-

ностей Вѣры и Марка Волохова. Публика еще съ большею жадностью слѣдить за развитіемъ романа, ей интересно узнать, какъ отнесется одинъ изъ лучшихъ беллетристовъ нашихъ къ молодому поколѣнію, ее занимаетъ вопросъ такъ-ли вѣрно воспроизведеть авторъ «Обломова» новѣйшую формацию русской интеллигенціи, какъ охарактеризовалъ въ своихъ предыдущихъ сочиненіяхъ поколѣніе нашихъ «отцевъ». Но вотъ романъ пришелъ къ концу, развязка прочтена и публика въ недоумѣніи, она не можетъ прийти въ себя отъ изумленія. «Какъ! восклицаетъ она, «все молодое поколѣніе, все благотворное движение шестидесятыхъ годовъ, олицетворено въ плутоватомъ Волоховѣ, не гнушающемся поддѣлать чужую подпись, чтобы раздобыться деньгами? И это говорить авторъ, всегда вѣрно и не тенденціозно писавшій фізіологію нашего общества, а произведеніе его печатается не въ «Русскомъ Вѣстнику», а въ «Вѣстнику Европы», причисляющемъ себя къ фалангѣ либеральной прессы? Недоумѣніе и негодованіе было всеобщее. Справедливо-ли оно относительно Гончарова, мы разбирать теперь не станемъ; объ этомъ надѣемся поговорить въ другой разъ. Насъ собственно интересуетъ редакція «Вѣстника Европы». Неужели-же и она считаетъ Марка Волохова вполнѣ вѣрнымъ представителемъ новой Россіи, неужели-же и она записалась въ катковскій цѣхъ для уничтоженія разныхъ вредныхъ «измовъ»? Намъ очень пріятно отвѣтить на эти грозные вопросы вполнѣ отрицательно. Какъ послѣдовавшимъ романами и статьями такъ и прямо въ одной изъ критическихъ статей г. Евгенія Утина, редакція высказалась противъ основной тенденціи Гончарова и если не прямо и рѣзко осудила ее, то потому, что разъ напечатавъ на страницахъ своего журнала «Обрывъ» изъ уваженія къ талантливому воспроизведенію другихъ типовъ, «Вѣстнику Европы» неловко было уподобиться немедленнымъ выраженіемъ порицанія біблейской рабѣ, которая сама себя побила. Но кроме «Обрыва» «Вѣстникъ Европы» никакихъ «прегрѣшеній» противъ «либерализма» не совершилъ. Какъ «С.-Петербург. Вѣдомости» въ ежедневной прессѣ, такъ «Вѣстникъ Европы» въ ежемѣсячной,

носитъ также вполнѣ эклектическій характеръ съ реально-идеалистичнымъ направлениемъ. Какъ-же иначе прикажете назвать журналъ, гдѣ г. Евгений Утинъ пишетъ ультра-реалистическая критическая статьи, а г. Евгений Марковъ до нельзя восторгается произведеніями искусства въ венеціанскихъ церквахъ, мысли особенной не имѣющихъ и которыхъ поэтому могутъ привести въ восхищеніе только «эстетика» на прежній манеръ, т. е. диллетанта сороковыхъ годовъ, поклонника искусства для искусства. Въ «Вѣстнике Европы» постоянно сотрудничаютъ Полонскій, графъ Алексѣй Толстой, наряду съ Левитовымъ, Глѣбомъ Успѣнскимъ, Боборыкинымъ.

Но самымъ лучшимъ критеріумомъ для характеристики направленія «Вѣстника Европы» можетъ служить г. Пыпинъ, который въ своихъ статьяхъ о литературныхъ мнѣніяхъ пе-рода времени съ 1820 года по 1850 какъ нельзя болѣе является представителемъ современного примиренія съ идеализмомъ во имя реализма. Въ самомъ дѣлѣ, г. Пыпинъ всегда относится съ уваженіемъ къ какому бы-то нибыло образу мыслей, былъ-бы лишь онъ не напускнымъ и служилъ-бы дѣйствительно выражениемъ какой-бы то нибыло умственной работы. Если онъ съ славянофилами несогласенъ, то это не мѣшасть сму цѣнить въ нихъ стремленіе къ истинѣ, безкорыстное отношеніе къ наукѣ, искренность ихъ міросозерцанія. Г. Пыпинъ, хотя и «западникъ», настолько безпристрастенъ, чтобы отдать славянофильскому движению должную справедливость признаніемъ за нимъ заслуги пробужденія національного чувства, на первый разъ, положимъ, выразившагося въ нѣсколько уродливыхъ формахъ, но все-же положившаго начало тому сознанію собственнаго достоинства, безъ котораго не можетъ существовать въ равной степени какъ отдѣльный индивидуумъ, такъ и ассоціація ихъ, претендующая на какое нибудь значеніе въ дѣлѣ развитія и прогрессированія общечеловѣческихъ идей и стремленій. «Западничество» не мѣшаетъ г. Пыпину усмотреть слабыя стороны этого направленія и при разборѣ его, онъ дѣлается гораздо болѣе строгимъ и взыскательнымъ, такъ какъ ошибки западничества, при жизненности этого строя мыслей,

принесли большой вредъ, нежели умствованія славянофиловъ, никогда къ дѣйствительности не прилагавшія и потому вслѣдствіе одного такого обстоятельства имѣющія право на снисхожденіе. Касаясь интеллигенціи сороковыхъ годовъ, г. Пыпинъ дѣлаетъ ей много горькихъ упрековъ за малую пользу, которую она при богатствѣ и обилии силъ, принесла своей странѣ. Г. Пыпинъ ставитъ въ вину многимъ первокласснымъ дѣятелямъ прежней эпохи ихъ легкое отношеніе къ истиннымъ насущнымъ потребностямъ своего народа и деллетантизмъ на всѣхъ попрыщахъ. Г. Пыпинъ не можетъ простить заоблачность тенденцій и стремленій. Въ этомъ недовольствѣ, въ этихъ упрекахъ слышится реалистъ, человѣкъ шестидесятыхъ годовъ, который не можетъ забыть, что все должно носить отпечатокъ дѣйствительности, характеръ жизненности. Казадось бы при такихъ возврѣніяхъ, г. Пыпинъ долженъ быть безпощадно отнесись къ сороковымъ годамъ, мы должны были бы встрѣтить то-же отношеніе къ нимъ, къ какому мы привыкли при чтеніи журналовъ начала прошлаго десятилѣтія. На самомъ дѣлѣ, этого однакоже неѣть: реализмъ не ослѣпляетъ г. Пыпина, хотя онъ не менѣе своихъ ультра-реалистичныхъ собратовъ сознаеть барскій характеръ прежней интеллигенціи и понимаетъ, что не совсѣмъ лестная обломовщина составляетъ значительный ингредиентъ характера нашихъ «отцевъ». Несмотря на это, г. Пыпинъ находитъ несправедливымъ и не вполнѣ научнымъ строго упрекать людей за порядокъ ими несозданный и институты, отмѣнить которые не есть дѣло единичныхъ личностей или небольшаго кружка, хотя и сознающаго язву, истощающес обществоенное тѣло, но неимѣющаго все-же ни малѣйшей возможности вывести родную страну изъ такого ненормального положенія. И такъ и въ г. Пыпинѣ мы видимъ представителя того примиряющаго направленія, которое убѣждено, что во всякомъ *искреннемъ міросозерцанії* есть испрѣмѣнно значительная доля правды и что слѣдовательно безпристрастіе есть элементъ наиболѣе нужный человѣку, задавшемуся повѣдать своимъ согражданамъ результаты своего мышенія. Какъ ученый глубоко изучившій прежнюю эпоху, какъ человѣкъ въ

то-же время вполнѣ современный, г. Пыпинъ намъ важень тѣмъ, что доказываетъ собою неизбѣжность появленія у всякаго тонко-развитаго человѣка переходныхъ эпохъ эклектическаго направлени. Переходная эпоха есть время передумыванія, время подведенія итоговъ раньше добытымъ результатамъ, время холода-наго критицизма и отсутствія увлеченія. Грустно только то, что для массы такія переходныя эпохи менѣе лестны, потому что эклектизмъ интеллигенціи является всегда спутникомъ отсутствія въ большинствѣ общества опредѣленнаго направлени и неоформленности строя мыслей.

«Отечественные Записки» считаются всѣми за журналъ со строго-опредѣленною тенденціею, и притомъ радикальною, нѣчто въ родѣ группы лѣвой стороны, близко граничащей съ крайней лѣвой. Однакоже это не совсѣмъ вѣрно. «Отеч. Зап.» поставили себѣ цѣлью вѣрно преслѣдоватъ задачу и преданія «Современника» и надо отдать справедливость исполняютъ довольно успѣшно свое дѣло. Но отъ неизбѣжнаго дѣйствія времени и они не могли укрыться. Спрашивается рискнуль-ли бы когда нибудь «Современникъ» назвать статью Писарева о Пушкинѣ вандализмомъ, подвигомъ похожимъ на разрушение Бандомской колонны коммунарами. А между тѣмъ г. Михайловскій неубоялся провозгласить эту вполнѣ вѣрную мысль. Устами г. Скабичевскаго «Отечественные Записки» рѣзко выказались противъ тенденціозности какого-бы то ни было оттѣнка. Это-же неодобрение принципа «цѣль оправдываетъ средства», принимаемаго даже въ самомъ возвышенномъ смыслѣ, редакція «Отеч. Зап.» выразила въ своемъ примѣчаніи къ статьѣ г-жи Цебриковой о Шпильтгагенскихъ герояхъ. Редакція «Современника» врядъ-ли нашла-бы надобность въ подобномъ примѣчаніи. Въ «бутадахъ» Щедрина нерѣдко попадаются очень злыя насмѣшки надъ «нашимъ временемъ, когда». Какъ видите, самые выдающіеся сотрудники «Отечественныхъ Записокъ» ничуть не суть безусловные поклонники шестидесятыхъ годовъ, хотя ревностно выступаютъ въ ихъ защиту, когда разные перебѣжчики, какъ извѣстно всегда отличающіеся своимъ отчаяннымъ лаемъ на составленный лагерь, дерзаютъ

именовать благотворное время пробуждения анализа и общественного прозрѣнія «комическимъ временемъ на Руси». Да, противъ такихъ нападокъ и г. Скабичевскій и г. Михайловскій, и Щедринъ и Некрасовъ не откажутся вооружиться. Но имъ дѣло съ своими-же единомышленниками, которымъ нечего объяснять азбучныя истины, вышеназванные писатели не могутъ не сознаться, что шестидесятые годы имѣютъ довольно много не вполнѣ рациональныхъ сторонъ и что слѣдовательно слѣпо поклоняться всему ими выработанному было-бы точно такимъ-же вреднымъ консерватизмомъ, какъ возведеніе въ идеалъ какимъ-нибудь «Русскимъ Миромъ» взглядовъ тридцатыхъ годовъ.

Изъ всѣхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ» наиболѣе пригодности для уловленія «средо» этого журнала представляется г. Михайловскому. Въ своихъ ежемѣсячныхъ замѣткахъ о текущей литературѣ онъ ведетъ бесѣду о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и потому невольно долженъ обо всемъ высказаться. Мы всегда съ особеннымъ удовольствиемъ читаемъ эти бесѣды, такъ какъ видимъ въ ихъ авторѣ очень умнаго и развитаго писателя, въ которомъ намъ чрезвычайно пріятно найти отыскиваемое нами реально-идеалистичное направлѣніе. Реализмъ г. Михайловского мы доказывать не станемъ: онъ слишкомъ ясенъ для всякаго читающаго его «замѣтки». Но стоитъ только внимательно всмотрѣться, что бы открыть въ нашемъ публицистѣ и идеальное міросозерцаніе. И дѣйствительно, г. Михайловскій высоко цѣнитъ искусство, онъ всегда обращаетъ вниманіе на художественное исполненіе при оцѣнкѣ достоинствъ беллетристического произведенія и благосклонно относится къ вещамъ, гдѣ даже абсолютное отсутствіе мысли замѣняется на столько прекрасною формою, что послѣдняя сама по себѣ уже представляетъ собою мысль, идею о красотѣ. Г. Михайловскій нерѣдко говоритъ въ своихъ обозрѣніяхъ о возвышающемъ дѣйствіи музыки и вообще изящныхъ искусствъ. Но всего рѣзче высказалось его отличие отъ публицистовъ одного реального направленія въ томъ обстоятельствѣ, что онъ очень благосклонно, даже слишкомъ благосклонно отзывался о «Греческихъ Антологіяхъ» Щербины, гдѣ во-

спъвается голое тѣло и сладострастная ситуация. Въ этихъ воспѣваніяхъ г. Михайловскій увидѣлъ полное усвоеніе Щербиною античнаго понятія о красотѣ и ставить ему это въ большую заслугу. Безъ сомнѣнія одобрение г. Михайловскаго стихотвореній Щербины не такого сорта какъ былъ-бы восторгъ предъ ними одного изъ критиковъ-«эстетиковъ», хотя-бы, положимъ, покойнаго Николая Соловьева. Но намъ важно отмѣтить тотъ фактъ, что «греческія» стихотворенія Щербины съ ихъ желаніями обнять молодое, гибкое тѣло и прижать къ своей груди обнаженные перси вакханки, предающейся сладострастнымъ удовольствіямъ, вообще со всѣмъ ихъ эротическимъ содержаніемъ не возбудили въ «прогрессивномъ» критикѣ «Отеч. Записокъ» гомерического хохота и глумленія надъ поэтомъ. Вѣдь если Писаревъ и вообще реальная критика не признаvalа никакого значенія за Пушкинымъ и Лермонтовымъ то нечего уже говорить что Щербина не былъ-бы поставленъ и на такуюступень. Его-бы въ былое время просто на просто окрестили-бы человѣкомъ, который свое дарованіе тратить на возбужденіе чувственности и никакихъ-бы идей въ его голыхъ тѣлахъ не замѣтили-бы. Примѣръ отношенія г. Михайловскаго къ Щербинѣ нагляднѣе всего показываетъ, что времена нынѣче перемѣнились, что идеализмъ, котораго реализмъ шестидесятыхъ годовъ чуть было не изгналъ изъ всѣхъ его укрѣплений, снова поднимаетъ голову и начинаетъ играть значительную роль въ общественномъ міросозерцаніи. Да и неудивительно почему: идеализмъ необходимъ нашей эпохѣ какъ противодѣйствіе тому материализму и меркантилизму, что охватили въ послѣднее время часть нашего общества, хотя и ни въ какомъ случаѣ не составляющей его интеллигенцію, но все-же на столько обладающей силою и значеніемъ мірскими, что непросвѣщенное давленіе этой грубой силы замѣтно на всемъ обществѣ вообще. Меркантильный духъ былъ въ маломъ развитіи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и потому не помѣшалъ анти-идеалистическому движенію того времени принять одинъ только философскій характеръ реализма, между тѣмъ какъ теперь во многихъ случаяхъ реализмъ облекся въ грубыя и непривлека-

тельныя формы логони за мірскими благами. Вотъ отчего долгъ всякаго любящаго свою страну развитаго гражданина состоять въ настоящее время въ томъ, чтобы отвлечь своихъ согражданъ отъ поклоненія Мамонѣ и заставить ихъ потратить свое время на занятія предметами, польза изученія которыхъ не выразится немедленно-же въ видѣ акцій и банковыхъ билетовъ. Буржуазному духу нашего времени вредно и опасно давать опору въ исключительно реальному міросозерцаніи и вотъ почему неизбѣжною реакциею материализма массы является поддержкость современной интелигенціи идеализмомъ, не мечтательнымъ идеализмомъ сороковыхъ годовъ, а тою здоровою идеальностью, которая играетъ роль предохранительного средства отъ заѣданія пошлостью материального окружающаго, которая даетъ нравственную мощь съ презрѣніемъ оттолкнуть всякие компромиссы, где вѣчные законы истины и справедливости жертвуются для удовлетворенія низменныхъ цѣлей стремленій къ жизни.....

Прибавимъ еще нѣсколько словъ о «Дѣлѣ» и о «Русскомъ Вѣстнике» чтобы покончить съ нашимъ обзоромъ главнѣйшихъ органовъ печати.

Если «Отечественные Записки» являются какъ-бы продолженiemъ «Современника», то «Русское Слово» въ настоящее время имѣеть своимъ преемникомъ «Дѣло». Въ первые годы своего существованія «Дѣло» только по наружности и названию отличалось отъ своего предшественника. Прекратившійся журналъ очень малымъ разнился отъ новаго. Несходство состояло только въ томъ, что «Русское Слово» выходило въ самый разгарь *«нашего времени когда»*, а «Дѣло» подоспѣло, когда волненіе начало улегаться. Главный сотрудникъ «Дѣла» первого времени,—Дмитрій Ивановичъ Писаревъ значительно пересталъ увлекаться и статьи его, при свойственной ему талантливости начали приобрѣтать характеръ вполнѣ научнаго отношения къ дѣлу. Но вскорѣ смерть унесла даровитаго критика изъ рядовъ горько оплакивавшей его потерю русской литературы и главнымъ критикомъ «Дѣла» становится г. Петръ Ткачевъ. Дѣятельность его весьма схожа съ таковою Писарева,

хотя, впрочемъ, у него далеко нѣтъ того замѣчательнаго, почти геніального изложенія Писарева, за которое ему часто прощаются его критические промахи. Г. Ткачевъ началъ свое литературное поприще въ самомъ реальномъ духѣ, если онъ и не ставилъ Шекспира ниже сапоговъ, то потому только, что на столько Все-же обладалъ талантомъ и критическимъ чутьемъ, чтобы не договориться до подобной невѣжественной нелѣпости. Но съ каждымъ годомъ онъ становится «смиренѣ» и о, Великій Боже! Въ 1872 году г. Ткачевъ начинаетъ толковать о «художествахъ». Читаешь и глазамъ своимъ не вѣришь: г. Ткачевъ, этотъ болѣе реальный чѣмъ реализмъ критикъ, упрекаетъ Тургенева въ отсутствіи «художественности»! Вторично приходится вложить въ ротъ палецъ удивленія, когда въ томъ-же «Дѣлѣ», гдѣ были напечатаны почти всѣ произведенія г. Михайлова - Шеллера, г. Ткачевъ, превратившись въ «Постнаго», читаетъ своему товарищу длиннѣйшую и обстоятельнѣйшую нотацію за тенденціозность его романовъ. Г. Постный не умягчается даже тѣмъ обстоятельствомъ, что въ романахъ Михайлова проповѣдуются «хорошія» идеи. Уже это-ли не знаменіе времени! Разительнѣе мы ничего и привести не можемъ, да и надобности въ этомъ нѣтъ. И еще вотъ что замѣчательно: наряду со стараніями г. Постнаго поставить свою критику на вполнѣ реальную почву, вы замѣчаёте, что тонъ его статьи поддернутъ легкою меланхоліею. Послѣднее, положимъ, зависѣло отъ нѣкоторыхъ совершенно не литературныхъ обстоятельствъ, но намъ важно то, что мечтательный субъективизмъ автора статьи не помѣшалъ ей быть помѣщен-ной въ журналѣ, всегда смиявшемся надъ подобной сентимен-talьшиной, недостойной «реальнаго» критика, долженствую-щаго задать тонъ жадно внемлющей его словамъ читающей публикѣ. И г. Шелгуновъ, подъ фирмою Радюкина, начинаетъ «подпускать» въ своихъ статьяхъ прежде ему не свойственную чувствительность, а перебравшись въ фельетонъ «Недѣли» онъ окончательно переобразовывается въ тонко-чувствующаго человѣка, который никогда не станетъ смияться тѣмъ оскорбляю-щимъ душу смѣхомъ, къ которому мы привыкли въ статьяхъ

прежнихъ публицистовъ «Дѣла», въ душѣ убѣжденныхъ, что Лермонтовъ есть поэтъ чахоточныхъ барышень.

И такъ мы видимъ, что и «Дѣло» поддалось замѣчательному метаморфозу, происшедшему съ нашей интеллигенцію послѣдняго времени. Радикальная броня преемника «Русскаго Слова» не могла устоять отъ напора идеализма, долго прятавшагося отъ лучай дневнаго свѣта, но теперь воспрянувшаго въ обновленной формѣ.

Объ «Русскомъ Вѣстнике» много распространяться нечего. Какъ «Московскія Вѣдомости» въ ежедневной печати, такъ «Русскій Вѣстникъ» въ ежемѣсячной стопѣ совершенно особо отъ русской жизни и вся его дѣятельность напоминаетъ намъ лай дряхлой собаки, которая уже ничего не видитъ и не слышитъ, но все еще считаетъ своею непремѣнною обязанностью тявкнуть на всякое проходящее лицо. «Нигилизмъ» кажется уже совсѣмъ въ архивѣ сданъ, а «Русскій Вѣстникъ» все еще противъ него ратуетъ и отыскиваетъ лицъ, проштанныхъ этимъ вреднымъ направленіемъ. Ретроградство его дошло въ послѣднее время до границъ невозможнаго. Посудите сами: въ 1874 году «Русскій Вѣстникъ» начинаетъ доказывать незначительность результатовъ французской революціи 1789 года. Удивительнѣе этого колѣнца и не выкинешь! Понятно, что при такихъ передовыхъ воззрѣніяхъ даже сороковые годы являются «вредными» въ глазахъ критиковъ архаического журнала. Двадцать пять лѣтъ, прошедшихъ послѣ смерти Бѣлинскаго никакъ еще не могутъ примирить катковское сокровище съ направленіемъ великаго критика и старческому уму его послѣдній все еще кажется опаснымъ новаторомъ. О тѣни Булгарина и Греча! Ликуйте во гробахъ своихъ. Вы имѣете вполнѣ вѣрныхъ представителей вашего направленія; духъ вашъ не умеръ. Онъ только принялъ другіе имена! Критическій отдѣлъ «Русскаго Вѣстника» наполняется белибердой г. А., прославившагося своимъ открытиемъ «летебургской» журналистики, въ отличіе отъ правовѣрной московской, въ беллетристической-же части фигурируютъ разныи Лѣсковы, Маркевичи, Авсѣнки, Вс. Крестовскіе и имъ подобные, составляющіе ту знаменитую

«плеяду», которая, покамѣсть, признается только лицами ее составляющими. Лишь изрѣдка появится въ «Русскомъ Вѣстнику» что нибудь безъ обличенія разныхъ измовъ, въ родѣ талантливаго романа графа Сальяса, а затѣмъ опять пойдутъ писать разные талантики, а чаще всего бездарности, замѣняющія недостатокъ дарованія прохаживаніемъ по части клубнички и обличенія вредныхъ идей. «Челядь» «Русскаго Вѣстника», какъ остроумно и мѣтко назвалъ публицистъ «Отечественныхъ Записокъ» Катковскихъ молодцевъ, изъ кожи лѣзть воинъ, чтобы угодить своему патрону и потому неизмѣримо ниже стоять въ нравственномъ отношеніи дѣятелей «Гражданина». Тамъ вамъ смѣшно, забавно, и ничего болѣе. Здѣсь же вы возмущаетесь на каждомъ шагу самыи безцеремонныи извращеніемъ истины, самыи нахальныи называніемъ бѣлага чернымъ и наоборотъ, самыи недобросовѣстныи и (будемъ мягки) не «гражданскимъ» отношеніемъ къ явленіямъ современной жизни, къ вопросамъ, волнующимъ русское общество. Роль «Русскаго Вѣстника» купно съ «Московскими Вѣдомостями» въ охранительной партіи имѣеть вообще чрезвычайно много сходства съ положеніемъ Касаньяковъ въ бонапартисткой. Русскіе коллеги почтенныхъ редакторовъ газеты «Pays» стараются во всемъ походить на свой французскій образецъ и должно отдать справедливость, въ совершенствѣ переняли образъ дѣятствія Касаньяковъ. Аналогія до того поразительна, что даже отношеніе русской публики къ своимъ доморощеннымъ Касаньякамъ вполнѣ схоже съ отношеніемъ французской газетной публики къ настоящимъ представителямъ этого типа писакъ.

Мы кончили нашъ обзоръ периодической печати, мы разсмотрѣли главнѣйшиe органы русской мысли. Надѣемся, въ теченіи этого обзора, читатели могли убѣдиться, что именно реально-идеалистическое направление характеризуетъ наше время, составляетъ его отличительный признакъ. Но одно простое констатированіе истиности нашего предположенія не можетъ насъ удовлетворить. Мы вѣдь только убѣдились въ существованіи известного факта и ничего больше. Мы ничуть

еще не доказали, что должны рабски подчиниться общему характеру современного общества, мы не доказали законность идеально-реалистического направления, мы очень мало выяснили его права на сочувствие интеллигентныхъ людей. Общественное мнѣніе и общественные направленія не всегда безупречны, не всегда стоятъ на настоящей почвѣ. Внимательное изученіе теченія исторической жизни народовъ нась убѣждаетъ въ томъ, что заблужденіе не есть свойство однихъ только единичныхъ личностей; нерѣдко цѣлые огромныя общества, цѣлые народы могутъ ошибаться самыми непростительными образомъ. Развѣ намъ слѣдуетъ извинить Варфоломеевскую ночь только за то, что въ этомъ злодѣяніи участвовалъ весь Парижъ? Развѣ мы должны сочувствовать квасному нѣмецкому патріотизму только потому, что вся Германія имъ охвачена? Развѣ намъ слѣдуетъ раздѣлять негодование Англійского общества начала этого столѣтія противъ «безнравственности» Байрона? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Наши симпатіи, наше влечение должны быть всегда на сторонѣ безпредвзятой истины, а тамъ кто ее высказываетъ, одинъ-ли человекъ или цѣлыхъ сто, это для нась абсолютно все равно. Слѣдовательно, желая своимъ трудомъ дать образчикъ отношенія реальной-идеалистической критики къ современнымъ литературнымъ дѣятелямъ, мы должны сначала показать жизненность этого направленія, показать законность его притязаній не пройти незамѣченнымъ въ массѣ общественныхъ вѣяній, когда-либо русскій народъ обуревавшихъ. Мы должны представить свое *profession de foi*, мотивированное какими-нибудь философскими или этическими принципами.

Среди своихъ многочисленныхъ боговъ и богинь, среди олицетворенія всѣхъ силъ и явлений природы, древніе греки имѣли одно божество, которое совершенно не походило на остальные и составляло довольно загадочное исключение изъ антропоморфического характера древнегреческой миѳологии. Божеству этому были подчинены всѣ боги и даже самъ великий громовержецъ Зевсъ не ускользалъ изъ подъ его власти и руководствовался его велѣніями. Грозное и могучее существо, обладавшее такою огромною силой не олицетворялось въ

человѣческомъ образѣ, не одарялось человѣческими страстями и стремлѣніями. Оно было безформенно, несязаемо, мотивы его были неподчинены человѣческой логикѣ. Это всесильное и таинственное божество называлось судьбою, рокомъ, *ананке* по гречески. Видя въ обыденной повседневной жизни нерѣдкіе случаи торжества порока и гибель праведныхъ, греки никакъ не хотѣли приписать подобное неморальное явленіе своимъ богамъ, въ большинствѣ случаевъ воплощенію совершенства и справедливости. Конкретное міросозерцаніе древняго эллина отступаетъ въ данномъ случаѣ отъ своего обычнаго характера и создаетъ неоформленное слѣпое божество, по капризу котораго все во вселенной совершаются; не исключаются изъ района его владычества даже обитатели Олимпа. Никто изъ смертныхъ не можетъ понимать дѣйствій *ананке* и въ этомъ его значеніе. Введя подобный стъ первого взгляда нераціональной элементъ въ свою довольно складную міѳологію, тонко-чувствующій и развитой сынъ Эллады, въ сущности поступилъ очень обдуманно. Подобнымъ образомъ онъ разъ на всегда положилъ конецъ своимъ нравственнымъ мученіямъ при видѣ несправедливостей, остающихся ненаказуемыми. Отсутствіе всякаго смысла вѣдь тоже иногда имѣеть свой смыслъ. *Ананке* слѣла и дѣлу конецъ. Она дѣйствуетъ по произволу, разгадать который никто не въ состояніи, а потому и не должно стараться человѣческою логикою оправдать поступки, совершаемые высшимъ существомъ.

Христіанство изгнало изъ своей доктрины слѣпую, как-признанную судьбу и замѣнило ее принципомъ вѣчной справедливости, которая если и не всегда проявляется на землѣ, то за то всегда имѣеть мѣсто въ загробной жизни. Подобное вѣрованіе не помѣшало, однакоже, грубымъ и материальнымъ среднимъ вѣкамъ удариться въ самый непросвѣщенный фатализмъ, далеко не носившій философскаго характера древнегреческой *ананке*. Что касается образованныхъ людей среднихъ вѣковъ, ученыхъ, то они отказались отъ попытокъ подвести міровыя явленія подъ какой-нибудь общий законъ и не тратили своего времени на отыскиваніе такой законности.

Среднія вѣка составляютъ одно такое сплошное явленіе несправедливости и попиранія самыхъ элементарныхъ основъ осмысленного существованія, что скорѣе ненормальнымъ являлось всякое проявленіе истины и справедливости. Въ вѣка поголовнаго обмана, честность близко граничила съ тѣмъ, что немцы называютъ *Einfältigkeit* и наивнѣй былъ всякий кто старался находить правду въ поступкахъ людей, надъ нею смиявшихся и никакого уваженія къ ней не имѣвшихъ. Но вотъ мракъ среднихъ вѣковъ разсвѣвается. Образованность вступаетъ въ свои права, а вмѣстѣ съ нею и идея справедливости. Все это мѣшаетъ просвѣщеннымъ людямъ удовлетвориться фатализмомъ прежняго времени. А между тѣмъ ни-
чуть не умалляется количество дѣлъ, гдѣ полираются всякия правила добра и истины, ни-
чуть не переводятся случаи, когда негодованіе есть единственное выраженіе нашихъ чувствъ. И вотъ почему на смѣну фатализму въ періодъ новой и новѣйшей исторіи является идеализмъ, наиболѣе проявившійся въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. И для человѣка современной эпохи идеализмъ есть міросозерцаніе, имѣющее огромныя права на его сочувствіе и годное для удовлетворенія его духовныхъ потребностей, для смягченія душевной боли при безчисленныхъ случаяхъ проявленія элемента неправды.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ станетъ утѣшать себя человѣкъ реставраціонный эпохи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, когда онъ впдѣтъ снова попранными права, кровью добытыя человѣчествомъ въ періодъ первой французской революціи, когда онъ вездѣ вокругъ себя видѣтъ мелкое себялюбіе и презираніе общественной пользы. Чѣмъ инымъ усмирить онъ свою тоску, какъ не твердою надеждою увидѣть современемъ все на своихъ мѣстахъ, какъ не твердымъ убѣжденіемъ въ живучести и будущей побѣдѣ своего идеала нормальнаго государства. Чѣмъ инымъ станетъ утѣшать себя республиканецъ, изгнанный государственнымъ переворотомъ втораго декабря, какъ не твердою вѣрою, что истина возьметъ свое, что рано или поздно, но спадетъ съ глазъ ею согражданъ

покровъ, ловко накинутый дерзкимъ авантюристомъ и они убѣдятся, что развитымъ и образованнымъ людямъ можно и должно жить только по законамъ, выработаннымъ на идеи торжества справедливости и рациональности. Какое иное міросозерцаніе кромѣ идеального даетъ нравственную опору человѣку, который не рассматриваетъ успѣхъ какъ мѣрило правдивости и потому можетъ только съ омерзѣніемъ и отвращеніемъ смотрѣть на поклоненіе современной намъ эпохи желѣзной философіи Бисмарка, только потому не побиваются каменьями, что слѣпая судьба дала опору его несправедливымъ стремленіямъ и что большинство людей настолько материально, что могутъ истину сдѣлать только служительницею своихъ интересовъ, но никакъ не подчинить свое материальное положеніе требованіямъ истины. Какое другое возврѣніе кромѣ идеального приходится усвоить лотарингцу или эльзасцу, когда онъ въ одно прекрасное утро видитъ себя отторгнутымъ отъ страны, всепѣло поглощавшей его симпатіи, отъ страны, въ пріобрѣтеніи свободы для которой онъ жертвовалъ своимъ достояніемъ и жизнью, въ чьей цивилизаціи онъ участвуетъ и въ ней такой-же неотторжимый элементъ составляетъ, какъ всякий кореннай франпузъ изъ центра Франції. Чѣмъ другимъ долженъ быть успокоить боль души своей итальянецъ пятидесятыхъ годовъ при видѣ того, какъ прекрасную родину его терзаютъ разные пришельцы и непришельцы, которые, однакоже, въ своей отчужденности отъ общихъ интересовъ страны были для нея не менѣе далеки. Что должно было удерживать отъ отчаянія Гарибалльди или Мадзині при видѣ долголѣтней невозможности своей помочь горю родной страны, вывести ее изъ плачевнаго состоянія, поставить на настоящую ногу внутреннаго благоустройства и національной независимости, смыть раны, зіяющія на окровавленномъ тѣлѣ Италіи. Только къ одному идеализму могъ присоединиться венеціанецъ, когда его сажали въ смрадную австрійскую тюрьму единственно за то, что въ вѣкъ еще полнаго владычества и поклоненія грубой силѣ онъ вздумалъ руководиться болѣе возвышенными принципами.

Какое другое міросозерцаніе, наконецъ, болѣе подходитъ къ гражданамъ тѣхъ государствъ, гдѣ образованность уже достигла степени, когда страна нуждается въ регламентациі по примѣру другихъ образованныхъ націй, когда она нуждается въ разумномъ устройствѣ, которое соотвѣтствовало-бы истиннымъ нуждамъ страны, которое регулировало-бы гнетъ разныхъ ненормальныхъ общественныхъ институтовъ, которое не давало-бы возможности процвѣтать цѣлому легіону разныхъ двусмысленныхъ личностей, давящихъ и сокъ высасывающихъ изъ своего народа, которое клеймило-бы наказаніемъ и общественнымъ презрѣніемъ лицъ, забывшихъ вѣру въ какіе либо идеалы добра и истины и потому поставившихъ единственнымъ мотивомъ своихъ поступковъ личныхъ, своеокрыстнія цѣли. Чѣмъ другимъ, спрашиваемъ мы, какъ не идеализмомъ будетъ руководствоваться гражданинъ вышеописанной страны когда въ награду за протестъ противъ ненормального и неморального порядка вещей, на него смотрятъ очень и очень не дружелюбно, а подъ часть, когда его протестъ выражается въ болѣе рѣзкихъ проявленіяхъ, и совсѣмъ не благосклонно къ этому относятся.... И человѣкъ, не столько энергичный, чтобы мысленный протестъ его выразился-бы какимъ нибудь вещественнымъ образомъ, находить опору своему то-склонному настроенію въ идеализмѣ. Въ вѣчныхъ созданіяхъ искусства, онъ наталкивается на тотъ идеальный міръ чистой красоты и совершенства, который никогда въ сѣренѣйкой пошлости обыденной жизни не встрѣтитъ. Тутъ онъ попадаетъ въ область, гдѣ всякое его справедливое требование не остается безъ удовлетворенія, въ область, гдѣ нѣть корыстныхъ разсчетовъ, гдѣ единственнымъ мотивомъ являются прекрасные и чистыя цѣли. Во времена общественной приниженнности, общественной неурядицы, отъ общества не зависящей, искусства и вообще художества находятся въ большемъ процвѣтаніи, потому именно, что большинство развитыхъ людей находитъ въ нихъ отдохновеніе отъ грустныхъ думъ и примиреніе со своими высшими требованиями. Вотъ отъ чего какъ нельзя болѣе естественноя является интеллигенція сороковыхъ годовъ,

потратившая всѣ лучшія силы свои, весь запасъ природныхъ дарованій на воспроизведеніе въ художествѣ душевной боли своей; стонъ своего наболѣвшаго сердца. Поэзія, да поэзія; была необходима нашимъ «отцамъ», иначе они бы унизились до участія въ разныхъ несправедливостяхъ, до забвенія истиннаго понятія о человѣческомъ достоинствѣ и требованіяхъ осмыслиеннаго человѣческаго существованія.....

Мы изложили права идеализма на наше сочувствіе. Мы показали законность его владычества въ сороковыхъ годахъ. Этимъ мы все-же не желаемъ сказать, чтобы вполнѣ раздѣляли русскій идеализмъ прежней эпохи. Дѣло въ томъ, что какъ еще Наполеонъ сказалъ «*du sublime au ridicule n'est qu'un pas.*» Идеализмъ сороковыхъ годовъ ударился въ крайность. Онъ говорилъ, что въ искусствѣ не должно быть ничего «грязнаго». Только одно возвышенное и прекрасное. Совершено забыли ту элементарную мысль, что въ описаніи хотя-бы Гоголевскаго Акакія Акакіевича лежитъ столько-же любви къ человѣчеству и самой возвышенной гуманности, сколько въ описаніи томленія какого нибудь изящнаго джентльмена à la Райскій. «Эстетики» наши не сообразили, что требованіе ихъ объ изгнаніи изъ области искусства «грязнаго» тогда бы имѣло смыслъ, и являлось-бы законнымъ, если-бы жизнь была на столько прекрасно устроена, что зло, понимаемое въ обширномъ смыслѣ несовершенства, въ ней являлось-бы исключениемъ. Тогда, пожалуй, незачѣмъ вводить случайный патологический элементъ въ литературу. Но когда на самомъ то дѣлѣ оно совсѣмъ не такъ розово на свѣтѣ и скорѣе добро является спорадическимъ, то смѣшно и нелѣпо изгонять изъ области художественныхъ произведеній требованія дѣйствительной жизни и созидать себѣ какой-то небывалый міръ, гдѣ ничего не возмущаетъ спокойствіе вашего духа, гдѣ вы передаетесь самообману, нелѣпѣшему самообольщенію, годному для маленькихъ дѣтей, но никакъ недля взрослыхъ людей. Въ этой фазѣ своего развитія русскій идеализмъ дошелъ до принципа искусства для искусства, до оправданія безъпредѣнности ради прекрасной формы. Не удивительно, что эксцессы, подобные вышесказаннымъ, про-

извели рэакцію, которая получила страшное подкрепление въ критицизмѣ, овладѣвшемъ русскимъ обществомъ, когда крымская компания, показала всю ненормальность множества оснований прежняго общественнаго устройства.

Реализмъ, реальное направлениe явились на смѣну идеальному. Оно поставило основою своего міросозерцанія *реальныя* нужды человѣчества, требованія его, вытекающія изъ реальныхъ, физиологическихъ потребностей человѣка. Искусство, какъ не физиологически необходимое для организма, отверглось и было поставлено на степень забавы.

«Природа—мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ,— съ этою мыслью я готовъ согласиться», говоритъ Писаревъ разбирая «Отцевъ и Дѣтей»; но, развивая эту мысль дальше, я никакъ не прихожу къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ приходитъ Базаровъ. Работнику надо отдыхать, и отдохъ не можетъ ограничиться однимъ тяжелымъ сномъ послѣ утомительного труда. Человѣку необходимо освѣжаться пріятными впечатлѣніями, и жизнь безъ пріятныхъ впечатлѣній, даже при удовлетвореніи всѣмъ насущнымъ потребностямъ, превращается въ невыносимое страданіе. Послѣдовательные материалисты, въ родѣ Карла Фохта, Малешота и Бюхнера, не отказываютъ поденщику въ чаркѣ водки, а достаточнымъ классамъ въ употребленіи наркотическихъ веществъ. Они смотрятъ снисходительно даже на нарушеніе должной мѣры, хотя признаютъ подобная нарушенія вредными для здоровья. Если бы работникъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы въ свободные часы лежать на спинѣ и глядѣть на стѣны и потолокъ своей мастерской то тѣмъ болѣе всякий здравомыслящий человѣкъ сказалъ-бы ему: глазѣй, любезный другъ, глазѣй сколько душѣ угодно; здоровью твоему это не повредитъ, а въ рабочее время ты глядѣть не будешь, чтобы не надѣлать промаховъ *Отчего-же, допуская употребление водки и наркотическихъ веществъ вообще, не допустить наслажденія красотою природы, мягкимъ воздухомъ, сенью зеленою, инѣжными переливами красокъ.*»

Какъ видите искусство рассматривается исключительно

какъ десертъ послѣ обѣда, какъ праздничная чарка водки. Опять таки оно признавалось, если выражало какую нибудь мысль, которая при томъ тоже должна была быть реальною, а не выспреннею, не отъ мѣра сего. Какъ всегда бываетъ, послѣдователи, не обладающіе талантомъ основателя школы, доводятъ иное требованіе учителя до абсурда. Такъ и въ данномъ случаѣ, нѣкоторые близорукіе приверженцы реализма, свели даже реализмъ на узкую *практичность*. Одинъ критикъ выразился о беллетристикѣ «Дѣла», что цѣль иного многолистнаго романа, тамъ печатающагося состоитъ въ томъ, чтобы пропагандировать пользу сыроваренья и есудо-сберегательныхъ кассъ. Если идеализмъ увлекся, поставивъ принципъ искусства для искусства, то въ свою очередь реализмъ сталъ не на вполнѣ реальную почву, превратившись въ тенденціозность, сдѣлавъ беллетристику частнымъ случаемъ публицистики, дойдя въ своемъ протестѣ противъ искусства, въ протестѣ противъ решающей важности формы почти до совершенного ея отрицанія, до низведенія художественности на степень лишней обузы, мѣшающей проведенію «здравыхъ» реальныхъ понятій. Критика «Русскаго Слова» признавала въ Некрасовѣ только гражданскій элементъ, она видѣла его значеніе только въ обличительномъ тонѣ его произведеній, она - цѣнила въ немъ писателя, въ сжатой и энергической формѣ своего стиха умѣющаго такъ-же хорошо выражать свою «скорбь» объ современномъ порядкѣ дѣлъ, какъ иной на многихъ страницахъ публицистической статьи. Подобный ярый реализмъ, въ своемъ увлеченіи зашедшій до отрицанія Пушкина и Лермонтова, не могъ долго продолжаться. Онъ долженъ былъ уступить мѣсто направленію, которое,бросивъ съ себя пошлый покровъ «золотой середины», все-же прониклось сознаніемъ, что истина выйдетъ изъ сочетанія двухъ крайнихъ направленій, изъ отыскиванія хорошихъ сторонъ и здѣсь и тамъ. Новое направленіе поняло, что реализмъ имѣетъ громадныя права на существованіе тѣмъ, что построено огромною частью своего зданія на фундаментѣ дѣйствительныхъ требованій, на жизненности своихъ притязаній. Выражаясь наглядно, реализмъ есть кирличный остовъ

дома, совершенно еще неотделанного, без крыши, без оконъ, безъ дверей. Согласитесь однажды, что въ такомъ домѣ еще нельзя жить. Дѣйствительно, кирпичный остовъ есть главная часть будущаго зданія, но безъ отдѣлки, безъ окраски, оно не можетъ служить человѣческимъ жилищемъ. Идеализмъ есть именно то нѣчто, что сурое основаніе зданія превращаетъ въ пріятное помѣщеніе для человѣка, такъ созданного, что онъ однимъ необходимымъ никакъ не можетъ довольствоваться. Одни звѣри удовлетворяются необходимымъ, сказалъ какой то нѣмецкій философъ и вотъ почему безъ идеализма можно существовать только въ физиологическомъ смыслѣ. Наиболѣе искренніе представители чистаго реализма, сами того не сознавая, имѣли много глубоко-идеальныхъ сторонъ. Развѣ Писаревъ не сочувствовалъ глубоко Рудину, умирающему на баррикадахъ? Развѣ въ горячихъ, прочувствованныхъ, прямо отъ души вылившихся статьяхъ его не скрывалась благородная рѣшимость пожертвовать всѣмъ для приведенія въ дѣйствіе своей идеи? Все это есть идеализмъ и притомъ самый воз-вышенный.....

Надѣемся, мы достаточно распространились, чтобы читатель могъ понять характеръ нашего труда, его направленіе. Онъ можетъ видѣть, что мы желаемъ дать оценку современнымъ писателямъ съ реально-идеалистической точки зрѣнія и оттого разборъ многихъ давно уже разобраныхъ произведеній не явится анахронизмомъ и пережевываніемъ старого. Большинство нашихъ писателей подверглось либо заоблачно-идеалистической критикѣ, либо строго-реальной прошедшаго десятилѣтія. Одни критики обращали свое преимущественное вниманіе на общественность выведенныхъ типовъ, другіе совершенно не обращали на это вниманіе. Эклектической, вполнѣ безпри-страстной критикѣ почти никто изъ современныхъ литераторовъ не подвергался и нашъ трудъ явитсѧ можетъ быть неудачной, но все-же первой попыткой въ этомъ родѣ. Авторъ настоящаго труда не имѣть никакихъ корней ни въ сороковыхъ ни въ шестидесятыхъ годахъ и поэтому къ обѣимъ эпохамъ можетъ отнести одинаково объективно. Мироозерцаніе его

есть вполнѣ продуктъ послѣдняго времени и онъ не безъ основанія можетъ считать свои мысли нѣкоторымъ выраженіемъ современаго направленія русской общественной мысли.

Что касается того, насколько это «*нѣкоторое*» будетъ простираясь, покажетъ отношеніе читающей публики къ нашему труду. Въ ожиданіи этого, мы начинаемъ рядъ критико-біографическихъ этюдовъ, біографическихъ потому сдѣланныхъ, чтобы дать нашей читающей публикѣ понятіе о субъективномъ настроеніи ея выдающихся личностей. Послѣднее не должно показаться страннымъ въ виду упомянутаго нами въ началѣ нашего труда положенія о томъ, что субъективность выдающейся личности не представляетъ единичный, специально къ одному лицу примѣнимый интересъ. Нѣтъ, всякий выдающейся человѣкъ, какъ дитя своего времени намъ важенъ тѣмъ, что даетъ матеріалъ для очерка фізіономіи цѣлаго общества, въ кругу котораго замѣчательная личность вращается и дѣйствуетъ. Какъ неособенно труднымъ является палеонтологу по одной даже кости составить себѣ понятіе о цѣломъ животномъ, такъ и у историка предстанетъ предъ глазами картина цѣлаго общества, если онъ познакомится съ характеризующими его лицами. Соціальный организмъ, не менѣе животнаго, построенъ на рациональныхъ основаніяхъ и все въ немъ также строго соразмѣreno; также строго логически одно обусловливаетъ существованіе другого.

Субъективныя черты мы будемъ сообщать только общеинтересныя и притомъ такія, которыхъ не составляютъ дороже каждому личное достояніе его внутренняго міра, куда никто не имѣеть право нахально врывасться.

Мы начинаемъ рядъ своихъ этюдовъ съ Тургенева, какъ писателя, подвергшагося критикѣ трехъ эпохъ, критикѣ Бѣлинскаго, Дружинина, Добролюбова и Писарева. Каждый изъ названныхъ критиковъ комментировалъ Тургенева въ современной имъ фазѣ общественного направленія и развитія Тургеневскаго таланта. Слѣдовательно эклектическая, при-миряющая критика болѣе всѣхъ нужна автору «Записокъ Охотника» и «Дыма».

Если значительную часть предлагаемаго труда займетъ критика «Повѣстей» Тургенева, «Рудина», «Дворянскаго Гнѣзда» «Аси» «Наканунѣ», съ критиками на которыхъ читающая публика познакомилась уже въ сочиненіяхъ Добролюбова, Писарева и др., то за то, здѣсь въ первый разъ появляется разборъ стихотвореній Тургенѣва. Подробный разборъ «Записокъ Охотника», при всей ихъ извѣстности, тоже явится въ нашемъ трудѣ въ первый разъ. При разсмотрѣніи «Отцевъ и Дѣтей» мы пользовались материаломъ, не бывшимъ еще въ рукахъ рецензентовъ.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Критико-біографический этюдъ.

I.

Il faut que le poète, épris d'ombre et d'azur
Esprit doux et splendide, au rayonnement pur
Qui marche devant tous, éclairant ceux qui doutent
Chanteur mystérieux qu'en tressaillant écoute
Les femmes, les songeurs, les sages, les amants
Devienne formidable à des certains moments.
Parfois, lorsqu'on se met à rêver sur son livre,
Où tout berce, éblouit, calme, caresse, enivre,
Où l'âme, à chaque pas, trouve à faire son miel
Où les coins les plus noirs ont des lueurs du ciel;
Au milieu de cette humble et haute poésie,
Dans cette paix sacrée où croit la fleur choisie,
Où l'on entend couler les sources et les pleurs,
Où les strophes, oiseaux, peints de mille couleurs,
Volent chantant l'amour, l'espérance et la joie
Il faut que, par instants, on frissonne, et qu'on voie
Tout à coup, sombre, grave, et terrible au passant,
Un vers fauve sortir de l'ombre en rugissant!
Il faut que poète, aux semences fécondes,
Soit comme ces forêts vertes, fraîches, profondes,
Plein de chants, amour du vent et du rayon,
Charmantes, où soudain l'on rencontre un lion.

Victor Hugo, Contemplations.

Каждый вѣкъ изъ пройденной человѣчествомъ исторической жизни имѣть свою характерную нравственную физиономію, свои специфические признаки, ставящіе рѣзкое отличіе и проводящіе отчетливую границу между слѣдующими другъ за другомъ столѣтнimi промежутками. Отличіе это можно прослѣдить какъ въ государственныхъ дѣлахъ, такъ и въ строѣ обыденной жизни, а точно также въ литературѣ, которая вѣдь есть ничто иное, какъ отраженіе нравовъ, обычаевъ, понятій

и идеаловъ того общества, гдѣ она зарождается и выражениемъ котораго служитъ. Поэтому, если каждому вѣку можно придать элитѣтъ, всего типичное и ясноe выражающій его внутреннія качества, то тоже самое съ незначительными измѣненіями должно имѣть мѣсто и относительно литературы данной эпохи. Такъ напр. XVI и XVII столѣтія нашей эры можно назвать вѣками рожденія новаго времени, его младенчествомъ. Въ продолженіи ихъ человѣчество, забывъ чрезъ долгую ночь десяти среднихъ вѣковъ то, что древній міръ давно уже выработалъ, снова начинаетъ трудиться, чтобы дойти до сознанія истинъ, великихъ для своего времени, но элементарныхъ для Грековъ и Римлянъ, а тѣмъ болѣе для позднѣйшихъ поколѣній. XVIII вѣкъ—это юношескій возрастъ современной эпохи, время броженія молодыхъ силъ и подготовленія къ возмужалости. Человѣчество отбрасываетъ свои младенческие идеалы, замѣня ихъ зрѣлыми принципами, въ полной силѣ и ясности выступающими въ цвѣтущей порѣ молодости новаго времени — въ XIX столѣтіи.

Но тутъ характеръ прогрессивнаго движенія значительно видоизмѣняется. Прежде, когда дѣло шло о выработкѣ общихъ принциповъ разумнаго человѣческаго бытія, люди шли вмѣстѣ, не обращая вниманія на разнородность своихъ элементовъ. Германія XVI столѣтія какъ одинъ человѣкъ ополчилась, чтобы сбросить съ себя игу римской куріи. Тутъ завоевывалось право свободной религіозной мысли, въ одинаковой степени важное какъ для короля такъ и для крестьянина. По этому все соединилось, чтобы общими силами достигнуть того, чего не могло совершить каждое сословіе, дѣйствуя по одиночкѣ. Но съ теченіемъ исторической жизни союзъ сословій мало по малу разрушается, все чаще и чаще выдвигаются вопросы, гдѣ интересы разныхъ общественныхъ классовъ сталкиваются, прежнее единодушіе исчезаетъ и въ концѣ XVIII столѣтія мы, въ періодѣ первой французской революціи, видимъ народонаселеніе Франціи раздѣленное на два большихъ лагеря: привилегированный и непривилегированный. Послѣдняя категорія, забывая, что въ свою очередь распадается на весьма

различные элементы, именуетъ себя общимъ именемъ «третьяго сословія». Все это дѣлается въ виду общей опасности, угрожающей одинаковымъ образомъ всѣмъ составнымъ частямъ «*tiers état*». Но разъ эта опасность прошла, разъ общіе принципы свободы окрѣпли, — изъ нѣдра третьяго сословія выдвигается четвертое, громко заявляя права на отдѣльное существованіе. Всего рѣзче разладъ сословій обрисовывается въ наше время и такъ какъ мы не имѣемъ еще права предъугадывать появленіе въ скоромъ времени пятаго сословія, то и можемъ не безъ основанія назвать вѣкъ, въ которомъ живемъ — вѣкомъ партії *par préférence*. Истина эта вполнѣ очевидна особенно при взгляде на современную Францію, где партіонная вражда достигаетъ крайнихъ предѣловъ, где вполнѣ примѣнима погорка о людяхъ, имѣющихъ глаза, чтобы ничего не видѣть (кромѣ своей партіи) и уши, чтобы ничего не слышать.

Вполнѣ аналогичные и параллельные фазисы мы встрѣчаемъ и въ литературѣ. Писатели шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій разрабатываютъ темы и тенденціи, болѣе или менѣе по душѣ всѣмъ партіямъ. Шекспиръ въ XVII вѣкѣ беретъ темою своихъ драмъ и трагедій общечеловѣческія страсти: властолюбія, ревности, неблагодарности, корыстолюбія, национальной и религіозной вражды. Расинъ, Корнель удаляются въ глубокую древность и этимъ однімъ уже лишаютъ свои произведенія какого бы то ни было партіоннаго оттѣнка. И въ области философіи Декартъ, Спиноза, Лейбницъ въ одинаковой степени признаются всѣми образованными людьми. Но уже въ восемнадцатомъ столѣтіи Вольтеръ и энциклопедисты удовлетворяютъ только демократическую Францію, а въ девятнадцатомъ всякая партія имѣть, не говоря уже о философахъ и публицистахъ, своихъ романристовъ, драматурговъ и вообще писателей, которые художественными образами проповѣдываютъ тѣ-же идеи, что ихъ политические единомышленники провозглашаютъ съ парламентской трибуны или въ публицистическихъ статьяхъ политическихъ журналовъ и газетъ.

Становясь исключительнымъ органомъ партіи, литература теряетъ чутые истины и создаетъ рядъ фальшивыхъ произ-

введеній, оказывающихъ лишь очень мимолетную услугу даже своей партіи. Такая литература, кромѣ своихъ единомышленниковъ, не встрѣчаетъ себѣ поклонниковъ и, даже при иссомнѣнной талантливости, часто весьма спрavedливо отрицается. Читатель не долженъ, однакоже, заключать изъ вышесказаннаго, что мы стоимъ за беспечальное искусство для искусства, закрывающее глаза на разныя аномальные жизненные явленія и этимъ самымъ становящееся тенденціознымъ. Нѣтъ! Времена чистаго искусства давно прошли, да и не были долго при власти. Мы только изгоняемъ изъ области искусства тенденцію, такъ какъ послѣдняя противорѣчитъ требованіямъ реальной правды. Мы допускаемъ тенденцію, но основанную на дѣйствительности и построенную не на ходуляхъ, а на жизненности своихъ притязаній: тогда она перестаетъ быть тенденціею и превращается въ разумное требование. Истинный художникъ-белл-летеристъ долженъ намъ давать извѣстнаго рода типы, взятые изъ дѣйствительной жизни. Все его умѣніе, весь его талантъ долженъ уйти на то, чтобы выставить данный характеръ во всей его полнотѣ. А тамъ хорошъ - ли герой, не хорошъ - ли онъ — это уже дѣло вкуса и всякому читателю должно представляться самому выводить разныя заключенія по прочтениіи извѣстнаго беллетеристического произведенія и наклеивать лицамъ, въ немъ выводимымъ, разныя одобрительные или неодобрительные ярлыки. По этому мы держимся того мнѣнія, что писатель, произведенія котораго возбуждаютъ въ людяхъ одного и того-же класса, одного и того-же образованія разныя чувства и неодинаковое толкованіе поступковъ дѣйствующихъ лицъ, долженъ обладать сильнымъ талантомъ и притомъ не тенденціознымъ. Да и понятно отчего. Вѣдь въ дѣйствительной жизни поступки одного и того-же человѣка всегда встрѣчаются разнорѣчивое истолкованіе. Значить и книжный герой, если онъ дѣйствительно живое лицо, долженъ разно пониматься. Обязанность писателя быть объективнымъ и не принуждать читателя къ тому-же самому мнѣнію, которое имѣеть о какомъ нибудь своемъ героѣ самъ авторъ. Онъ долженъ непосредствен-но силою одного лишь яснаго, отчетливаго представленія

дать возможность читателю обсуждать книжного героя такимъ-же точно образомъ, какъ если-бы онъ того-же героя встрѣтилъ въ дѣйствительной жизни.

Доказательствъ нашей мысли мы можемъ привести множество. Чтобы далеко не ходить за примѣромъ, возьмемъ русскую литературу послѣднихъ двадцати лѣтъ. Какія произведения новѣйшаго времени наиболѣе возбудили разнорѣчивыя толкованія, какъ со стороны критики, такъ и со стороны всей читающей публики вообще? «Обыкновенная Исторія» «Обломовъ», драмы Островскаго, повѣсти Тургенева. За всѣми ими, однакоже, какъ приверженцами, такъ и антагонистами признанъ чрезвычайно сильный талантъ. Драмы Островскаго положительно создали специальную литературу. Критики разныхъ лагерей, только на основаніи материала, даннаго даровитымъ драматургомъ, приписывали послѣднему различные тенденціи и неудивительно, что, благодаря объективности Островскаго, критики даже одного и того-же направленія радикально разошлись въ пониманіи однихъ и тѣхъ-же типовъ. Такъ напр. славянофильская критика распалась на два лагеря: одинъ видѣлъ въ драмахъ Островскаго каррикатуру на народную русскую жизнь, основанную на первенствѣ главы семейства. Въ увлечениіи ложнымъ национальнымъ чувствомъ эти критики совершенно невѣрно и произвольно смѣшили такія разнородныя понятія, какъ московское купечество и русскій народъ, принципы «Домостроя» и народное міросозерцаніе. Другіе славянофильские критики, принадлежащіе къ категоріи «проницательныхъ», прозрѣли въ Любимѣ Торцовѣ протестъ противъ «гнилаго» Запада и видѣли въ немъ идеалъ Островскаго о русскомъ человѣкѣ. Передовая критика иначе поняла нашего драматурга, что и разъяснила Добролюбовъ въ своихъ капитальныхъ статьяхъ о «Темномъ Царствѣ». И съ повѣстями Тургенева случилось подобное. Объ нихъ тоже существуетъ большая литература, хотя и не столь богатая противорѣчіями, но ихъ въ ней достаточно, чтобы доказать справедливость нашего мнѣнія. Гончаровъ не менѣе предыдущихъ писателей былъ различно истолковываемъ, и еще недавно О. Ф. Миллеръ

въ своихъ членіяхъ о русской литературѣ послѣ-Гоголевскаго періода старался снять съ автора «Обыкновенной Исторіи» обвиненія на основаніи мнѣній, несправедливо ему приписываемыхъ и противорѣчащихъ его художническому объективизму.

Намъ могутъ возразить указаніемъ на Некрасова, который, обладая несомнѣнно большимъ талантомъ, служилъ и служить выражениемъ лишь одной партіи и не возбуждаетъ никакихъ разнорѣчивыхъ толковъ. Но вѣдь мы-же и не утверждаемъ, что всякое талантливое произведеніе должно возбуждать различные толкованія. Мы только говоримъ, что разнорѣчивые толки доказываютъ талантъ писателя. Понятно, что «Размыщеніе у парадного подъѣзда» допускаетъ только одно толкованіе. Но въ чистой беллетристикѣ, безъ примѣси лирическаго элемента, всякий романъ, повѣсть или драма должны вызывать разныя сужденія. А разсуждаютъ только обѣ лица жизненномъ. Никто не станетъ горячиться изъ за герояевъ «Бѣсовъ». Слѣдовательно и книжный герой, возбуждающій разныя чувствованія въ людяхъ одного и того-же образованія, вполнѣ соответствуетъ дѣйствительности. По этому честь и слава писателю, съумѣвшему такъ хорошо обставить героя, что заставилъ читателя забыть о томъ, что онъ имѣеть дѣло лишь съ фикціею, съ художественнымъ субстратомъ конкретнаго лица.

Къ подобнымъ талантамъ относится беллетристъ, чья характеристика есть цѣль настоящаго этюда.

Иванъ Сергеевичъ Тургеневъ принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ писателей, литературная дѣятельность которыхъ возбуждаетъ симпатіи самыхъ разнообразныхъ слоевъ читающей публики. Всякий находитъ въ немъ что нибудь себѣ по душѣ, всякому любъ одинъ изъ его герояевъ. Такъ называемые «либералы» (мы говоримъ обѣ русской публикѣ) цѣнятъ въ Тургеневѣ человека, одного изъ первыхъ въ русской литературѣ выставившаго въ рельефныхъ и привлекательныхъ чертахъ типы протестующаго меньшинства. Консерваторы высоко ставятъ Тургенева за его безподобный языкъ, сильно выработанную художественность и нѣкоторыя позднѣйшія произведенія, смыслъ которыхъ былъ ими истолкованъ въ духѣ,

совершенно противномъ намѣреніямъ автора. Наконецъ, огромное большинство читающей публики, удобно характеризуемой подъ именемъ «неразсуждающей», инстинктивно поддается чарующему дѣйствію Тургеневскихъ произведеній и искренно ими восхищаются. И не одни русские считаютъ Тургенева въ числѣ лучшихъ своихъ беллетристовъ. Переведенный почти на всѣ европейскіе языки, онъ повсюду имѣетъ самый огромный успѣхъ и возбуждаетъ самое лестное вниманіе. «Neue Freie Presse» называетъ его геніальнымъ, французы направо и налево расточаютъ ему эпитеты «celebre romancier», «escrivain tant aimé» и т. п., англичане и американцы издаютъ полное до мелочей собраніе его сочиненій и приравниваютъ Теккерью. Даже венгерцы, столь ненавидѣщіе все русское, не могутъ себѣ отказать въ удовольствіи насладиться произведеніями одного изъ лучшихъ представителей нелюбимаго, вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, народа.

Тургеневъ безспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ русскихъ людей, которые болѣе всего способствовали тому, что Западъ насть причислилъ къ семьи культурныхъ народовъ. Съ другой стороны, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ представителей «западничества» въ русской литературѣ, онъ русскому обществу оказалъ громадную услугу, не давая ему увлекаться болѣзненнымъ славянофильствомъ и употребляя свой громадный талантъ на честное служеніе дѣлу прогрессу. Кто тамъ не называй Тургенева ретроградомъ, не приравнивай его Аскоченскому, онъ всегда останется лучшимъ представителемъ, искреннѣйшимъ поборникомъ русского поступательного движенія и будущій историкъ русского общества, желая быть добросовѣстнымъ и беспристрастнымъ, долженъ будетъ признать за нимъ значеніе, аналогичное таковому писателей «Молодой Германіи» у Нѣмцевъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Аналогію здѣсь слѣдуетъ понимать не въ томъ, конечно, смыслѣ, чтобы Тургеневъ проводилъ такія же опредѣленныя политическія тенденціи, какъ Гейне или Гуцковъ. Этого нельзя было по «независящимъ» отъ автора причинамъ. Да кромѣ того, и жизнь то русская, въ особенности двадцатью годами раньше,

вала возможности нетенденциозному беллетристу писать вещи съ политическою подкладкою. Сходство заключается тутъ лишь въ томъ, что какъ тѣ, такъ и нашъ романистъ выступили противъ разныхъ отжившихъ правиль и аномальныхъ явленій общественной жизни. Положимъ, у Гейне, Берне, Гуцкова была грандіозная тенденція — единство ихъ родины; но вѣдь и Тургеневъ-же ополчился въ одномъ изъ лучшихъ, многіе говорятъ даже самомъ лучшемъ изъ своихъ сочиненій во имя не менѣе великой идеи — освобожденія крестьянъ! Если въ другихъ своихъ повѣстяхъ Тургеневъ и не проводилъ такихъ великихъ мыслей, какъ «Молодая Германія», то не нужно-же забывать, какъ мы это уже выше замѣтили, что у насъ и условия-то иныхъ были. Но какъ бы то ни было большія повѣсти Тургенева были первыми признаками пробужденія русской жизни отъ долгаго сна, возрожденія къ новому лучшему бытю. Обладая необыкновенно чуткимъ талантомъ, Тургеневъ внимательно слѣдить за движеніями русскаго общества и, разъ убѣдившись, что известное движеніе не мимолетное, увѣковѣчиваетъ его въ одной изъ своихъ большихъ повѣстей, которая для будущаго историка русской цивилизациіи послужатъ самымъ лучшимъ историческимъ источникомъ, вполнѣ вѣрно отразившимъ характеръ эпохи.

Тургеневъ достоенъ вниманія за свои стихотворныя вещи, въ высшей степени замѣчательенъ за «Рудина», «Наканунѣ», «Дворянское Гнѣздо» и великъ за «Записки Охотника.»

Если хронологически «Записки Охотника» писаны раньше большинства Тургеневскихъ вещей, а мы ихъ поставили выше всѣхъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще заключать, что мы видимъ въ нихъ алогій творческаго таланта Тургенева. Вовсе неѣть! Мы называемъ ихъ великими и это разъясняется изъ дальнѣйшаго изложенія, оттого что къ нимъ примѣщался «гражданскій» элементъ, который опредѣляетъ ихъ великое значеніе въ русскомъ общественномъ сознаніи. Русскій народъ взятый въ совокупности т. е. съ почти сплошною сѣрой, сермяжною массою долженъ уважать въ Тургеневѣ творца «Записокъ Охотника», но образованное меньшинство, отдавъ дол-

жное «Запискамъ Охотника», не поставить ниже ихъ большія повѣсти Тургенева, ибо въ нихъ съ полною силою вылилось все его тонкое, художественное творчество,

Еще Бѣлинскимъ была высказана мысль, что Тургеневъ преимущественно физіологъ въ литературѣ, способенъ на фіиологические очерки т. е. что онъ ограничивается передачею существующихъ типовъ въ поэтическихъ образахъ, является, слѣдовательно, лѣтописцемъ жизненныхъ явлений, ихъ фотографомъ. Бѣлинскій вывелъ свое заключеніе на основаніи первыхъ, почти юношескихъ произведеній Тургенева. Позднѣйшія сочиненія разбираемаго нами писателя показываютъ, однакоже, что мысль великаго критика была только отчасти вѣрна. Главное свойство Тургеневскаго таланта не есть фотографичность. Не есть тотъ *только* фотографъ, который помошью удачной постановки аппарата, съумѣетъ снять ясно и хорошо какой нибудь отдаленный пунктъ, едва видный на горизонтѣ, что безъ этого только смутнѣ мелькалъ въ нашемъ сознаніи, не вызывая никакого опредѣленного представлениія. Не есть тотъ *только* фотографъ, который удачной ретушировкой, удачнымъ подборомъ тѣней можетъ вамъ дать полное понятіе объ извѣстномъ лицѣ не хуже чѣмъ живописецъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи цѣлый арсеналъ красокъ. Не есть, наконецъ, фотографъ тотъ, кто владѣеть лучезъ свѣта, какъ живописецъ кистью, кто умѣеть его направлять туда, где въ немъ есть большая надобность и кто этимъ кладетъ на фотографической снимокъ свой индивидуальный оттѣнокъ. Тургеневъ, какъ мы уже выше замѣтили, чрезвычайно чутокъ ко всѣмъ движеніямъ въ русскомъ обществѣ и первый опредѣляетъ характеръ явленія, всѣми уже инстинктивно чувствуемаго, но въ которомъ все-же таки никто не можетъ себѣ дать полнаго отчета. Другая его особенность заключается въ томъ, что, стоя всегда на строго-реальной почвѣ и фотографируя, слѣдовательно, действительную жизнь, онъ все-же кладетъ свой личный отпечатокъ и своимъ симпатичнымъ, до нельзя увлекающимъ изложеніемъ налагаетъ румянецъ на блѣдный негативъ. Задушевная теплота, съ которой Турге-

невъ постоянно пишетъ, проглядываетъ изъ каждой его строчки и придаетъ необыкновенную прелестъ всѣмъ его произведеніямъ. Нѣтъ онъ не фотографъ, онъ даровитый, вдохновенный художникъ! Это не Гончаровъ, которымъ вы восхищаетесь чисто-головнымъ путемъ, который не затрагиваетъ васъ заживо и оставляетъ въ читателѣ лишь холодное удивленіе техникѣ автора. Тургеневъ не доводить художническій объективизмъ до изгнанія изъ беллетристического произведенія личности автора. Если онъ и изгоняетъ изъ своихъ сочиненій лирическій элементъ, то, все таки, общая идея автора вамъ болѣе или менѣе выясняется и вы инстинктивно, хотя не всегда безошибочно, чувствуете, что къ такому-то лицу Тургеневъ имѣютъ симпатію, а къ такому нѣтъ.

Вследствие живости, воспріимчивости своего таланта, Тургеневъ является манометромъ и притомъ весьма чувствительнымъ, русской жизни. Всякое измѣненіе въ послѣдней сейчасъ-же на немъ отражается. Къ сожалѣнію, употребляя глаголы «являться» «отзываться» въ настоящемъ времени, мы нѣсколько уклоняемся отъ истины. Нашъ романистъ въ послѣдніе годы постоянно находится за границею и оттого чуждъ русской жизни. Талантъ его остался въ той-же степени блестящимъ и просвѣчиваетъ изъ каждой строчки тѣхъ мелкихъ вещицъ, которыми онъ «дарить» каждый годъ одинъ изъ толстыхъ журналовъ нашихъ. Толки, что «Тургеневъ исписался» и не способенъ на что нибудь «порядочное» были блестяще опровергнуты «Вешними Водами», за которыми всѣ признали необыкновенно-тонкую художественную отдѣлку, но, къ сожалѣнію, мало мысли. Значить Тургеневъ оттого ничего крупнаго не производить, что ему не достаетъ сюжета и онъ долженъ рыться въ старыхъ воспомненіяхъ, достаточно уже исчерпанныхъ какъ другими писателями, такъ и имъ самимъ. А живи Тургеневъ въ Россіи, недостатку въ сюжетѣ, и сюжетѣ достойномъ его пера, не было-бы.

Если современное русское общество, современная русская жизнь и не представляютъ такого интереса, какъ въ переходное время пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, то все-

же таки немыслимо, чтобы бытіе восьмидесяти — миллионного народа не давало-бы возможности умному и тонкому наблюдателю найти интересные типы, само собою разумѣется помимо извѣзженой вдоль и поперегъ области «отцевъ» и «дѣтей». Вѣдь Тургеневъ тѣмъ и отличается, что первый догадывался о появленіи неизвѣстнаго дотолѣ настроенія. «Записки Охотника» «Наканунѣ» «Ася» «Отцы и Дѣти» явились-же живоронками, предвозвѣщавшими появленіе весны новаго времени и прекращеніе длинной зимы «доброй старой» эпохи сороковыхъ годовъ. Новый романъ Тургенева, о скоромъ появленіи которого извѣщали лѣтомъ 1874 г. газеты, можетъ быть опять поразить русское общество формулированіемъ неяснаго типа, уже въ немъ находящагося въ эмбриональномъ состояніи, но не на столько ясно выраженаго, чтобы быть очевиднымъ для всѣхъ. Свое предположеніе мы основываемъ на томъ обстоятельствѣ, что Тургеневъ рѣшился провести лѣто 1874 г. въ своемъ орловскомъ имѣніи, должно быть для пробыки непосредственнымъ наблюденіемъ своихъ теоретическихъ взглядовъ на современную русскую жизнь. А наблюдать есть что: нашимъ даровитымъ беллетристомъ совершенно еще не затронуты земскіе дѣятели, новый судъ и вообще вся послѣ-реформенная Россія. Сюжетъ при всей его животрепещности удобный для воспроизведенія талантливымъ писателемъ въ характерныхъ, не тенденціозныхъ типахъ.

Самый лучшій способъ для вѣрнѣйшей оценки значенія Тургенева, есть методъ критико-біографический. Этимъ путемъ мы можемъ оценить влияніе различныхъ эпохъ на характеръ творчества Тургенева и вѣрнѣе понимать *общественную* важность его произведеній.

II.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ происходит, какъ и многіе изъ русскаго дворянства, отъ стараго рода, возводящаго свою генеалогію до времени существованія какъ самостоятельнаго государства Золотой Орды. Отецъ нашего романиста былъ полковникъ Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, женившійся въ десятыхъ годахъ текущаго столѣтія на богатой дворянкѣ Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой. Отъ этого брака и родился Иванъ Сергѣевичъ 28 октября 1818 года въ городѣ Орлѣ. Въ губерніи того-же имени Тургеневъ прожилъ первые годы дѣтства; она-же была мѣстомъ его «охотничыхъ» похожденій. Сдѣль, наконецъ, удалившись въ началѣ пятидесятыхъ годовъ изъ столицъ, онъ имѣлъ возможность наблюдать типы людей сороковыхъ годовъ, которые уже перевелись въ большихъ городахъ, центрахъ умственной жизни, но уцѣлѣли во всей своей неприкословенности въ провинциальной глухи.

Младенческие годы своей жизни Тургеневъ провелъ въ имѣніи, принадлежавшемъ его матери, Спаскомъ-Лутовиновѣ. Тутъ онъ получилъ «первоначальное» образованіе свое. Чтобы составить себѣ понятіе о послѣднемъ, мы должны припомнить характеръ той эпохи, когда это все происходило. Двѣнадцатый годъ произвелъ взрывъ патріотическихъ чувствъ въ русскомъ обществѣ, но взрывъ не продолжительный. Все вскорѣ приняло прежній видъ. По старому безгранично господствовало слѣпое поклоненіе иностранному и вполнѣшнее игнорированіе отечественнаго. Не только въ столицахъ господствовали нравы, такъ хорошо очерченные графомъ Л. Н. Толстымъ въ его превосходномъ романѣ «Война и Миръ», но и провинциальное

барство, самыи не европейскимъ образомъ дравшее своихъ крестьянъ, считало достойнымъ своего званія исключительно иностранное воспитаніе, и притомъ главнымъ образомъ, французское. «Гнилой Запад» не былъ еще изобрѣтенъ въ двадцатыхъ годахъ и не нарушалъ покоя галломановъ - дворянъ. Одинъ только Пунинъ качалъ головой, приговаривая: «—Охъ дворянчики, дворянчики! полюбились вамъ иностранчики! Отъ россійского вы отклонилися, на чужое преклонилися, къ иноzemцамъ обратилися.....». Чацкій только что успѣлъ проговорить въ первый разъ свои грозныя, обличительныя тирады и высказать соображенія на счетъ смѣси французского съ нижегородскимъ. До деревни, въ которой воспитывался Тургеневъ, тирады эти еще не проникли, да еслибы и проникли, то тоже не произвели бы желанного дѣйствія. Значитъ не было никакого препятствія сдѣлать изъ россійского отрока Вани французскаго Monsieur Jean, зубрящаго на парижскомъ нарѣчіи свои «Devoirs de mythologie» и не знающаго что дѣлается вокругъ него. Уже съ двухлѣтняго возраста къ нашему россиянину были приставлены разные иностранные уроженцы, которымъ было вмѣнено въ обязанность выучить ихъ питомца говорить на различныхъ діалектахъ, или вѣрнѣе говоря, по нѣмецки и французски. Для русскаго языка къ мальчику никто не былъ «приставленъ». Основательное его знаніе считалось излишнею роскошью. Научиться ему онъ могъ, отдавая приказанія «своимъ людямъ» или играя съ крестьянскими мальчиками, имѣвшими назначеніемъ потѣшать барчука.

Читая со своими чужеземными гувернерами классическія произведенія французской и нѣмецкой литературы, молодой Тургеневъ не имѣлъ понятія о родной словесности. Первымъ человѣкомъ, указавшимъ ему, что вообще существуетъ русская литература, былъ каммердинеръ его матери — типъ людей простаго званія, почитывающихъ книжки. Обыкновенно такимъ субъектамъ нравится «высокое» и «божественное». Они въ своемъ развитіи переживаютъ тотъ періодъ, встрѣчаемый въ каждомъ первоначальномъ фазисѣ всякой литературы, когда поэзія считается чѣмъ то совсѣмъ особеннымъ отъ жизни, такъ

что поэзия есть вещь сама по себе, а жизнь также сама по себе. Въ послѣдней повѣсти своей «Пунинъ и Бабуринъ» Тургеневъ если и не со стenографическою точностью копируетъ своего первого наставника по русской словесности, то во всякомъ случаѣ даетъ понятіе о подобнаго рода грамотныхъ простолюдинахъ.

«Пунинъ преимущественно придерживался стиховъ звонкихъ, многогромкихъ стиховъ; душу свою онъ готовъ былъ положить за нихъ! Онъ не читаль, онъ выкрикивалъ ихъ торжественно, заливчато, закатисто, въ носъ, какъ опьянѣлый, какъ паступленный, какъ Пиѳия! И еще вотъ какая за нимъ водилась привычка: сперва прожужжитъ стихъ тихо, въ полголоса, какъ-бы бормоча..... Это онъ называлъ читать на черно; потомъ уже грянетъ тотъ-же самый стихъ на бѣло и вдругъ вскочить, задрожитъ..... Такимъ образомъ мы прошли съ нимъ не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира (чѣмъ старѣе были стихи, тѣмъ больше они приходились Пунину по вкусу) — но даже «Россіаду» Хераскова! И, правду говоря, она-то, эта самая «Россіада» меня въ особенности восхитила. Тамъ, между прочимъ, дѣйствуетъ одна мужественная татарка, великанша-героиня, теперь я самое имя ея позабылъ, а тогда у меня и руки и ноги холодѣли, какъ только оно упоминалось! — Да говоривалъ бывало Пунинъ, значительно кивая головой; «Херасковъ — тотъ спуску не даетъ; иной разъ такой выдвинеть стишокъ — просто, зашибеть..... Только держись!..... Ты его постигнуть желаешь, а уже онъ — вонъ гдѣ! И трубить, трубить, аки кимвалонъ! — За то ужъ и имя ему дано! Одно слово — Херррасковъ! Ломоносова Пунинъ упрекалъ въ слишкомъ простомъ и вольномъ слогѣ, а къ Державину относился почти враждебно, говоря, что онъ болѣе царедворецъ, нежели піита».

Таково было приблизительно лицо, возбудившее въ Тургеневѣ любовь къ русской литературѣ. Въ предыдущемъ отрывкѣ по отношению къ истинѣ есть только одно маленькое уклоненіе. Первымъ объектомъ посредствомъ котораго Тургеневъ познакомился съ русскою словесностью были не Кантемиръ и не Ломоносовъ, а именно «Россіада», автору коей имя такое

хорошее и много-выразительное дано—Херррасковъ! Тяжелые, шестистопные ямы поэмы не были еще въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія настолько анахроничными, чтобы отбить у молодаго Тургенева охоту дальнѣйшаго ознакомленія съ русской литературой. Вскорѣ его перевезли въ Москву, гдѣ ему была дана возможность познакомиться съ родными писателями подъ руководствомъ болѣе просвѣщенныхъ словесниковъ, чѣмъ каммердинеръ его матери, или по нашей выпискѣ—Пунинъ.

Тургенева свезли въ Москву въ 1830 году, т. е. на двѣнадцатомъ году его жизни. Его отдали въ частный пансионъ Вейденгаммера. Въ гимназіи того времени, дворяне рѣдко поступали. Обыкновенно состоятельный люди отдавали своихъ дѣтей въ частные пансионы, приготовлявшіе своихъ питомцевъ въ университетъ. У Вейденгаммера Тургеневъ не долго оставался. Онъ вскорѣ перешель въ пансионъ директора Армянского Лазаревскаго Института—Краузе. Составъ учителей въ этомъ учебномъ заведеніи былъ очень порядочный и Иванъ Сергеевичъ съ любовью упоминаетъ въ особенности о трехъ изъ нихъ, а именно: П. Н. Погорѣльскомъ, преподававшемъ математику; И. П. Клюшниковѣ, читавшемъ исторію и Д. Н. Дубенскомъ по русской словесности. Объ этихъ трехъ лицахъ Тургеневъ хранить благодарную память.

Французско - нижегородское воспитаніе, которое получали дворяне того времени имѣло одну хорошую сторону: оно давало основательное знаніе хотя одного иностранного языка. Тургеневъ зналъ ихъ, уѣзжая въ Москву, цѣлыхъ два. Онъ дома основательно изучилъ нѣмецкій и французскій языкъ. У Краузе онъ увеличилъ свои лингвистическія познанія еще англійскимъ языкомъ. Вообще новые языки чрезвычайно хорошо дались нашему беллетристу; онъ владѣетъ ими въ совершенствѣ и вполнѣ свободно на нихъ изъясняется устно и печатно. Нѣкоторыя повѣсти писаны имъ по нѣмецки; есть его оригинальныя вещи на французскомъ языкѣ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ помѣщалъ критическія замѣтки въ лондонскомъ «Athenaeum'ѣ». Знаніе иностранныхъ языковъ не мало содѣйствовало тому, чтобы сдѣлать Тургенева «западникомъ». На

русскомъ языке въ тридцатыхъ годахъ было очень мало дѣльныхъ книгъ по предметамъ, какъ общаго такъ и специального образования и человѣкъ, желавшій пріобрѣсть основательныя знанія по какой-бы то ни было отрасли наукъ, по необходимости былъ принужденъ обращаться къ иностраннымъ источникамъ, къ иностраннымъ сочиненіямъ. Для Тургенева это не представляло никакого затрудненія. Значитъ, онъ имѣлъ неограниченную возможность познакомиться съ произведеніями западной культуры. А вѣдь известно, что нерасположеніе къ чему-нибудь очень часто зависитъ отъ незнакомства съ извѣстнымъ предметомъ. И наоборотъ, мы становимся горячими поклонниками, знакомясь съ вещами, бывшими до того совершенно индифферентными для насъ, или даже непользовавшимися нашимъ симпатію. Тургеневъ, отвѣдавшій, благодаря своему превосходному знанію иностранныхъ языковъ, плодовъ западной цивилизаціи, уже однимъ этимъ обстоятельствомъ имѣлъ много шансовъ сдѣлаться поклонникомъ западного строя жизни, впрочемъ иначе не въ ущербъ сознанію и увѣренности въ русскихъ силахъ, а только съ желаніемъ привыть эти лучшія формы гражданственности къ родной странѣ. Въ послѣднемъ лежитъ различіе между Тургеневымъ и Остзейскимъ барономъ. И тотъ и этотъ недовольны Россіею. Но одинъ отрицаєтъ у нея матеріалъ для созиданія лучшаго образа жизни, между тѣмъ какъ другой скорбить о недостаткѣ методы; ему грустно видѣть какъ пропадаютъ втунѣ богатыя дары, полученные русскимъ человѣкомъ отъ природы, онъ отыскиваетъ путь, при которомъ родная его страна въ состояніи стать на одну ступень съ тѣми цивилизованными націями, образованность которыхъ его восхитила своею разумностью.

Изъ пансиона Краузе Тургеневъ въ 1834 году поступилъ на словесный факультетъ Московскаго университета. Но здѣсь онъ пробылъ не долго. Смерть отца заставила его въ слѣдующемъ году перейти на тотъ-же факультетъ Петербургскаго университета.

Положеніе Петербургскаго университета въ научномъ отношеніи было въ то время далеко не блестящее. Хотя новымъ

уставомъ 1835 года нѣсколько было поднято его значеніе и по возможности смыты слѣды, оставленные хозяйстваніемъ мракобѣсцевъ Рунича и К-и, желавшихъ выпустить вторымъ изданіемъ казанскую исторію, однакоже петербургская alma mater была очень далека отъ того идеала высше-учебнаго заведенія и разсадника образованныхъ людей, какимъ она должна была быть, какъ университетъ первого города Россіи. Въ немъ не было именъ, окруженныхъ громкою славою, пріобрѣтенною на попрыщѣ науки, тою славою, что такъ много содѣйствуетъ формированию молодыхъ научныхъ дѣятелей. Въ петербургскомъ университѣтѣ было мало ученыхъ традицій. Молодыя силы не подстрекались вслѣдствіе этого къ серьезной дѣятельности и уходили на совершенно не-университетскія занятія. Когда молодой человѣкъ, только что оставившій гимназическую скамью, вступаетъ въ университетъ, онъ вполнѣ уподобляется мягкой глине, изъ которой скульпторъ, смотря по желанію и по таланту, можетъ вылѣпить прекрасную статую или ничтожную фігурку. Скульпторомъ, по отношенію къ молодому человѣку, вступившему въ университетъ, по отношенію къ каждому студенту являются весьма разнообразныя обстоятельства. Тутъ дѣйствуютъ и профессора, и товарищи, и университетскія преданія и даже учебныя средства; однимъ словомъ воздухъ, которымъ онъ дышетъ во время своего студенчества. Если этотъ воздухъ нормальный, здоровый, онъ благотворно на немъ сказывается. Трудно встрѣтить такую университетскую среду, чтобы вредно дѣйствовала на студентовъ. Но если она даже не производитъ никакого дѣйствія, ни въ одну, ни въ другую сторону, то и тогда она не удовлетворяетъ своему назначенію и составляетъ безподезную трату для общества. Университетъ долженъ быть центральнымъ пунктомъ интелигенціи той мѣстности, гдѣ находится. Онъ долженъ внушать своимъ питомцамъ уваженіе къ наукѣ, къ духу изслѣдованія. Онъ долженъ имъ дать известный запасъ силъ, для противодѣйствія пошлости, которая по выходѣ изъ стѣнъ университета ихъ охватитъ широкою струею. Онъ долженъ составлять въ воспоминаніи студентовъ свѣтлый пунктъ,

вокругъ котораго группируются лучшіе моменты юношеской жизни, время кипучихъ молодыхъ стремлений къ добру, истинѣ справедливости. Въ памяти бывшихъ студентовъ университетъ долженъ рисоваться какъ мѣсто, гдѣ прекращаются разныя мелкія страстишки, гдѣ не проникаетъ духъ логони за благами мірскими, гдѣ только тотъ можетъ разсчитывать на вліяніе и уваженіе, кто въ жизни своей является примѣръ вполнѣ осмыслинаго существованія. Университетъ долженъ быть запечатленъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ и питомцевъ какъ первый импульсъ къ умственной жизни, какъ разсадникъ правильныхъ взглядовъ на житейскія и общественные отношенія. Велико и прекрасно назначеніе университета, но къ сожалѣнію рѣдко кто изъ нихъ вполнѣ удовлетворяетъ ему. Рѣдко кто представляетъ ту ученнуя республику, какимъ онъ долженъ быть-бы быть при условіяхъ, благопріятствующихъ подобному устройству. Все поглощающая пошлость и филистерство проникаютъ и въ университеты и даже становятся тамъ гораздо отвратительнѣе, потому что прикрываются громкимъ именемъ науки и сквозь ученый покровъ не сразу становятся очевиднымъ для наблюдателя. Есть еще одна цѣль у университетскаго преподаванія, помимо внушенія своимъ слушателямъ высокаго понятія объ идеалѣ человѣческаго существованія. Университетъ долженъ внушать научный духъ, играющій въ прогрессѣ знанія весьма значительную роль, иногда даже имѣющій большее значеніе, нежели самые лучшіе руководители. Вотъ отчего нерѣдко бываетъ, что въ высшемъ учебныхъ заведеніяхъ, обладающихъ всѣми условіями, формирующими научный духъ, являются весьма дѣльные ученые даже по такимъ отраслямъ знанія, по которымъ не имѣется выдающихся профессоровъ. Но если не важенъ иногда хороший профессоръ, взятый въ отдельности, то въ совокупности дѣльные ученые составляютъ важнѣйшую часть университетскаго вліянія, потому что въ связи съ ними являются и прочія условія. Вотъ этого-то существенного фактора, т. е. хорошихъ профессоровъ имѣлось въ очень недостаточной степени въ рассматриваемый нами періодъ существованія петербургскаго университета.

Преподавательскія силы факультета, куда поступилъ Тургеневъ, были далеко не выдающіяся. Профессорскія лекціи заключали въ себѣ очень мало самостоятельныхъ взглядовъ, а тѣмъ меныше еще собственныхъ изслѣдованій. Профессора обыкновенно читали свои предметы по какому нибудь «учебнику», русскому или иностранному. Въ настоящее время самый молоденький приватъ-доцентъ обидится, если его спросятъ: «по какому учебнику вы читаете?». Тогда-же это было сплошь да рядомъ. Изъ учебника составлялся жиленъкій экстрактъ въ видѣ тоненькой тетрадки, которая и зазубривалась къ экзамену, а послѣ него забывалась, такъ какъ не входила въ сознаніе студентовъ и не передумывалась ими. Даже незначительное меньшинство, поступавшее въ университетъ только ради того, чтобы приобрѣсть высшее образованіе, далеко не жило умственною жизнью. А что уже говорить о той многочисленной категоріи юношѣй, разсматривавшихъ университетъ какъ средство къ достижению разныхъ «земныхъ благъ», какъ способъ скораго получения четырехъ чиновъ. По этому о серьезному отношеніи къ занятіямъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не могло быть и рѣчи. Профессорскій персоналъ, недостаточно обладавшій нравственною и умственною мощью, чтобы силою своего таланта и отношенія къ наукѣ внушить студентамъ серьезныя стремленія къ достижению высшаго образованія, не мало содѣйствовалъ этой научной и моральной апатіи.

Всѣ вышеприведенные обстоятельства, какъ видѣтъ читатель, могли очень мало вліять на формирование дѣльной университетской молодежи, одушевленной высшими стремленіями. Но иногда послѣдняя можетъ образоваться и помимо своей умственной родительницы. Бываютъ эпохи въ жизни каждого общества, когда оно живетъ совсѣмъ особыеннымъ образомъ, когда съ верху до низу оно охватывается лихорадочнымъ огнемъ, когда оно разомъ стремится усиленною дѣятельностію искупить прежній долгій сонъ, въ продолженіи котораго ничего не сдѣлало для общечеловѣческаго прогресса и покоилось на мелкихъ интересахъ повседневной жизни. Такія эпохи

особенно рѣзко выдаются у общества живущаго толчками, у общества, которое безъ особенныхъ импульсовъ въ состояніи заснуть, такъ какъ прогрессъ у него является роскошью, праздничнымъ явленіемъ, безъ чего въ будни оно очень хорошо обходится. Въ русской исторіи послѣднихъ двухъ столѣтій моменты пробужденія особенно рельефно обозначаются. Во времена такой усиленной жизни, университетская молодежь всегда идетъ во главѣ движенія, потому-что въ ней бездна натуры, въ ней бродятъ молодыя, но могучія силы, направляемыя общимъ потокомъ на полезныя и честныя цѣли. Въ такія эпохи она можетъ легко обойтись безъ университетскаго вліянія: что не укажетъ профессоръ, укажетъ жизнь. Но въ другое время, когда и жизнь Богъ знаетъ на что направляетъ и университетъ ее не замѣняетъ, молодежь портится и прозябаетъ, не принося обществу той посильной пользы, которую доставляла-бы при другомъ порядкѣ вещей.

Время, когда поступилъ въ университетъ Тургеневъ, принадлежало къ самымъ глухимъ. Русское общество, разшевелившееся нѣсколько въ царствованіе Александра I, вскорѣ завершило свое пробужденіе и снова погрузилось въ столь привычный ему глубокій сонъ. Соціальные вопросы стало трудно затрагивать и литература поневолѣ должна была всецѣло перейти на «художество», которое въ описываемую эпоху дѣйствительно достигло высшаго развитія. Народныя силы, неимѣющія возможность развиться въ одномъ направленіи устремляются къ другому, и, не проявляясь въ одномъ поприщѣ, съ блескомъ выступаютъ на другомъ. Пышный разцвѣтъ изящной русской литературы въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ параллельно умственному застою русского общественного развитія, служитъ лучшимъ доказательствомъ вышеупомянутаго положенія. И наоборотъ, упадокъ художественной литературы въ наше время многіе приписываютъ большему развитію гражданственности, разнообразію областей, куда могутъ направиться творческія силы русского народа.

Если впереди прогрессивнаго движенія часто идутъ университеты, то относительно Петербургскаго въ рассматривает-

мую нами эпоху это не могло имѣть мѣста. Профессора были люди больше чѣмъ «благонамѣренныи» и съ относительно свободной профессорской кафедры никакихъ тенденцій, кромѣ самыхъ безобидныхъ и охранительныхъ не высказывали. Въ этомъ отношеніи Московскій университетъ въ тотъ-же періодъ времени стоялъ гораздо выше. Тамъ были профессора, воодушевленные либеральными мыслями, старавшіеся, хотя въ стѣнахъ храма науки, дать своимъ слушателямъ возможность узнать что-нибудь кромѣ тѣхъ идей, что въ достаточной степени заражали воздухъ и въ университетскаго зданія. Тамъ были Надеждинъ, Павловъ, Шевыревъ, въ то время еще не превратившійся въ зоила «вольныхъ» мыслей. Всѣ эти люди, каждый по своей специальности, старались пріучить студентовъ къ мышленію, сообщать имъ послѣдніе выводы умозрѣнія и изслѣдованія. Оттого-то Московскій университетъ и занимаетъ такое почетное мѣсто въ исторіи русскаго образованія и сороковыхъ годовъ въ особенности. Оттого-то симпатіи большинства дѣятелей предыдущей эпохи группируются вокругъ Москвы и минуютъ Петербургъ, какъ неимѣющій права на подобное вниманіе. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, кто такие были люди, находившіеся во главѣ университетскаго преподаванія въ Петербургѣ въ срединѣ тридцатыхъ годовъ. Стояли-ли они на высотѣ своего положенія? Направляли-ли юношество на честный путь труда и желанія принести пользу своей родинѣ? Внушали-ли они ему высшія стремленія, которыя и составляютъ дѣль университетскаго образованія. Противодѣйствовали-ли они, наконецъ, той поголовной пошлости, что охватила почти все тогдашнее общество подъ вліяніемъ невыгодно сложившихся историческихъ условій?

Вопросы эти мы постараемся разрѣшить разсмотрѣніемъ профессорского персонала за періодъ съ 1835 по 1838 годъ т. е. за то время, что касается предмета настоящаго этюда. Но такъ какъ тотъ-же персональ функционировалъ не только въ продолженіи этого короткаго срока, то разсмотрѣніе наше можетъ кромѣ того служить характеристикой положенія научныхъ силъ Петербургскаго университета въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.

Мы не станемъ дѣлать очерка личностей всѣхъ профессоровъ, такъ какъ это только совершенно излишне увеличило бы объемъ нашего этюда. Мы коснемся только факультета, на которомъ находился Тургеневъ, такъ какъ задались цѣлью изучить вліяніе среды, гдѣ нашъ беллетристъ развивался.

III.

Кафедру богословія, обязательную, какъ и нынѣ, для всѣхъ факультетовъ, занималъ священникъ Райковскій, совершенно необладавшій способностью заинтересовать своихъ слушателей. Преподаваніе его состояло изъ сухаго чтенія и изложенія догматовъ господствующей религіи, не сопровождаемаго никакими комментаріями, какъ мы это встрѣчаемъ у нѣмецкихъ теологовъ. Райковскій не обладалъ къ тому-же и краснорѣчіемъ, изъ котораго юношество готово слушать рѣшительно всякую науку. Историкъ Петербургскаго университета, профессоръ Григорьевъ, называетъ преподаваніе Райковскаго не соотвѣтствующимъ высотѣ университетской науки, или, менѣе высоколарно выражаясь, оно немногимъ отличалось отъ гимназического курса Закона Божія. Не будемъ однако-же претендовать на неудовлетворительность богословской кафедры. Богословіе вообще не пропадаетъ въ нашихъ университетахъ, потому что они не имѣютъ особаго богословскаго факультета и потому принуждены брать преподавателей этого предмета изъ Духовной Академіи. Неудивительно, слѣдовательно, почему выборъ профессора часто бываетъ неудаченъ: онъ производится людьми, не знакомыми съ науками, входящими въ составъ теологии.

Для насъ гораздо важнѣе посмотреть какъ преподавалась философія, главнѣйшій въ то время предметъ, такъ какъ

естественные науки не были еще настолько разработаны и популярны въ русскомъ обществѣ, чтобы привлекать любознательные умы студентовъ. Всѣ стремились изучать философию, какъ науку, разрѣшающую всякя сомнѣнія и дающую путь къ отысканію абсолютной истины. По этому въ другихъ университетахъ вниманіе слушателей всегда концентрировалось вокругъ кафедры философіи. Изъ устъ профессора этой науки выходили импульсы для умственной работы студентовъ, которые, въ свою очередь, распространяли уваженіе и любовь къ умозрѣнію далеко за предѣлами аудиторіи. Въ Петербургѣ философию читалъ австрійскій уроженецъ Фишеръ, окончившій курсъ въ іезуитскомъ лицѣ. Преподавалъ онъ ее вполнѣ какъ слѣдуетъ подданному государства, гдѣ безгранично господствовалъ такой любитель просвѣщенія и изслѣдованія, какъ князь Метернихъ. Почтенные патеры, воспитавшіе Фишера, тоже не должны были краснѣть за него: онъ былъ вѣрнымъ репрезентантомъ ихъ идей. И безъ него малодумавшимъ юношамъ Россійскимъ онъ проповѣдывалъ не давать воли пытливому уму, не увлекаться его мнимою силою, а строго слѣдовать и подчинять свои мысли указаніямъ Откровенія.

Первое время своего пребыванія въ университетѣ т. е. съ 1828 г. по 1835 г., Фишеръ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, былъ очень полезенъ своимъ малоподготовленнымъ слушателямъ въ томъ отношеніи, что начиналъ свою науку прямо съ азбуки. Но намъ кажется, гораздо вѣрнѣе будетъ просто назвать его преподаваніе азбучнымъ. Нѣтъ! скажутъ намъ, онъ не затуманивалъ непривычные мозги студентовъ запутаннымъ изложеніемъ философскихъ истинъ. Мы совершенно отрицаемъ подобную систему. Популяризація вещь хорошая, но она положительна вредна тамъ, гдѣ неумѣстна. Популяризація хороша для дилетантовъ, а университетская наука имѣеть болѣе серьезныя цѣли. Въ данномъ случаѣ дѣло именно и сводилось на поверхностный дилетантизмъ. Мнимотуманное, а въ сущности довольно понятное, изложеніе философіи, могло такимъ казаться только въ началѣ, пока слушатели не познакомились съ терминами, не освоились съ философскимъ жарго-

номъ, съ отвлеченнымъ языкомъ. Но разъ это довольно незначительное препятствие преодолѣно, дальнѣйшая популяризация можетъ только повредить университетскому преподаванію, которое должно носить строго-научный характеръ. Фишеръ слѣдовательно иначе не поступалъ рационально, излагая первое время свой предметъ совершенно школьническимъ образомъ, прибѣгая къ системѣ, впервые введенной Сократомъ т. е. искусною постановкою вопросовъ заставляя самыхъ-же студентовъ разрѣшать разные философскіе принципы. Доступность его лекцій создала Фишеру непродолжительную популярность въ университетѣ. Но она была настолько искусственна и эфемерна, что во время пребыванія Тургенева отъ нея остались весьма жалкіе остатки. Понятно тутъ играло нѣкоторую роль то обстоятельство, что въ періодъ десяти лѣтъ способность къ усвоенію высшаго образованія повысилась въ русскомъ юношествѣ и сократическая метода Фишера, да и все вообще его преподаваніе, отзывающее ладономъ, не могло уже такъ нравиться какъ когда-то. Студенты стороной уже слыхали о другихъ направленихъ, о другихъ профессорахъ. Имъ стало известно то неподдѣльное удивленіе молодыхъ людей, когда они послѣ Фишеровскихъ лекцій попадали въ заграничные университеты. Фишеровскимъ слушателямъ тогда казалось, что они изучаютъ совсѣмъ новую науку. Такъ діаметрально противоположно было отношеніе западныхъ ученыхъ къ своему предмету съ подлизывающимся и старающимся отличиться преподаваніемъ Фишера.

Къ характеристикѣ Фишера не будетъ излишнимъ присоединить слѣдующій фактъ. На Естественное Право недружелюбно смотрѣли лица, заправлявшіе университетомъ. Запущенный исторіею съ Кунининымъ и доносами Магницкаго, Руничич и К-иі, Комитетъ для устройства учебныхъ заведеній разсматривалъ Естественное Право какъ источникъ вольнодумства учащагося юношества, какъ предметъ будто-бы дававшій опору и подтвержденіе революціоннымъ тенденціямъ, стремящимся къ разрушенію Престола и Отечества. По этому комитетъ быль-бы радъ и совершенно выбросить Естественное

Право изъ круга университетского преподаванія, но этимъ подрывался-бы научный характеръ преподаванія юридическихъ наукъ. Изъ двухъ золъ нужно было выбрать одно меньшее, и вмѣстѣ съ тѣмъ постараться сдѣлать его какъ можно безвреднѣе. Надо было «исправить» Естественное Право и предподнести его студентамъ въ такомъ видѣ, чтобы они изъ него ничего «противозаконнао» не извлекли-бы. Была снаряжена комиссія, которой и поручили составить учебникъ по Естественному Праву въ надлежащемъ духѣ. Комиссія состояла изъ профессора Римскаго права Шнейдера, проф. Русскихъ Гражданскихъ законовъ—Барона Врангеля, профессоровъ Главнаго Педагогическаго Института Штекгорта и Бессера и предсѣдателя Балунгъянскаго, бывшаго профессора Энциклопедіи. Хотя по русской пословицѣ и выходитъ, что умъ хорошо, а два лучше, этого, однакоже, въ данномъ случаѣ не было. Профессора думали, думали и ничего не выдумали. Можетъ быть у нихъ не хватило духу сдѣлать операцию Естественному Праву, а можетъ быть они и не съумѣли ее произвести,—про это мы ничего не знаемъ. Несомнѣнно лишь то, что изъ ихъ совмѣстныхъ работъ ничего не вышло. Между тѣмъ преподаваніе Естественного Права было пріостановлено. Адъюнктъ Еллатевскій, читавшій его, былъ уволенъ, а кафедра Естественного Права, хотя и не упразднена, но оставлена безъ преподавателя до составленія учебника. Допустить чтеніе по «собственнымъ запискамъ» профессора Комитетъ не рѣшался. Два года оставалась вакантною обсуждаемая нами кафедра вслѣдствіе неуспѣшнаго результата комиссіи «пяти». Наконецъ, поручили дѣло Фишеру. Философъ превратился въ юриста и скомпилировалъ «надежный» учебникъ. Комитетъ удовлетворился и трудъ Фишера появился въ «Журналѣ Минист. Народ. Просвѣщенія» за 1836 г. Нѣкоторыя выписки изъ этой любопытной статьи могутъ дать понятіе какъ о характерѣ Фишеровскаго преподаванія, такъ и научности изложенія имъ Естественного права.

По всей статьѣ въ разныхъ мѣстахъ разбросаны мелкія шипильки «вольному духу». Руссо почтенный профессоръ не

можетъ иначе титуловать какъ «надменнымъ Женевскимъ гражданиномъ». По его мнѣнію «дѣйствительно весьма немнога было такихъ, которые, подобно Ж. Ж. Руссо и Фихте имѣли-бы столько дерзости, чтобы проповѣдывать свои парадоксы безъ всякой умѣренности и не заботясь о послѣдствіяхъ, которыя изъ нихъ проистечь должныствуютъ». Онъ очень сожалѣетъ о томъ, что «звучныя и двусмысленныя слова «свобода, равенство» остались нѣкоторымъ образомъ какъ-бы стереотипными во французской литературѣ». О предметѣ своего изслѣдованія онъ выражается: «Изступленіе метафизического фанатизма, овладѣвшее умами философовъ въ прошедшемъ столѣтіи, породило между прочими химерическими отвлеченностями и науку Естественного и Политического Права, не зависящую ни отъ какихъ положительныхъ данныхъ и, что еще важнѣе, ни отъ какаго нравственного закона. Эта наука, облеченнная въ формы универсальности и необходимости, которыми тщательно украшали ее, и громко возвѣщающая указаніе твердыхъ и незыблемыхъ основаній политического законодательства, сначала разлила необыкновенный блескъ и даже ослѣпила большое число изъ тѣхъ адептовъ, которые, не утверждаясь на однихъ метафизическихъ отвлеченностяхъ, руководствовались обыкновенно въ своихъ сужденіяхъ наставлѣніями опыта. Время открыло всю неосновательность ея мечтательныхъ теорій и ужасный послѣдствія, коими сопровождались первые опыты, сдѣянные для осуществленія нового порядка дѣлъ, достаточно могли показать всякому благомыслящему человѣку и истинную цѣну и истинное направление сего ученія. Судя, однакожъ, по лестному приему, какой и до сего времени оказывается самымъ безсмыслиеннымъ и нелѣпымъ брошюрамъ, если только онъ имѣютъ предметомъ естественное право, можно заключить съ достовѣрностію, что нашему вѣку какъ будто-бы жаль отречься отъ сумасброднаго почитанія, которое еще такъ недавно воздавалось этому философическому кумиру исчезнувшимъ предъ нами поколѣніемъ, приносившимъ ему въ жертву свое счастіе и даже кровь свою». (Ст. 2).

Неправда-ли, слушая подобное чествованіе Естественного

Права, студенты могли-бы возымѣть большое къ нему почтеніе, если-бы, къ счастью, возврѣнія Фишера не возбуждали въ нихъ сожалѣнія и не вызывали презрительной улыбки. Оригинальнымъ въ данномъ случаѣ является вообще чтеніе стечевенного Права въ университетѣ. Спрашивается, уже если оно такая пустая и *сумасбродная* наука, то зачѣмъ-же время тратить на его изученіе. Или можетъ быть оно нужно было чтобы внушать слушателямъ мысли, въ родѣ слѣдующихъ: «Въ числѣ первыхъ между проповѣдниками этого новаго ученія должно поставить Монтескье: онъ былъ непосредственнымъ предтечою революціонныхъ писателей. Его трактатъ о духѣ законовъ—сочиненіе, заслужившее во время появленія своего такой успѣхъ, которому мы нынѣ едва можемъ повѣрить — скрывалъ разрушительное направление подъ самыми невинными формами¹⁾; но, превознося выше мѣры представительное правленіе Англіи, восхвалия, какъ одно изъ существенныхъ совершенствъ хорошаго правленія, раздѣленіе и совершенную независимость властей законодательной, судебнай и исполнительной, наконецъ, называя добродѣтель побужденіемъ къ дѣятельности въ гражданахъ республикъ, а дѣятельности гражданъ въ государствахъ монархическихъ приписывая побужденіе второстепенное—честь, онъ впускалъ по каплѣ незамѣтный ядъ въ умы многочисленныхъ своихъ читателей, усиливаль *суетное желаніе нововведеній*, которое порождено было вышепизложенными обстоятельствами въ сердцѣ народа, и приготовилъ міръ къ слушанію безъ содроганія того ученія, которое, не обинуясь, повелѣвало низвергать все, что еще стояло, чтобы послѣ того жить сообразно мнимымъ требованіямъ разума». (Стр. 11). Ужасно боялся Фишеръ этого ненавистнаго разума: гдѣ только онъ могъ, онъ старался его уничтожить въ глазахъ студентовъ. Одна бѣда—не слушались послѣдніе этой проповѣди. Да и могли-ли они слѣдовать въ чемъ нибудь Фишеру, когда онъ, проникнувшись похвальнымъ принципомъ «не

¹⁾ Такъ говорилъ «благонамѣренный» профессоръ о сочиненіи, принятомъ Императрицею Екатериною II въ основаніе ея реформаціонныхъ предначертаній.

мытьемъ, такъ катаньемъ» проповѣдывалъ: «Въ числѣ тѣхъ, которые произвели наиболѣе вліянія, довольно наименовать физіократовъ, и преимущественно Мирабо-отца, Гельвеція, Мабли, Рейналя, Буланже, сочинителя системы природы (Лагранжъ или баронъ Гольбахъ), Вольтера, Ла-Меттри, Дidero и Энциклопедистовъ, наконецъ Мирабо-сына и Аббата Сійеса—двухъ восторженныхъ адептовъ новой мудрости, *коихъ гибельная дѣятельность* въ великой драмѣ, приготовленной всѣми сими писателями въ продолженіе сорока лѣтъ, слишкомъ извѣстна. Революція, казалось, самымъ дѣломъ освятила новое метафизическое учение; но это была только пустая наружность, ибо довольствовались одними словами. Пышная декларація правъ человѣка, изданная національнымъ собраниемъ въ 1791 году, торжественно провозгласила самодержавіе народа, и, не смотря на то, первая конституція того-же года, основывавшаяся по видимому на этой декларації, немедленно ее отмѣнила: ибо народъ — этотъ новый самодержецъ — *принужденъ былъ*¹⁾ принять конституцію, не подавъ голоса, и не уполномочивъ на то своихъ представителей». Какъ видитъ читатель Фишеръ рѣшается даже защищать «новаго самодержца» лишь-бы унизить нелюбимос Естественное Право. Онъ настолько ослѣпленъ, что не видитъ всего глубокаго комизма своихъ доводовъ и отрывочныхъ выражений. Не признавая ничего основательного во всемъ «Contrat social», онъ съ радостью ухватывается только за одно выраженіе и цѣнитъ на вѣсъ золота фразу Руссо о томъ, что «къ несчастію, правленіе столь совершенное не годится для людей; если-бы существовалъ народъ боговъ, онъ управлялся бы демократически». «Эти замѣчательныя слова въ устахъ Руссо, торжествуетъ Фишеръ не суть-ли откровенное признаніе, что новѣйшия метафизики, утверждая свою систему Права на воздушныхъ основаніяхъ общества, составленного исключительно изъ существъ, управляющихъ разумомъ, не принимая въ соображеніе ни противоразумной стороны человѣка, ни множества

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ Фишеру.

нуждъ и ненасытныхъ желаній его, и не обращая вниманія на время и мѣсто, коимъ подчинено всякое земное бытіе, изобрѣтали однѣ мечты, могущія осуществиться только тогда, когда мы не будемъ имѣть ни тѣла, ни страстей, и когда особенный разумъ, не находя въ насъ самихъ никакого для себя препятствія, будетъ въ состояніи обойтись совершенно безъ Права, какова-бы нибыла система онаго?» (Стр. 12). Вся эта, замѣчательная своимъ вполнѣ каммединерствующимъ краснорѣчіемъ, тирада произносится на основанія небольшой оговорки Руссо, имѣющей единственнымъ толкованіемъ сожалѣніе женевскаго идеолога о неполной примѣнимости его системы. Фишеръ не брезгаетъ никакими средствами для дискредитированія вредной науки: други и недруги имъ эксплуатируются съ этой цѣлью и онъ отовсюду хватаетъ клочки для усиленія эффекта. Результаты, однако-же, какъ-то не совсѣмъ выходили похожими на desiderata почтеннаго воспитанника іезуитскаго коллегіума и старанія его, если и производили дѣйствіе, то совершенно противоположное. Стремительность Фишеровской атаки служила лучшимъ доказательствомъ, что Естественное Право не есть уже такой абсурдъ, какъ нашъ философъ-юристъ увѣрялъ и что бросаемая имъ въ эту науку грязь ничто иное, какъ неблаговидный полемический пріемъ.

Исторію Всеобщую читали Куторга и Шульгинъ. Куторга — Древнюю и Среднюю, а Шульгинъ — новую.

Михайло Семеновичъ Куторга принадлежалъ къ относительно свѣтлымъ личностямъ въ преподавательскомъ штатѣ филологического факультета. Во времена Тургенева онъ не былъ еще тѣмъ археологическимъ классикомъ, подчасъ завирающимся, какимъ мы его видимъ въ настоящее время на страницахъ Катковскаго изданія. Тогда онъ только что вернулся изъ Германіи, полный научнаго духа и живаго отношенія къ своему предмету. Нибуръ своимъ историческимъ критицизмомъ благодѣтельно на него подѣйствовалъ въ томъ отношеніи, что не далъ ему сдѣлаться записнымъ буквѣдомъ латинскихъ и греческихъ древностей и заставилъ его вникнуть въ сущность

античной жизни. Вследствие этого лекции Куторги были очень приятною новинкою для студентовъ. Куторга открывалъ имъ особый міръ, до него казавшійся довольно скучнымъ, онъ разширилъ ихъ умственный кругозоръ, показывая, что начало нашей современной культуры должно искать въ древнемъ мірѣ, что міръ этотъ не составляетъ чего нибудь рѣзко отличнаго отъ послѣдующихъ эпохъ, а что въ немъ мы наблюдаемъ законы и проявленія, общія всей исторіи. Подъ вліяніемъ Нибуровскаго скептицизма Куторга показывалъ своимъ слушателямъ, какъ путемъ строго-исторического анализа можно очистить древнюю исторію отъ сказочной формы и получить вѣрную картину жизни народовъ до-христіанскаго періода. Излагаль Куторга свой предметъ очень краснорѣчиво чѣмъ тоже не мало привлекалъ симпатіи студентовъ, всегда большихъ охотниковъ до прекрасноговоренія. По отзывамъ современниковъ «лекціи М. С. Куторги явились по кафедрѣ Всеобщей Исторіи такою-же живительною и плодотворною новостью, какъ чтенія брата его С. С. Куторги по кафедрѣ зоологии. Поступивъ изъ студентовъ университета нашего въ профессорской Институтъ въ 1827 году, прибыль онъ въ Дерптѣ до начала 1833 года, и защитивъ диссертацию «*De tribibus Atticis corumque cum regni partibus pexi*» (Dorpati 1832), получилъ тамъ степень магистра философіи. Отправленный затѣмъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ своей специальности за границу, Куторга слушалъ лекціи въ Парижѣ, Гейдельбергѣ, Мюнхенѣ, но большую часть двухгодичнаго пребыванія своего въ чужихъ краяхъ провелъ въ Берлинѣ. Критическая школа Нибура находилась тогда въ полномъ развитіи. По направлению имъ указанному трудились тамъ съ жаромъ надъ разработкою исторіи вообще и древней въ особенности. Древній міръ все болѣе и болѣе терялъ ту чуждую, непонятную для насъ оболочку, въ которой представлялся дотолѣ ученымъ и начиналь являемыя въ ясныхъ, живыхъ, опредѣленныхъ чертахъ; политический бытъ и учрежденія, созданія народного творчества, языкъ, религія древнихъ, все подвергалось анализу, все возсоздавалось и объяснялось путемъ строгой исторической критики. Этимъ новымъ

научнымъ направлениемъ, не только не проникавшимъ въ Петербургскій, но малоизвѣстнымъ тогда и въ Дерптскомъ университетѣ, пропитался нашъ молодой ученый, обладавшій уже богатымъ запасомъ положительныхъ свѣденій и предался, вслѣдствіе того, преобладавшему въ Германіи изученію древняго міра съ жаромъ который и пріобрѣлъ ему почетное мѣсто между современными элленистами. Появленіе его на кафедрѣ Всеобщей Исторіи было, какъ уже замѣчено, эпохой. Во взглядѣ его на требованія университетскаго преподаванія не было ничего общаго съ гимназическими взглядами и приемами его предшественниковъ по кафедрѣ. Источники и литература предмета съ критическою ихъ оцѣнкою не входили вовсе въ ихъ планъ: у Куторги составили они основу его чтеній. Несовмѣстнымъ съ критическою методою, имъ усвоенною, представлялось также слѣдованіе какимъ-либо учебникамъ, которыми они руководствовались: не останавливалась на изложеніи общеизвѣстныхъ фактovъ, онъ, вмѣсто того, сталъ знакомить слушателей съ различными господствующими и господствовавшими научными на нихъ возврѣніями, старался показать связь этихъ фактovъ съ предшествующими и послѣдующими явленіями, освѣтить ихъ, разъяснить ихъ значеніе, и представить такимъ образомъ живую и ясную картину постепенного развитія человѣческаго общества. Сначала, пока еще не былъ полнымъ хозяиномъ своей кафедры, читалъ онъ и Древнюю, и Средневѣковую, и Новую Исторію въ болѣе или менѣе полномъ объемѣ; въ послѣдствіи-же его курсъ Греческой Исторіи обнималъ обыкновенно только IV и V столѣтія, со введеніемъ, въ которомъ излагалъ вліяніе Востока на Грецію; въ курсѣ Римской исторіи ограничивался онъ первыми двумя столѣтіями Республики т. е. борьбою патриціевъ съ плебеями; въ курсѣ Средневѣковой Исторіи — феодальною системою, ея образованіемъ, развитіемъ и учрежденіями; въ курсѣ Новой Исторіи—событиями XVIII столѣтія до Семилѣтней Войны. Сверхъ того, въ послѣдніе годы читалъ «Введеніе въ Науку Исторіи». Не грузъ именъ и чиселъ выносили слушатели изъ его аудиторіи, а знакомились, на означенныхъ вопросахъ, съ методомъ на-

учныхъ занятій, съ требованіями научнаго изслѣдованія. Такое преподаваніе при дарѣ изложенія, естественно привлекало слушателей, и возбуждая въ нихъ самодѣятельность, располагало къ самостоятельному занятію предметомъ».

Таковъ былъ одинъ изъ профессоровъ исторіи. Къ сожалѣнію имъ, да отчасти еще Плетневымъ и ограничивалось число профессоровъ, стоявшихъ на уровнеѣ своего положенія. Между остальными, если и попадались люди знающіе, то за то они только однимъ этимъ качествомъ и обладали. Узкіе специалисты они сообщали своимъ слушателямъ именно только тотъ грузъ фактovъ, именъ и чисель, отсутствіе котораго такъ пріятно констатировать въ чтеніяхъ Куторги.

Другой профессоръ Всеобщей Исторіи, онъ-же и ректоръ Университета въ Тургеневскій періодъ И. П. Щульгинъ, ничѣмъ особеннымъ не отличался ни въ научномъ, ни въ педагогическомъ отношеніи. Преподаваніе его почти безслѣдно проходило въ сознаніи его учениковъ, по этому мы и не останавливаемся на немъ.

Русскую Исторію читалъ Устряловъ. Безъ сомнѣнія это былъ человѣкъ знающій, хорошо изучившій свой предметъ, должно даже сказать очень дѣльный ученый, оставившій послѣ себя почетную память въ наукѣ русской исторіи своими многочисленными трудами. Но во время пребыванія Тургенева въ университетѣ Устряловъ не могъ имѣть вліянія на него во первыхъ потому, что ученная слава его главнымъ образомъ сформировалась въ послѣдствіи, а во вторыхъ потому, что онъ, при всей своей эрудиціи, не былъ историкомъ—философомъ, историкомъ — публицистомъ, какимъ впослѣдствіи явился преемникъ его по кафедрѣ—Николай Ивановичъ Костомаровъ. Устряловъ сообщалъ своимъ слушателямъ факты изъ русской исторіи, но общихъ взглядовъ на нашу прошедшую жизнь, философію русской исторіи, что именно и составляетъ цѣль ея изученія въ университетѣ, онъ не передавалъ аудиторіи, да и не могъ передавать, потому что принадлежалъ къ археологической школѣ историковъ, непризнающихъ никакихъ другихъ источниковъ, кромѣ архивной пыли. Справа-

шивается, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ будетъ отличаться университетское преподаваніе отъ гимназиескаго? Неужели-же только тѣмъ, что къ извѣстному изъ элементарнаго курса факту прибавить лишнюю подробность? Неужели-же изученіе исторіи состоится только въ томъ, чтобы привить своей памяти извѣстное количество событій съ ихъ хронологическимъ обозначеніемъ? Если такъ, то, право, званіе историка совсѣмъ не такое почетное, и изъ всѣхъ специальностей — самое узкое. Но въ томъ-то и дѣло, что подобный взглядъ на исторію есть анахронизмъ, а въ университетскомъ преподаваніи — анахронизмъ вредный, такъ какъ студенты, выходя изъ университета, не выносятъ оттуда умѣнія философскаго относиться къ явленіямъ прошлой жизни и извлекать изъ нея полезныя указанія для настоящей. Устряловъ давалъ работу только памяти; мышленія онъ не касался. Рѣдко можно встрѣтить человѣка, который былъ-бы въ состояніи хорошо запомнить, не говоря уже объ университетскомъ весь гимназиескій курсъ. Слѣдовательно, нечего уже и говорить, что изъ обширныхъ чтеній Устрялова студенты выносили очень микроскопическую часть. Мыслить-же исторически онъ ихъ не пріучалъ. Значитъ польза его для петербургскаго университета только въ весьма отдаленной степени напоминала ту, которую должно было приносить его преподаваніе. Какъ и Карамзинъ, Устряловъ былъ историкъ «Русскаго Государства», но не «Русскаго Народа». Послѣдній составлялъ у него лишь аксессуаръ, а не центральный пунктъ, вокругъ котораго все должно сосредоточиваться. По этому въ лекціяхъ Устрялова есть много треску и бенгальского огня, не въ меньшей степени чѣмъ у сентиментальнаго родоначальника «государственной» школы историковъ.

Въ описываемую нами эпоху фактическое преподаваніе, подобное Устряловскому, было еще болѣе неумѣстно, чѣмъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время на филологической факультетѣ поступаетъ очень ограниченное количество студентовъ. Значительный процентъ ихъ пополняется, по окончаніи курса, контингентъ «ученаго» сословія. Значитъ для нихъ Устряловскія лекціи имѣютъ извѣстный смыслъ и могутъ

быть полезны въ томъ отчошениі, что знакомятъ съ техникою дѣла. Но во времена Тургенева туда поступали молодые люди, просто желавшіе получить общее образованіе. У нихъ не было ни малѣйшей охоты сдѣлаться специалистами. Они болѣе всего нуждались въ университетскомъ развитіи, а не кропотливомъ знаніи фактovъ. Оттого-то не особенно много зналъ Плетнєвъ гораздо больше остался въ памяти своихъ слушателей, въ томъ числѣ и Тургенева, чѣмъ многоученный Устряловъ и Грефе, о которомъ рѣчь впереди.

Все вообще преподаваніе Устрялова совершенно расходилось съ симпатіями студентовъ, которые всегда обладаютъ извѣстнымъ чутьемъ, извѣстною способностью распознаванія истиннаго отъ напускнаго, бывающаго на эффеクトъ предъ слушателями, а также не только предъ ними одними....

Обратимся къ профессору Греческаго языка—Ѳеодору Богдановичу Грефе, во времена Тургенева декану факультета.

Древніе языки были тогда въ упадкѣ. Изъ программы 1836—37 учебнаго года мы видимъ, что филологи проходили ихъ въ довольно мизерномъ объемѣ. Такъ напр. они изучали по греческому языку Одиссею и оды Гораций по латинскому. Въ настоящее время воспитанники классическихъ гимназій проходятъ это въ 6 классѣ. Самое преподаваніе древнихъ языковъ велось вполнѣ школьническимъ образомъ. Понятно на подобное положеніе дѣла профессора классическихъ кафедръ имѣли самое большое вліяніе. Грефе былъ человѣкъ съ большою эрудиціею, но въ немъ не было способности заинтересовать студентовъ и заставить ихъ взяться за основательное изученіе древнихъ языковъ. Бывшій ученикъ его, проф. Благовѣщенскій, отзываетъ о немъ въ такомъ родѣ: «на него глядѣли, какъ на гиганта ученности. Но нельзѧ сказать, чтобы и преподаваніе Грефе способствовало распространенію вкуса къ ознакомленію съ Древностью въ писателяхъ ея и памятникахъ искусства. Этого и не могло быть при преподаваніи предмета русскимъ на латинскомъ языкѣ; Грефе - же, кромѣ того, принадлежалъ къ той школѣ преподавателей, которая не находила нужнымъ вдаваться въ историческія и археологическія подробн-

ности и ограничивалъ свое преподаваніе грамматическимъ и эстетическимъ (?) комментариемъ объясняемыхъ авторовъ». Профессоръ Григорьевъ, тоже бывшій ученикъ Грефе, дѣлаетъ слѣдующую характеристику его чтенія: «На лекціи Римской словесности ¹⁾ ходилъ я къ нему въ теченіи трехъ лѣтъ; но все это время объяснялъ онъ одного Горация и объяснялъ такъ, что я, сравнивая комментарій его на этого писателя съ комментаріемъ, какой давалъ намъ Сенковскій на Лебида или Харирія, находилъ чтенія Грефе крайне сухими и нисколько не вводившими въ міръ Римской жизни. Эстетическая критика его казалась мнѣ ничуть не выше Толмачевской ²⁾), а трепетъ, который ощущали предъ нимъ студенты — происходившимъ единственно отъ незнанія имп другого порядочнаго знатока Древности, съ которымъ бы они могли сравнивать его. Оскорбителенъ былъ также, на мои глаза, тотъ презрительный тонъ съ какимъ относился Грефе къ казеннымъ студентамъ, называя не рѣдко ignobile genus coronaе, тогда какъ при обращеніи къ студентамъ нѣмецкаго происхожденія съ баронскимъ титуломъ, и грубый голосъ его становился мягокъ и черты лица, выражавшаго постоянно брюзгливость, складывались въ любезную улыбку. Студентовъ усердныхъ и успѣвавшихъ Грефе, впрочемъ, любилъ и отличалъ какого-бы они не были происхожденія; но и при этомъ выходило все какимъ-то образомъ, что русскіе его ученики не имѣли хода въ университетѣ».

Знали у Грефе студенты очень мало, хотя боялись его какъ огня. Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ сознается, что впослѣдствіи, когда онъ слушалъ въ Берлинѣ лекціи нѣмецкихъ профессоровъ по словесности древнихъ языковъ, онъ дома былъ принужденъ подзубривать латинскую и греческую грамматику. А былъ онъ далеко не изъ плохихъ канди-

¹⁾ Грефе часто читалъ и ее, помимо своей присяжной кафедры греческаго языка.

C. B.

²⁾ Толмачевъ былъ профессоръ Русской Словесности въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Его воззрѣнія считались отсталыми еще въ началѣ двадцатыхъ годовъ.

C. B.

датовъ. По этому можно судить, что классическая премудрость прощвтала въ петербургскомъ университѣтѣ половины тридцатыхъ годовъ не въ болѣшѣй степени, чѣмъ другіе предметы.

Мы не будемъ много говорить о профессорѣ Римской Словесности Фрейтагѣ и объ адъюнктахъ Соколовѣ и Шлитерѣ, первый по греческому языку, второй по латинскому. Отъ нихъ въ памяти слушателей едва можетъ быть остались имена. Скажемъ лучше нѣсколько словъ о профессорѣ, имѣвшемъ большое вліяніе на развитіе и образованіе студентовъ, хотя, можетъ быть, участіе его личныхъ заслугъ тутъ не было особенно велико. Мы говоримъ о Плетневѣ. Лучшею его рекомендациою можетъ служить то обстоятельство, что всѣ его ученики хранятъ о немъ благодарную память. Не будучи приверженцемъ такъ называемыхъ «либеральныхъ» идей, онъ этимъ, однако-же, не шокировалъ своихъ слушателей, какъ мы это видѣли при Устряловѣ. Студенты видѣли въ немъ вполнѣ отсутствіе Фишеровской угодливости и подлаживанія подъ господствовавшій въ нѣкоторыхъ сферахъ духъ. Къ тому Плетневъ былъ очень добрый человѣкъ и студенты не разъ имѣли случай убѣдиться въ этомъ его прекрасномъ качествѣ. Вотъ отчего, несмотря на особенно большую учченность, его въ университѣтѣ всѣ очень любили и уважали больше всѣхъ профессоровъ, изъ которыхъ многіе далеко превосходили Плетнева своими знаніями, каждый по своей специальности.

Особеннымъ ореоломъ въ глазахъ студентовъ окружала Плетнева его дружба съ Пушкинымъ. Пушкина тогдашняя молодежь обожала, видя въ немъ смѣлаго и геніального реформатора русской поэзіи. Понятно, что человѣкъ, которому великий поэтъ посвятилъ лучшее свое произведеніе, долженъ быть казаться восторженнымъ юношамъ особенно достойнымъ уваженія. Блескъ Пушкинской славы какъ-бы отражался на Плетневѣ. Уважая его, студенты платили дань удивленія новому направлению литературы, еще не настолько тогда окрѣпшему, чтобы обойтись безъ поддержки университетской молодежи. И не одного Пушкина студенты уважали въ лицѣ Плетнева. Жуковскій былъ съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ,

ровно какъ и вся плеяда поэтовъ, взявшихъ себѣ за образецъ Пушкина. Такимъ образомъ вокругъ Плетнева концентрировался весь цвѣтъ тогдашней литературы и это неизбѣжно отзывалось на его лекціяхъ. Плетневъ читалъ Исторію Русской Литературы, больше налагая на критическую и эстетическую часть, чѣмъ на филологическую. По этому студенты изъ его чтеній выносили больше развитія, нежели знанія и потому тоже послѣднія больше всѣхъ лекцій другихъ профессоровъ служили для приобрѣтенія истиннаго общаго и вмѣстѣ съ тѣмъ высшаго образованія.

Тургеневъ былъ очень друженъ съ Плетневымъ. Послѣдній приглашалъ его къ себѣ на литературные вечера, просматривалъ его попытки на пути самостоятельного творчества, и журилъ или хвалилъ молодаго дебютанта, смотря по тому стоило ли онъ одного или другаго. Разъ будущій знаменитый беллетристъ написалъ какую-то длинную чепуху въ стихахъ *à la Байронъ* и далъ Плетневу для просмотра. Этотъ процензурировалъ рукопись, опредѣлилъ ея достоинства, но все-таки обнадежилъ Тургенева, увѣряя его, что въ немъ «что-то такое есть».

Плетневъ былъ чисто-русскій человѣкъ въ томъ отношеніи, что разсудокъ въ немъ никогда не бралъ верхъ надъ сердцемъ. Даже не одобряя какое нибудь направленіе, какъ напр. движение шестидесятыхъ годовъ, онъ все-же относился къ нему крайне-добродушно и не присталъ къ тѣмъ партіоннымъ во французскомъ смыслѣ людямъ, которые извергали громъ и молнию противъ молодаго поколѣнія только за то одно, что оно не было согласно съ ихъ убѣжденіями. Строго порицая университетскій «бунтъ» 1861 года, Плетневъ, однако-же, глубоко скорбѣлъ за пострадавшихъ при этомъ молодыхъ людей. И во времена Тургенева, Плетневъ, не шокировалъ студентовъ, въ силу своей молодой натуры, всегда сочувствующихъ оппозиціонному, и потому относившихся крайне недружелюбно къ тѣмъ изъ профессоровъ, которые съ ученої кафедры, долженствующей быть болѣе или менѣе объективной, разрушали часто самимъ неосновательнымъ обра-

зомъ разныя «вредныя» теоріи и потому не передававшіе своимъ слушателямъ науку во всѣхъ ея деталяхъ; такъ напр. нѣкоторые совсѣмъ не упоминали при чтеніи политической экономіи о существованіи соціалистической школы. Маневръ, должно отдать справедливость, очень рациональный для радикального излеченія юношества отъ революціонныхъ тенденцій. Студенты не могли приписать подобное опущеніе «независящимъ» отъ профессора обстоятельствамъ, потому что оно производилось *proprio motu*. Въ доказательство: преемнику преисполненнаго рвешія наставнику политической экономії стоило только, сейчасъ-же по вступленіи на кафедру, заговорить о соціалистахъ — и никто и не вздумалъ придраться къ нему за это. Вообще умственному застою въ университѣтѣ не мало содѣйствовали сами профессора, совсѣмъ помимо постороннихъ вліяній. Каждый профессоръ, который хотя нѣсколько былъ преданъ своему предмету, могъ безъ особыхъ усилий отстоять свою независимость и не допустить никакихъ калѣченій своей науки. Студенты относились очень недружелюбно къ уклонившимся отъ своихъ прямыхъ обязанностей профессорамъ и индиферентно къ нейтральнымъ. Слѣдовало-бы полагать, что Плетнєвъ попадетъ въ послѣднюю категорію. На самомъ-же дѣлѣ его всѣ любили въ силу той-же русской натуры, которая не въ состояніи враждебно и безразлично отнестись къ человѣку, смазавшему ей губы медомъ ласковаго обращенія, не приторно-ласковаго съ іезуитскимъ оттѣнкомъ, а истинно-добродушнаго съ широчайшею всероссійскою улыбкою.

Въ послѣдній годъ университетскаго пребыванія Тургенева началъ читать и Никитенко. Предметомъ его чтеній были: а) основанія философскаго языкоученія, въ приложениі къ отечественному языку, съ критическимъ изложеніемъ развитія и усовершенствованія сего послѣдняго б) теорія Прозаической Словесности и с) Философія Изящнаго. Въ пятидесятыхъ годахъ лекціи его пользовались большою популярностью, такъ что аудиторія его часто наполнялась людьми посторонними, приходившими послушать моднаго профессора Русской Словесности. Точь въ точь какъ въ наше время съ лекціями О. Ф. Миллера.

Было-ли въ нихъ такое-же до тошноты общіе либерализма и звонкихъ фразъ, не можемъ сказать утвердительно. Но какъ-бы то ни было въ срединѣ тридцатыхъ годовъ, Никитенко еще не былъ тѣмъ блестящимъ профессоромъ, какимъ сдѣлался впослѣдствіи и Тургеневъ не могъ особенно много вынести изъ его лекцій. Вліянія на него онъ тоже едвали имѣлъ, потому что Никитенко, будучи постояннымъ сотрудникомъ «Библіотеки для Чтенія» Сенковскаго, радикально расходился въ своихъ литературныхъ взглядахъ съ молодымъ студентомъ, уже тогда горячимъ поклонникомъ Бѣлинскаго, хотя и находившимъ мнѣнія послѣдняго нѣсколько крайними и слишкомъ уже отрицающими произведенія стараго времени и нѣкоторая современная.

Подведемъ теперь итогъ всему тому, что могъ и что вынесъ нашъ беллетристъ изъ Петербургскаго университета, изъ лекцій его профессоровъ. О вліяніи студенчества скажемъ потомъ нѣсколько словъ.

Съ ученной точки зрења, филологической факультетъ обладалъ нѣкоторыми силами, мы говоримъ нарочно нѣкоторыми, потому что въ сущности профессора, слившіе гигантами ученности, таковыми казались только мало-подготовленнымъ слушателямъ своимъ. Безъ сомнѣнія Грефе и Устряловъ знали свой предметъ, но до какого нибудь Момсена или Цумпта имъ было такъ-же далеко, какъ далекъ былъ весь строй тогдашней жизни отъ западнаго житья-бытъя. Если и въ настоящее время иной молоденький магистрантъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства и знаній, отправляется за границу «усовершенствоваться» и, послушавъ заграничныхъ профессоровъ, убѣждается, что ему-бы собственно слѣдовало засѣсть учиться заново, а не усовершенствоваться, то въ тридцатыхъ годахъ это было постояннымъ явлениемъ и сами профессора добродушно сознавались въ своемъ безсиліи въ сравненіи съ европейскими авторитетами. Ихъ преподаваніе, слѣдовательно, не могло внушить Тургеневу особенного желанія стать ученымъ. Однако-же мы видимъ его, вмѣстѣ съ нѣкоторыми товарищами, отправляющимся, по окончаніи курса учиться въ германскихъ

университетахъ. Что-же его туда влекло? Не желаніе-же сдѣлаться спеціалистомъ. Дѣйствительно, Тургеневъ не имѣлъ никакой охоты записаться въ гелертерскій цѣхъ, его артистической натурѣ не нравилась узкая спеціализація знанія, но образованнымъ человѣкомъ онъ желалъ стать; къ этому онъ стремился всѣми силами своей души. Петербургскій университетъ только разлакомилъ его, возбудилъ въ немъ аппетитъ просвѣщенія, но не далъ утоленія духовной жаждѣ. Вотъ отчего Берлинскіе профессора вскорѣ увидѣли въ числѣ своихъ не малочисленныхъ русскихъ слушателей и будущаго знаменитаго писателя, а покамѣсть скромнаго юношу, готоваго подвергнуться самой школьніческой дрессировкѣ, чтобы вполнѣ проникнуться всѣмъ тѣмъ, что человѣческій умъ выработалъ и быть въ состояніи слѣдить за теченіемъ европейской жизни.

Съ тѣмъ-же трепетомъ, который овладѣваетъ влюбленнымъ, когда ему предстоитъ, наконецъ, встрѣтиться лицемъ къ лицу съ предметомъ его неопредѣленной страсти, Тургеневъ стремилсѧ увидѣть собственными глазами родину Гете и Шиллера, мѣсторожденія общечеловѣческой панацеи—гегелизма, столкнуться лицемъ къ лицу съ приложеніемъ къ дѣйствительности недссягаемыхъ для тогдашняго русскаго идеаловъ общественной жизни. Какъ пилигримы идутъ въ Римъ на поклоненіе папѣ, такъ нашъ юный кандидатъ отправлялся за море (въ буквальномъ смыслѣ) поучиться уму-разуму у нѣмцевъ, удивляясь ихъ превосходству на всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. И его не ожидало разочарованіе. При всѣхъ своихъ несовершенствахъ, при всѣхъ своихъ несоответствіяхъ съ истиннымъ порядкомъ вещей, Германія, все-же представлялась въ грандиозныхъ образахъ восхищеннымъ глазамъ скиескаго аспиранта на званіе образованного человѣка, домашняя обстановка котораго диаметрально расходилась съ его умственнымъ строемъ.

IV.

Намъ остается еще разрѣшить одинъ весьма интересный вопросъ. Имѣло-ли пребываніе Тургенева въ университѣтѣ на него вліяніе въ томъ отношеніи, что внушило ему какія-нибудь убѣжденія въ сферѣ литературы, политики и общественной жизни вообще? Дало-ли оно ему какоенибудь цѣльное міросозерцаніе, какой-нибудь известный складъ идей и понятій?

Трудно высказать вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на все эти вопросы. Какъ въ самомъ дѣлѣ опредѣлить съ достаточнouю ясностью все условия, вліающія на формирование чьего-нибудь направленія мыслей? Гдѣ дана возможность уловить все тонкости обстановки, часто дающей характеру тотъ или другой оборотъ? Какъ, наконецъ, опредѣлить величину вліянія каждого изъ многочисленныхъ факторовъ? Но все-же мы съ нѣкоторою долею вѣроятности можемъ предположить, что университетъ игралъ по отношенію къ Тургеневу только роль первого плуга, прошедшаго по до того невспаханной землѣ. Если имъ кромѣ того брошены были нѣкоторыя сѣмяна, то, во всякомъ случаѣ, послѣднія были очень скучны и только позднѣйшія хорошо сложившіяся условія дали имъ возможность принести превосходную жатву.

Университету трудно было сдѣлать изъ Тургенева какъ консерватора такъ и либерала, такъ какъ изъ профессоровъ, могшихъ имѣть вліяніе на политическое міросозерцаніе студентовъ, нѣкоторые не воспользовались этой возможностью, другие-же при всей своей смертной охотѣ, не были въ состояніи провести своего намѣренія. Могъ-ли напр. обратить въ свою «вѣру» Фишеръ? Какъ-бы ни были справедливы нѣкоторыя изъ его мнѣній, онъ терялъ обаяніе самостоятельности

ореолъ искренняго убѣжденія. Извѣстно, что для того чтобы кого-нибудь убѣдить въ чемъ, часто должно пускать въ ходъ не одни только логические доводы. Да они и не всегда нужны, такъ какъ абсолютной истины нѣтъ и нравственная формула не есть математическая, гдѣ личность доказывающаго не играетъ никакой роли. Все человѣческое относительно и справедливое въ однихъ устахъ теряетъ значительную долю своей убѣдительности въ другихъ. Если иной, будучи самъ безнравственнымъ, успѣшио можетъ проповѣдывать въ печатной статьѣ, то относительно человѣка устно излагающаго свои мысли такого результата никогда ни получится. Опять таки печатная статья только въ томъ случаѣ можетъ произвести вліяніе, если вамъ неизвѣстна личность писавшаго. Статья Руера о политической честности едва-ли васъ убѣдить и подѣйствуетъ. Значитъ нечего и говорить, что между профессоромъ и студентомъ должна находиться извѣстнаго рода солидарность, увѣренность, что съ кафедры произносится искреннее слово, не подлежащее никакому давленію и руководствующееся однѣми только научными цѣлями. Именно этого связующаго элемента не было между Фишеромъ и его слушателями. Напуганные проповѣдью недовѣрія къ человѣческому уму, они не могли заимствовать у него свои воззрѣнія на жизненные и общественные явленія, потому что фишеровскіе взгляды на эти вещи отзывались братствомъ Святаго Иисуса и Священнымъ Союзомъ—два учрежденія, которые не подходили подъ идеалистическое направленіе неразвитыхъ, но честныхъ юношей.

Куторга, Устряловъ, Плетневъ, при всѣхъ своихъ опять-таки «относительныхъ» достоинствахъ, не производили большаго впечатлѣнія на развитіе студентовъ. Первый читалъ свой предметъ крайне-объективно, а второй если и подшучивалъ «тенденцію», то она совсѣмъ не гармонировала съ общимъ настроениемъ тогдашней учащейся молодежи. Плетневъ политическое міросозерцаніе студентовъ измѣнить не былъ въ состояніи, да и не старался. Всѣ его бывшіе ученики съ благодарностью вспоминаютъ о его добротѣ, о его хорошемъ

обращеніи со студентами, но не о способности такъ или иначе направить тенденціи своихъ слушателей.

Итакъ профессорскій персоналъ въ дѣлѣ умственного развитія Тургенева большаго значенія не имѣлъ. Было бы, однакоже, несправедливо, если-бы мы стали утверждать, что университетъ не оставилъ сильного слѣда въ формированиі міросозерцанія Тургенева. Дѣло въ томъ, что должно ввести новый факторъ — товарищество, оказавшій огромное вліяніе на нашего беллетриста, что видно изъ той любви, съ которою Тургеневъ такъ охотно останавливается въ своихъ произведеніяхъ на воспоминаніяхъ о студенческомъ periodѣ своей жизни. Въ настоящее время мало по малу утрачивается единеніе учащейся молодежи. Огромный наплывъ на нѣкоторые факультеты производить то, что молодые люди, кончающіе въ одинъ и тотъ-же годъ курсъ, не знаютъ другъ друга даже по имени. Понятно, что при такой разрозненности не можетъ существовать корпораціоннаго духа, всякий студентъ не можетъ себя считать принадлежащимъ къ одному обществу, воодушевленному общими симпатіями и стремленіями. Бѣзначительной степени утратилось то специфическое нѣчто, что когда-то такъ рѣзко отличало студента отъ «филистера». Теперь студентъ, въ университетѣ въ особенности, это молодой человѣкъ, посѣщающій высшеучебное заведеніе для того, чтобы получить извѣстную степень, дающую ему виды на материальное обеспеченіе. Любителей искусства для искусства т. е. такихъ, чтобы вступали въ университетъ съ единственной цѣлью получить высшее образованіе — вы встрѣчаете самое ничтожнѣйшее количество. Прежде-же, когда крѣпостное право позволяло быть дилетантами очень большому количеству дворянчиковъ, подобное явленіе было несравненно чаще. Въ доказательство: тогда-были переполнены филологическіе или по прежнему философскіе факультеты, не дававшіе видовъ на доходную карьеру. Малое количество студентовъ, ихъ обеспеченность, давала возможность чаще сходиться, бесѣдовать, спорить. Времени было больше, такъ какъ не нужно было бѣгать на урокъ или корпѣть за кор-

ректурой, или готовиться къ стипендіатскому экзамену. Съ одной стороны избытокъ досуга вель къ бездѣльничанію, но какъ нѣтъ худа безъ добра, такъ и въ данномъ случаѣ безъ этого не обошлось. Частое схожденіе студентовъ между собой было тогда полезно и даже необходимо вотъ по какой причинѣ. Въ настоящее время вы выходите на улицу, покупаете за нѣсколько копѣекъ газету, и спокойно идете себѣ домой: вы уже обеспечены относительно того, что есть новаго на бѣломъ свѣтѣ. Въ газетѣ вы встрѣчаете совершенно свободное обсужденіе иностранной политики и довольно свободное внутренней. Прежде-же ничего подобнаго и въ поминѣ не было. Цензура позволяла говорить свободно развѣ только о политикѣ каfrскихъ предводителей. Факты дозволялось приводить все больше «назидательные». При такихъ обстоятельствахъ периодическая печать (за исключеніемъ беллетристического и отчасти критического отдѣловъ) не могла имѣть большаго значенія и служить для приобрѣтенія правильного взгляда на современную жизнь не только Россіи, но и западныхъ государствъ. Приниженностю печати, отсутствиемъ свободы слова и объясняется частота студенческихъ собраній, а также ихъ значительная доля благотворности. Студенческія сходки были только частнымъ случаемъ повсемѣстнаго явленія: въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ мы повсюду замѣчаемъ кружки, сходившіеся, чтобы въ частной бесѣдѣ не стѣсняясь потолковать о ненормальныхъ явленіяхъ тогдашняго порядка вещей. Среди студентовъ всегда отыскивалось какое нибудь выдающееся лицо, своею интеллигентіею составлявшее около себя кружокъ, средоточіемъ кото-раго былъ большую частью онъ-же самъ. Изъ такихъ личностей часто формировались Рудины, но за то онъ личную негодность сторицею искупали тѣмъ, что давали толчки къ умственной жизни десяткамъ неразвитыхъ юношей. Студенческие кружки не подражали нѣмеckимъ буршамъ и не служили пивными собраніями. Нѣтъ! всегда завязывался какой-нибудь разговоръ о «матеріяхъ важныхъ», о философіи, о политикѣ, сначала тихо, но потомъ все разгораясь и разгараясь.

Лица воодушевлялись, всякий задушевно высказывалъ свои мысли и сомнѣнія. Въ этихъ сужденіяхъ было, положимъ, пропасть заблужденій и непониманія жизни, но чѣмъ-же и отличается юношескій возрастъ, какъ не честнымъ увлече-ніемъ. Лучше что-ли теперь, когда безъбородый юридиче-скій второкурсникъ «солидно» разсуждаетъ о политической экономіи и мечтааетъ о срываніи кушей! Корень всему въ юности: практический юноша неизбѣжно долженъ превратиться впослѣдствіи въ пошлого филистера. Увлекающійся-же осте-пенится тоже, но честныя стремленія въ немъ не заглохнутъ и онъ всегда будетъ готовъ на хорошее дѣло, потому что у него остался неприосновеннымъ лучшій даръ въ жизни—на-тура. Если же ее начать расходовать съ юности, то въ зре-лому возрасту отъ нея останется лишь очень смутное воспо-минаніе и никакое высшее образованіе тутъ не поможетъ. Выйдетъ филистеръ съ университетскимъ дипломомъ и ни-чего больше: А такие люди еще гораздо невыносимѣе неокон-чившихъ университетъ филистеровъ: тѣ по крайней мѣрѣ филистерствуетъ себѣ, потому что оно имъ выгоднѣе, патен-тованный-же филистръ построить вамъ цѣлую систему до-оказательствъ истинности своего направлѣнія и выведетъ васъ ихъ терпѣнія тѣмъ, что создаетъ для своего оправданія цѣ-лую философию пошлости.

При Тургеневѣ на филологическомъ факультетѣ курсъ ученія продолжался всего три года, такъ что онъ долженъ былъ-бы выйти изъ университета въ 1836 году, что дѣйстви-тельно и случилось. Но въ этомъ году онъ кончилъ со зва-ніемъ дѣйствительного студента; поэтому въ слѣдующемъ году снова держалъ экзаменъ, чтобы получить званіе канди-дата. Получивъ эту степень, Тургеневъ по раньше изложен-нымъ причинамъ не счелъ, однако же, свое образованіе окон-ченнымъ и рѣшился отправиться за границу «усовершенство-ваться». Намѣреніе было исполнено въ слѣдующемъ 1838 г. Вмѣстѣ съ цѣлою компаніею любознательныхъ русскихъ молодыхъ людей, отправился Тургеневъ на любекскомъ па-роходѣ «Николай I» въ Германію. Туда его влекло желаніе

отвѣдать гегеліанской философіи у самаго ея источника. Школа Гегеля, какъ ізвѣстно, привилась русской интеллигентіи сороковыхъ годовъ. Ее прельстила обманчивая возможность отыскать абсолютную истину и этимъ путемъ получить хотя въ теоріи вѣрное представлениe объ «истинномъ» порядкѣ вещей. При этомъ нерѣдко случалось, что иная формула Гегеля перевидалась нашими доморощенными философами. Они часто бились надъ разрѣшенiemъ мнимыхъ противорѣчій въ системѣ Гегеля, противорѣчій, происходившихъ отъ непониманія текста, отъ ложнаго его толкованія. Такъ напр. нашимъ гегеліянцамъ причинило много беспокойствъ иной ізвѣстное гегелевское положеніе: «все дѣйствительное—хорошо». Въ самомъ дѣлѣ, съ первого взгляда было отчего прийти въ отчаяніе: люди отбросили посредствомъ образованія толстую кору пошлости, которой прежде были покрыты, люди возвысились до увлеченія философскою системою, клеймившей все нераціональное въ жизни, стали, вслѣдствіе этого, въ рѣзкую оппозицію нашему неказистому житию-бытью тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, отвергли дурно сложившіяся формы нашего общественнаго положенія, развили въ себѣ чувствоуваженія къ высшей правдѣ, къ высшимъ стремленіямъ, дошли до протеста и отрицанія филистерства во всѣхъ его разнообразныхъ видахъ, готовы были, наконецъ, пострадать, чтобы привести въ исполненіе свои идеи и вдругъ излюбленный учитель, произведшій весь этотъ переворотъ, поднявшій всю эту нравственную бурю въ душевномъ настроеніи нашихъ образованныхъ людей того времени, вдругъ этотъ возвышенный философъ изрекаетъ такую исправническую фразу, что моль «все дѣйствительное—хорошо!» Значить и взятки хороши, и крѣпостничество ничего дурнаго въ себѣ не содержитъ и рационаленъ весь строй жизни, приводящій въ содроганіе всякаго свѣжаго человѣка, котораго не втянуло въ себя колесо обыденной жизни и заставило примириться съ разною пошлостью и мизерностью. Значить хорошо все то, что такъ возмущаетъ всякого истинно любящаго Русь. Стоило-ли послѣ этого мучить себя разными сомнѣніями,

изнывать въ тоскѣ, видя невозможность приложить теоретические выводы умозрѣнія къ практикѣ повседневной жизни. Значитъ безъмысленъ всякий протестъ противъ существующаго порядка вещей, значитъ нужно одѣть мундиръ становаго и съ спокойною совѣстью, вполнѣ согласно новѣйшимъ выводамъ философіи, начать собирать дань съ приходящихъ за право-судіемъ!.....

Весь этотъ переполохъ, весь этотъ сыръ-борь загорѣлся вслѣдствіе простаго недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что Гегель не все существующее призналъ *дѣйствительнымъ*. Слѣдовательно огорчаться не было ни какой надобности и философъ ничуть не являлся апологистомъ всего существующаго безъ разбору.

Не желая изъ третьихъ рукъ получать гегеліанскую философію, не имѣя охоты вышеописаннымъ манеромъ попадаться въ просакъ, Тургеневъ и рѣшился прослушать нѣсколько семестровъ лекціи Берлинскихъ профессоровъ. Тутъ уже онъ имѣлъ дѣло не съ «подающими» надежды молодыми профессорами; а съ «въ самодѣльными» европейскими авторитетами, языкъ которыхъ, къ тому-же, не былъ связанъ никакими давленіями свыше, или если и существовали стѣсненія, то онъ во всякомъ случаѣ были ничтожны въ сравненіи съ петербургскими порядками. Вмѣстѣ съ Грановскимъ слушалъ Тургеневъ философію у Вердера, латинскую словесность у Цумпта, Греческую у Бока, исторію у Ганса и Ранке. Все имена солидны! Какъ сознается Тургеневъ, лекціи этихъ ученыхъ произвели на него очень большое впечатлѣніе. Но университетъ Берлинскій вошелъ только какъ составная часть въ то вліяніе, которое вообще оказалось на нашего беллетриста пребываніе заграницею. Живя въ Петербургѣ, онъ могъ быть знакомъ только съ тою частью западной культуры, что проявляется въ исторіи и литературѣ. Но эти два выраженія человѣческой жизни составляютъ парадную одежду каждого народа. О степени цивилизациі можно судить вполнѣ только тогда, когда столкнешься съ обыденной, повседневной жизнью известной націі, когда увидишь на сколько именно культура

воплощалась въ нравы, на сколько она составляетъ одно неразрывное цѣлое. Если Тургеневъ еще до отѣзда въ Германію былъ «западникомъ», то возвратился онъ оттуда уже совершенно неисправимымъ поклонникомъ заграничнаго строя жизни. Да и какъ-же было ему не сдѣлаться «западникомъ», когда онъ, вырвавшись изъ тѣсной и душной клѣтки тогданаго строя русской жизни, попалъ на свободное раздолье европейской цивилизациі. То, невозможность осуществленія котораго, вслѣдствіе особенносложившихся историческихъ обстоятельствъ, онъ видѣлъ въ Россіи, раззвѣло пышнымъ цвѣтомъ на здоровой почвѣ западныхъ нравовъ и порядковъ. Намъ могутъ указать на несовершенную точность нашихъ выраженій, такъ какъ въ сороковыхъ годахъ и Германія не ахти-какъ подходила подъ идеалъ истинно-свободной и просвѣщенной страны. Это возраженіе имѣло бы смыслъ относительно англичанина или американца, попавшаго въ Германію. Но оно совершенно не умѣста относительно русскаго тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, у котораго еще довольно свѣжіи были въ памяти времена, не особенно далеко отошедшиа отъ идей «Домостроя» и татарщины. Для него открывался совершенно новый міръ гражданственности иуваженія въ человѣческой личности, міръ отрицанія кулачнаго права и свое-корыстныхъ расчетовъ какъ основаніе общественной морали, міръ свободнаго слова, какъ печатнаго, такъ и устнаго. Да, глубокое дѣйствіе произвело на впечатлительного молодаго человѣка западная жизнь; внимательно всматривался онъ въ ея детали. Невольно сталь онъ сравнивать свою родную убогую обстановку съ пышнымъ убранствомъ чужеземной жизни. Неужели-же задавалъ онъ себѣ вопросъ, люди запада созданы особыеннымъ образомъ? Неужели-же они составляютъ какую-нибудь особыенную аристократію, которая одна способна усвоить высшія идеи и стремленія? Неужели-же въ русскомъ народѣ нѣть задатковъ культурнаго процвѣтанія, неужели-же онъ менѣе другихъ способенъ выражать своею жизнью прогрессивное движение человѣчества? На всѣ эти вопросы любящій и знающій свою родину юноша могъ от-

въчать только однимъ энергическимъ—нѣть! Природа не обидѣла Русь своими дарами. «Земля наша велика и обильна, да порядка въ ней нѣть». Это неумолимое резюме нашего исторического бытія преслѣдовало молодаго Тургенева и заставляло его придумывать средства къ водворенію желанного порядка, къ такой постановкѣ дѣла, при которой не пропадали-бы втунѣ сокровища, хранящіяся въ богатой русской натурѣ.

Нечего теперь распространяться о томъ громадномъ экономическомъ и нравственномъ вредѣ, что приносило крѣпостное право. Истина эта была сознана просвѣщенными людьми еще въ прошломъ столѣтіи, многими понималась въ началѣ нынѣшняго и стала общимъ мѣстомъ у интеллигентіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Въ самой сильной степени былъ зараженъ этими мыслями и Тургеневъ. Онъ выросъ въ домѣ, где вполнѣ пользовались предоставленнымъ помѣщикамъ правомъ надъ крестьянами. Не такимъ, однако же, сдѣлался и онъ. Среда, въ которой человѣкъ вращается, можетъ на него производить двоякаго рода вліяніе. Личность пошлую по натурѣ и безхарактерную она втягиваетъ въ себя сначала по немногу, а потомъ все болѣе и болѣе, пока наконецъ совершенно не ассимилируетъ съ собою. На иныхъ же натуры среда (мы говоримъ о средѣ безобразной) производитъ совершенно другое дѣйствіе. Для нихъ пребываніе среди разныхъ пошлостей и мерзостей только полезно: давая постоянно случаи возмущаться, оно укрѣпляетъ чувства негодованія. Тургеневъ, къ чести его будь сказано, принадлежитъ именно къ натурамъ послѣдняго разряда. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ приобрѣтенія образованія и развитія, чувства негодованія противъ крѣпостнаго права все больше и больше въ немъ росли. Но алогея они достигли во время его пребыванія за границею. Сравнивъ образованный и за житочный нѣмецкій народъ съ нашими невѣжественными и нищими крестьянами, онъ не могъ не сознавать, что крѣпостничество и есть именно одинъ изъ тѣхъ главныхъ аномальныхъ факторовъ, которые сдѣлали нашу жизнь такъ не-

похожею на европейскую. Въ Германіи Тургеневъ всего сильнѣе созналъ, что долгъ каждого честного и любящаго свою родину русскаго состоитъ въ томъ, чтобы всевозможными средствами стараться объ искорененіи этого послѣдняго остатка того неисчислимаго вреда, который оставила послѣ себя татарщина. Будучи въ Германіи, Тургеневъ задумалъ свои бессмертные «Записки Охотника», гдѣ старался показать обиліе природнаго матеріала, остающагося безъ должной обработки. Но объ нихъ рѣчь еще впереди.

Теперь, когда мы заговорили о крѣпостномъ правѣ, считаемъ не лишнимъ присовокупить ниже слѣдующее.

Собираясь писать настоящій этюдъ, авторъ его обратился къ Тургеневу съ письмомъ, въ которомъ изложилъ нѣсколько просьбъ, касающихся предмета этюда. Между прочимъ писалъ онъ ему вотъ что:

.... «Одно мнѣ не объяснилось ни изъ печатныхъ источниковъ, ни изъ разсказовъ нѣкоторыхъ лицъ, съ Вами знакомыхъ. Оно тѣсно связано съ Вашими идеями о крѣпостномъ правѣ, съ Вашей пропагандой его отмѣны и облегченія не только правительствомъ, но и частными людьми. Въ связи съ этимъ обстоятельствомъ я и хочу предложить Вамъ одинъ вопросъ. Вопросъ этотъ принадлежитъ къ категоріи, именуемой въ общежитіи «щекотливымъ». Но я слишкомъ много Васъ уважаю, чтобы хотя на минуту предположить, что Вы будете шокированы моимъ вопросомъ и не отвѣтите мнѣ прямо.

Иванъ Сергеевичъ! Я не имѣю чести быть съ Вами знакомымъ, ни разу даже Васъ не видѣлъ. Все это не мѣшаетъ мнѣ, однако же, имѣть о Васъ очень опредѣленное представлѣніе и представлѣніе, чего тайтъ, самое лучшее. Мнѣ было-бы по этому болѣю узнать о Васъ поступокъ, не гармонирующій съ Вашею литературною дѣятельностью, не подходящій подъ тотъ симпатичный ореоль, которыемъ окружены въ моихъ глазахъ авторъ «Записокъ Охотника». Вслѣдствіе этого-то высокаго моего мнѣнія о Васъ, мнѣ и кажется, что Вы, какъ человѣкъ такъ краснорѣ-

чило и многозначительно возстававшій противъ крѣпостничества, должны были, сдѣлавшись послѣ смерти Вашего отца владѣльцемъ его имѣнія, освободить доставшихся Вамъ крестьянъ. Сдѣлали-ли Вы это? А если не сдѣлали, то какія уважительныя причины заставили Васъ не осуществить на дѣлѣ то, что вы такимъ искреннимъ и убѣжденнымъ тономъ проповѣдовали въ Вашихъ прекрасныхъ повѣстяхъ.

Если мои вопросы нескромны, я все-же имѣю право Вамъ ихъ предложить. Вы не кто-нибудь, Вы дѣятель, имя которого навсегда останется въ лѣтописяхъ русской цивилизациі. Значить, Вы должны стоять высоко надъ рутинными понятіями, надъ личными интересами, у Васъ слово должно согласоваться съ дѣломъ. Гдѣ-же потомъ искать этого согласованія, какъ не у Васъ? Изъ Вашихъ литературныхъ воспоминаній видно, что Вы не очень высоко ставите***, какъ нравственную личность; Вы ему не прощаете, что виѣъ своихъ произведеній онъ пошлый человѣкъ и недостоенъ уваженія. По этому я и отъ Васъ долженъ требовать, чтобы вы, имѣя возможность осуществить свои принципы, сдѣлали-бы это, хотя-бы и въ ущербъ своимъ интересамъ. . . .

На это письмо былъ полученъ отвѣтъ, отрывки изъ котораго, касающіеся затронутаго нами вопроса о крѣпостномъ правѣ, и приводимъ. *

«Я сегодня получилъ Ваше письмо. Отвѣчу откровенно на Вашъ откровенный вопросъ. . .

Отецъ мой скончался 30-го Октября 1834 г. Мнѣ всего было тогда 16 лѣтъ.—Ненависть къ крѣпостному праву уже тогда жила во мнѣ—она, между прочимъ, была причиной тому, что я, возросшій среди побоевъ и истязаній, не осквернилъ руки своей ни однимъ ударомъ.—Но до «Записокъ Охотника» было далеко. Я былъ просто мальчикъ,—чуть не дитя. Къ тому-же отецъ мой былъ человѣкъ бѣдный, онъ оставилъ всего 130 душъ разстроенныхъ и не дававшихъ дохода—а нась было трое братьевъ. Имѣніе моего отца слилось съ имѣніемъ моей матери, которая одна давала намъ а иного да и отнимала у нась—средства къ жизни. Ни ей ни

намъ въ голову не приходило, что это ничтожное имѣніе (я говорю про отцовское)—не ея.—Я прожилъ три года за границей, не получиль отъ нея ни копейки и все таки не подумаль истребовать свое наслѣдство; впрочемъ, это наслѣдство,—за вычетомъ того, что слѣдовало моей матери какъ вдовѣ и того, что приходилось на долю братьевъ—не монгимъ-бы превысило нуль.

Когда-же матушка скончалась въ 1850 году, я немедленно отпустилъ всѣхъ дворовыхъ на волю, пожелавшихъ крестьянъ перевѣль на оброкъ, всячески содѣствовалъ успѣху общаго освобожденія, при выкупѣ вездѣ уступилъ пятую часть—и въ главномъ имѣніи не взялъ ничего за усадебную землю, что составляло крупную сумму. Другой быть можетъ на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ-бы больше и скорѣе; но я обѣщалъ сказать правду, и говорю ее, какова она ни есть. Хвастать ею нечего; но и безчестія она, я полагаю, принести мнѣ не можетъ».

Да дѣйствительно, безчестія тутъ мало, а чести-то наберется довольно много!

Этимъ краткимъ упоминаніемъ мы ограничимся, чтобы дать читателю понятіе о личности Тургенева. Мы это дѣлаемъ потому что про человѣка, живущаго въ одно съ нами время нельзѧ писать о его частной жизни sans *égarde*. Излишняя похвала весьма основательно можетъ быть сочтена за панегирикъ, подслуживанье, а слишкомъ строгое порицаніе за личности. По этому, не влѣзая въ частную жизнь Тургенева, будемъ говорить только о тѣхъ его поступкахъ, которые болѣе или менѣе связаны съ его литературною дѣятельностью и коснуться коихъ мы обязаны, желая писать не исключительно-критический этюдъ.

Возвращаемся къ пребыванію Тургенева за границею. Онъ тамъ прожилъ до 1841 г. Между прочими русскими молодыми людми въ одно время съ нимъ слушали лекціи германскихъ профессоровъ Грановскій и М. Б., оба ставшіе потомъ извѣстными, хотя и на различныхъ поприщахъ. Съ ними Тургеневъ довольно близко сошелся.

Надо было однако-же возвращаться въ Россію. «Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше», гласитъ народная мудрость. И вотъ полный удивленія къ Западу, Тургеневъ пріѣзжаетъ обратно. Его умъ окрѣпъ, знанія увеличились, молодыя силы развернулись. Все это, согласно характеру эпохи, выразилось въ стихотвореніяхъ. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

V.

Приступая къ разбору стихотвореній Тургенева мы должны нѣсколько оговориться. Несмотря на то, что вступленіе Тургенева на стихотворное поприще было болѣе чѣмъ одобрительно, почти восторженно встрѣчено Бѣлинскимъ, разбираемый нами авторъ впослѣдствіи отказался отъ «*ирпюховъ молодости*» и, перепечатавъ въ полномъ собраніи сочиненій довольно слабыя драматическія произведенія, не сдѣлалъ того-же самаго со своими стихами. «Я чувствую положительную, чуть не физическую антипатію къ моимъ стихотвореніямъ», пишетъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ, «и не только не имѣю ни одного экземпляра моихъ поэмъ — но дорого-бы далъ, чтобы ихъ вообще не существовало на свѣтѣ». Эту странную нелюбовь нельзя объяснить желаньемъ отдать на судъ потомства только избранное, «*перлы творчества*», какъ выражались когда-то. Этого никакъ нельзя предполагать, потому что всякий безпристрастный цѣнитель согласится съ нами, что «Параша» несравненно выше стоитъ разныхъ «Довольно», «Призраковъ», «Собакъ», которая, однако-же, горделиво красуются наряду съ «Записками Охотника» «Рудинъмъ», «Дворянскими Гнѣздомъ», «Наканунѣ». Или справедливо то положеніе, что авторъ никогда не можетъ вѣрно судить о своихъ произведеніяхъ? Въ такомъ случаѣ, намъ дѣйствительно все объясняется.

Но какъ-бы то ни было, фактомъ отреченія Тургеневъ обезоруживаетъ критику и не даетъ ей права на суровый приговоръ, который впрочемъ не имѣлъ бы мѣста и при другихъ обстоятельствахъ.

Въ стихотвореніяхъ Тургенева мы можемъ видѣть признакъ подражательности первого периода его литературной дѣятельности.

Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь—вотъ титаны, поразившіе своимъ гeniemъ людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Каждый изъ нихъ создалъ свою школу, каждый вызывалъ толпу подражателей. Тургеневъ не геній, онъ только первоклассный талантъ, поэтому не удивительно, что первые опыты его сильно отзывались подражаніемъ, хотя подражаніемъ даровитаго ученика. Только впослѣдствіи, выбившись на самостоятельную дорогу, онъ сбросилъ съ себя иго копированія и тѣмъ стяжалъ славу талантливаго мастера. Цѣлыхъ десять лѣтъ Тургеневъ являлся только подражателемъ; «Записки Охотника» составляютъ исключение, а потому мы и назвали его за нихъ великимъ, почти геніальнымъ, потому что ими былъ открытъ новый родъ творчества, до того почти неизвѣстный. За вычетомъ же «Записокъ Охотника», мы до появленія «Рудина» можемъ сказать: здѣсь видно вліяніе Пушкина, здѣсь Гоголя, здѣсь Лермонтова, а здѣсь всѣхъ троихъ вмѣстѣ.

Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ, добродушный Плетневъ, желая поощрить молодой талантъ, помѣстилъ нѣсколько стихотвореній Тургенева въ «Современникъ», но самостоятельно даровитый юноша впервые появляется въ 1841 г. двумя стихотвореніями, напечатанными въ «Отеч. Запискахъ» подъ робкими инициалами Т. Л. (Тургеневъ-Лутовиновъ). Одно стихотвореніе называется «Старый Помѣщикъ», второе «Баллада», двѣ вещи весьма и весьма слабыя, первая къ тому еще съ весьма странною тенденціею. Умираетъ видите-ли старый помѣщикъ и разговариваетъ съ племянникомъ, о своей прошлой жизни. Все-бы хорошо, да одного ему недоставало.

И я былъ молодъ, ъль и лиль
 И красныхъ дѣвушекъ ласкалъ,
 И зайцевъ сотнями травилъ,
 Съ друзьями буйно пировалъ....
 Бывало въ городъ ѿду я —
 Купцы бѣгутъ встрѣчать меня....
 Я первымъ славился бойцомъ
 И богачомъ, и молодцомъ.
 Богатство все перевелось —
 Да что!.... любить не довелось!
 И самъ не знаю отъ чего
 Не то, чтобъ занять былъ другимъ
 Иль время скоро такъ прошло....
 Но только не былъ я любимъ —
 И не любилъ, за то тоска
 Грызетъ и давить старика —
 И въ страшный часъ, послѣдний часъ,
 Ты видишь, слезы льются изъ глазъ:
 Мнѣ эти слезы жгутъ лицо
 И стыдно мнѣ, и тяжело....

Не правда-ли есть о чёмъ горевать, да еще передъ смертью? Въ этомъ эксцентричномъ сѣтованіи чувствуется и Байронъ и Лермонтовъ, и романтическая школа Гюго, да только силы нѣтъ той, экспрессіи, которая не позволяетъ вамъ расходататься. Для такихъ сюжетовъ требуется талантъ первоклассный, по этому Тургеневъ съ нимъ и не совладалъ. Онъ бросаетъ вскорѣ «демонический» жанръ и переходитъ въ Онѣгинскій. Тутъ онъ несравненно болѣе у мѣста и первая попытка въ этомъ родѣ «Параша» является довольно удовлетворительной. Въ «Парашѣ» мы кромѣ того видимъ болѣе удовлетворительную версификацію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходящую даже до совершенства, какъ читатель это увидеть изъ послѣдующихъ выписокъ. А то вотъ въ «Балладѣ» вы встрѣчаете такія вирши.

Заѣдалъ я чарку — хозяйской Ѵдой
 Цѣловался сладко — да съ твоей женой.

Ничего подобнаго мы не находимъ въ «Парашѣ». Сюжетъ

ея очень простъ, на столько простъ, что не знаешь право для чего тутъ понадобилось облечь его въ стихотворную форму. Или можетъ быть это произошло оттого, что «Онѣгинъ» написанъ въ рифмованной оболочкѣ? Подобное мнѣніе подкрепляется большимъ сходствомъ Пушкинской и Тургеневской поэмы. Тургеневъ на столько былъ увлеченъ великимъ поэтомъ, онъ настолько его боготворилъ, что не побоялся упрека въ нѣкоторомъ заимствованіи. Быть подражателемъ творца «Онѣгина», «Полтавы»—въ этомъ молодой энтузиастъ могъ видѣть только очень для себя лестное и ничего болѣе. Его дарование не на столько еще окрѣпло, его міросозерцаніе не на столько оформленовалось, чтобы выразиться въ оригинальномъ, самобытномъ видѣ. Онъ дѣлаетъ еще только первые шаги и потому не отталкиваетъ направляющей руки учителя. На всей «Парашѣ», наряду съ многими превосходными мѣстами лежитъ отпечатокъ *даровитаго юноши*. Читаешь ее, все гладко, хорошо, да вдругъ прорвется неловкое мѣсто, неумѣлость новичка. Въ стихахъ Тургенева проглядываетъ вообще одна общая характеристическая черта: — невыдержанность. Онъ не можетъ послѣдовательно вести разсказъ въ одномъ и томъ-же духѣ. Наряду съ возвышеннымъ описаніемъ картины природы или изложеніемъ манфредовскихъ идей у него прорвется вульгарное словечко или неумѣстная острота и настроеніе читателя разрушается: обаяніе многихъ глубоко-поэтическихъ мѣстъ пропадаетъ и вы въ досадѣ на автора, который самъ вредить себѣ наисильнѣйшимъ образомъ отсутствиемъ выдержки. Однимъ словомъ, въ стихахъ Тургенева главнымъ образомъ *хорошія намѣренія*. Къ сожалѣнію этого не вполнѣ достаточно, ибо нѣкоторые утверждаютъ, что даже ады ими выстланы.

Но возвратимся къ сюжету Парашы.

Дѣйствіе происходитъ при чисто-русской обстановкѣ, повидимому въ одной изъ центральныхъ мѣстностей Россіи.

Смотрите: передъ вами лугъ просторный,
 За лугомъ рѣчка — а за рѣчкой домъ,
 Старинный домъ, пахмуренный и черный,
 Раскрашенный приходскимъ маляромъ....
 Широкій, низкій, съ крышей безобразной,
 Подпертый рядомъ жиенькихъ колоннъ,...
 Свидѣтель буйной жизни, лѣни праздной
 Двухъ или трехъ помѣшищихъ племенъ.
 За домомъ садъ: въ саду стоятъ рядами
 Все яблоки, покрытыя плодами....
 Извѣстно: наши добрые отцы
 Любили яблоки — да огурцы.

Мы подчеркнули слово огурцы, чтобы показать неумѣстное примѣненіе Тургеневымъ остротъ въ его стихотворныхъ произведеніяхъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь понадобились огурцы: идетъ эпическій разсказъ, съ оттѣнкомъ нѣкотораго мечтательнаго романтизма, и вдругъ подъ риѳму къ отцамъ нашъ авторъ, такъ ловко владѣющій стихомъ, не находитъ ничего болѣе подходящаго кромѣ совсѣмъ къ тому не характерныхъ для прежнихъ помѣшиковъ огурцевъ. Въ выше описанной обстановкѣ мы находимъ героиню (если можно только примѣнить къ ней это название) поэмы — Парашу. Молодой авторъ на столько самъ сознаетъ свою подражательность, что приступая къ описанію Параси прямо говоритъ.

Она являлась — въ платьецѣ простомъ,
 И съ книжкою въ немножко загорѣлыхъ
 Но милыхъ ручкахъ..... на скамью потомъ
 Она садилась..... помните Татьяну
 Но съ ней ее я сравнивать не стану;
 Боюсь — рукой читатели махнутъ,
 И этой сказки вовсе не прочтутъ.

И впрямь Параша очень похожа на Пушкинскую героиню; только въ той натура глубже, порывы много-значительнѣе и потому болѣе достойны поэтическаго воспроизведенія. Какъ и Ларины, родители Тургеневской барышни звѣзды съ неба не хватаютъ и всепѣло входять въ область деревенскаго *Stilleben*, какъ выражаются нѣмцы. Не такова, однакоже

была ихъ дочка. Это одна изъ непошлыхъ натуръ, на которыхъ обстановка не оказываетъ замѣтнаго дѣйствія.

Взглядъ этихъ глазъ былъ мягокъ и могучъ —
Но не блестѣлъ онъ блескомъ торопливымъ;
То былъ онъ ясенъ, какъ весенний лучъ,
То ходомъ проникнуть горделивымъ,
То чутъ мерцалъ какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ.
Но взглядъ ея задумчиво спокойный
Я больше всѣхъ любилъ: я видѣлъ въ немъ
Возможность страсти горестной и знойной,
Залогъ души любимой Божествомъ.

Параша не была похожа на провинціальныхъ барышень. Она не была похожа на тѣхъ, что

Всѣмъ восхищаются: и пѣньемъ птицъ,
Восходомъ солнца — небомъ и луною....
Охотницы до сладенькихъ стишковъ
И любятъ пѣть и плакать..... а весною
Украдкой ходятъ слушать соловьевъ.
Отчаянно всѣ влюблены въ природу....
Но барышня моя другого рода;
Она была насыщива-горда —
А гордость — добродѣтель, господа.
Она читала жадно.... и равно
Марлинскаго и Пушкина любила.
(Я сознаюсь въ ея проступкахъ).... но
Не восклицала: «Ахъ какъ это мило!»
А любовалась молча.

Какъ видите, барышня съ характеромъ: не сентиментальнаго покроя. Въ слѣдующей строфѣ, однакоже, нашъ юный поэтъ забываетъ имъ-же самыи сдѣланную характеристику и говоритъ.

. Каждый день
Я вамъ сказалъ — она въ саду скиталась;
Она любила гордый шумъ и тѣль
Старинныхъ липъ — и тихо погружалась
Въ отрадную, забывчивую лѣнъ.
Такъ весело качалися березы,
Облиты сверкающимъ лучемъ....
И по щекамъ ея катились слезы
Такъ медленно — Богъ вѣдаетъ о чёмъ.

То подойдя къ убогому забору,
 Ова стояла по часамъ.... и взору
 Тогда давала волю..... но глядѣть
 Бывало, все на блѣдный рядъ ракитъ.

Ракиты тутъ являются въ pendant прежде обсужден-
 нымъ огурцамъ, чтобы поразить своею неумѣстностью, точно
 также какъ слезы, Богъ знаетъ почему извлекаемыя изъ глазъ
 героини и отзывающіяся слашавостью. Но будемъ счи-
 тать сходительны и не станемъ обращать вниманія на мелкіе
 промахи. Мы постараемся привести какъ можно болѣе выпи-
 сокъ изъ поэмъ и вообще стихотвореній молодаго Тургенева
 чтобы дать возможность читающей публикѣ познакомиться
 съ «грѣхами молодости» знаменитаго беллетриста, отъ пере-
 печатки которыхъ послѣдній, несмотря на всѣ ихъ симпатич-
 ныя стороны, упорно отказывается.

Параша находится въ ожиданіи первой любви.

Тамъ — черезъ ровный лугъ — отъ ихъ села
 Верстахъ въ пяти — дорога шла большая;
 И какъ змѣя свивалась и ползла
 И дальний лѣсъ украдкой обгиная,
 Ея всю душу за собой влекла.
 Ozарена какимъ-то блескомъ дивнымъ,
 Земля чужая вдругъ являлась ей.....
 И кто-то милый голосомъ призывающимъ
 Такъ чудно пѣль и говорилъ о ней —
 Таинственной исполненные муки
 Надъ ней, звения, носились эти звуки.....
 И вотъ — искаль ея молящій взоръ
 Другихъ небѣстъ — высокихъ пышныхъ горъ....

И такъ дѣло только за Цезаремъ, даже не первого сорта,
 чтобы древняя поговорка о «*Veni, vidi, vici*» примѣнилась къ
 степной барышнѣ, ждущей чего-то. Авторъ не долго за-
 ставляетъ ее томиться. Въ одинъ прекрасный день, но день
 этотъ такъ чудесно описанъ, что мы не рѣшаемся передать
 его прелесть мало выражющей прозой и потому обращаемся
 къ самому источнику.

Прежаркій день... но вовсе не такой
 Какихъ видаль я на далекомъ югѣ....
 Томительно глубокой синевой
 Все небо пышеть; какъ больной въ недугѣ
 Земля горитъ и сохнетъ: подъ скалой
 Сверкаетъ море блескомъ нестерпимымъ —
 И движется и дышеть и молчит....
 И вся цвѣта подъ тѣмъ неумолимымъ
 Могучимъ солнцемъ рдѣютъ..... дивный видъ!
 А вотъ — зарывшись весь въ песокъ блестящій
 Рыбакъ лежитъ.... и каждый проходящій
 Любуется имъ съ завистью — я самъ
 Имъ тоже любовался по часамъ.
 У насть не тѣ, — хотъ и у насть не радъ
 Бываешь жару.... тѣчно — жаръ глубокой....
 Гроза вдали сбирается..... трещать
 Кузнечики неистово въ высокой
 Сухой травѣ; въ тѣни сноповъ лежать
 Жнецы; носы разинули вороны;
 Грыбами пахнетъ въ рощѣ; тамъ и сямъ
 Собаки лаютъ; за водой студеной
 Идетъ мужикъ съ кувшиномъ по кустамъ.
 Тогда люблю ходить я въ лѣсъ дубовой
 Сидѣть въ тѣни спокойной и суровой,
 Иль иногда подъ скромнымъ шалашомъ
 Бесѣдовать съ разумными мужичкомъ.

Подъ этими отрывкомъ, за исключениемъ нѣкоторыхъ неудачныхъ словъ, не задумался-бы поставить свое имя любой изъ стихотворцевъ, составляющихъ славу русской литературы. Мы здѣсь видимъ уже задатки того блестящаго слога, что сдѣлало Тургенева однимъ изъ первыхъ, если не самымъ первымъ изъ европейскихъ стилистовъ. Мы уже видимъ здѣсь его замѣчательное умѣніе нѣсколькими словами обрисовать картину съ такою замѣчательною наглядностью, его способность замѣчать все характерное и выражать свои впечатлѣнія въ такой привлекательной формѣ. Бѣлинскій былъ болѣе чѣмъ правъ предсказывая начинающему писателю хорошую будущность, онъ только не вполнѣ угадалъ поприще, на которой тотъ пріобрѣлъ себѣ первоклассную славу. Но въ этомъ никакъ нельзя винить гениальнаго критика: не его

вина если Тургеневъ предпочелъ прозу, не находя возможнмъ болѣе эксплуатировать байроновскіе сюжеты и полагая, что «Записки Охотника», «Рудинъ» потеряютъ колоритъ естественности въ стихотворной формѣ. Да притомъ, отлично понимая, что при всемъ восторгѣ Бѣлинского предъ его стихами, послѣдніе не носятъ на себѣ печати самобытности, онъ не захотѣлъ остаться подражателемъ и предпочелъ стать во главѣ русскаго бытоваго романа, не имѣ основаннаго, но къ широкому развитію котораго онъ очень много содѣйствовалъ. Бѣлинскій-же полагалъ, что имѣеть дѣло лишь съ начинающимъ поэтомъ, обѣщающимъ стать современемъ звѣздою второй величины. Но *habent fata sua libelli*, а также и тѣ, кто ихъ сочиняетъ. Изъ стихотворца Тургеневъ превратился въ прозаика, хотя только по внѣшности, а «Записки Охотника», не вполнѣ достойно ихъ принятыя Бѣлинскимъ, положили основаніе прочной славѣ автора «Параши», какъ его величалъ Бѣлинскій при разборѣ другой его поэмы въ стихахъ «Разговоръ». Еще вдвойнѣ былъ правъ Бѣлинскій, когда, на основаніи одной только «Параши», такимъ образомъ опредѣлялъ талантъ ея автора: «Есть два рода поэзіи: одна, какъ талантъ, происходитъ отъ раздражительности нервовъ и живости воображенія; она отличается тѣмъ блескомъ, яркостю красокъ, тою рѣзкою угловатостью формъ, которые мечутся въ глаза толпѣ и увлекаютъ ея вниманіе. Чѣмъ болѣе повидимому заключаетъ въ себѣ такая поэзія, тѣмъ пустѣе она внутри самой себя, ибо она вся въ воображеніи и ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣеть; мысли ея похожи на громкія слова и звучныя фразы, а картины ея похожи только до тѣхъ поръ, пока смотришь на нихъ: отведите глаза, и въ вашемъ воображеніи не останется никакого образа, никакого созерцанія, никакого представленія. — Другая поэзія какъ талантъ, имѣеть своимъ источникомъ глубокое чувство дѣйствительности, сердечную симпатію ко всему живому, а потому ея чувства всегда истинны, ея мысли всегда оригинальны, даже и не будучи новыми, ибо онѣ не пойманы извнѣ и на лету, а возникли и выросли въ душѣ поэта.

Произведенія такой поэзія не бросаются въ глаза, но требуютъ, чтобы въ нихъ вглядывались, и только внимательному взору открывается во всей глубинѣ своей ихъ простая, тихая и цѣломудренная красота. Печать оригинальности составляетъ ихъ неразлучную принадлежность; она есть слѣдствіе способности схватывать сущность, а слѣдовательно, и особенность каждого предмета. И потому, описанія ея запечатлѣны достовѣрностью, такъ что, еслибы вы и никогда не видывали описываемаго предмета, вы тѣмъ не менѣе убѣждены, что онъ точно таковъ и другимъ быть не можетъ. Разбираемая вами поэма можетъ служить образцемъ такихъ произведеній». Въ доказательство своего мнѣнія Бѣлинскій приводитъ выпи-санную уже нами картину итальянскаго и русскаго лѣта. Вышеприведенное мнѣніе хотя нѣсколько скромно, но все-же очень близко къ истинѣ опредѣляетъ дарованіе нашего белетриста. Тургеневъ не изъ тѣхъ глаза царапающихъ писателей, предъ которыми сразу падаешь, пораженный сознаніемъ собственнаго ничтожества. Нѣть! онъ похожъ на тѣ личности, что въ общежитіи называются *душа-человѣкъ*; за чтенiemъ его произведеній чувствуешь себя какъ-то привольно, тепло, точно съ вами говорить чрезвычайно умный и симпатичный господинъ, но не предъявляющій никакихъ претензій на идолопоклонство. Читая Гете, или Байрона, даже Лермонтова и Пушкина, вы какъ-бы застегиваетесь на всѣ пуговицы и благовѣйно внимаете торжественнымъ звукамъ геніальныx представителей человѣчества. Предъ вами древнее божество, *rex tremendaе majestatis*, которое не позволяетъ поклоняться другимъ и всепѣло завладѣваютъ вами. Это поэзія бури, урагана даже. Тургеневская поэзія мельче и намъ простымъ людышкамъ понятнѣе, родственнѣе, и потому, можетъ быть и болѣе необходимая въ каждой литературѣ. Гете и Байроны—роскошь, а Тургеневы—хлѣбъ насущный.

Однако-же мы заставляемъ долго ждать Парашу разрѣшиителя ея неопределеннаго состоянія. Авторъ поэмы не такъ жестокъ и выпускаетъ на сцену новое лицо, разсѣкающее гордіевъузель множества чувствъ, образующихъ томленіе

молодой девицы, старымъ, но все еще весьма действительнымъ средствамъ—любовью.

Въ такой-то день — Параша въ темный гротъ
 (О немъ смотрите выше) шагъ за шагомъ
 Пришла; предъ ней знакомый огородъ,
 Знакомый прудъ; а дальше за оврагомъ
 Знакомый лѣсь на холмикѣ.... но вотъ
 Что показалось ей немного страннымъ:
 Въ оврагѣ подъ кустомъ сидѣлъ одинъ
 Охотникъ; — рѣзаль хлѣбъ ножемъ карманнымъ;
 Онъ по всему замѣтно — Господинъ;
 Помѣщикъ; онъ въ перчаткахъ — и красивъ
 Одѣтъ..... Вотъ онъ поѣлъ, потомъ лѣниво
 Собаку кликнулъ, шапку снялъ, зѣвнулъ.
 Развинулъ кустъ, улегся — и заснулъ.
 Заснуль..... Параша смотритъ на него
 И смотритъ, призываюсь, съ большимъ вниманіемъ;
 Къ немъ ъѣдили сосѣди.... но его
 Лицо ей незнакомо; описание
 Теперь мы не займемся, оттого
 Что ужъ и такъ съ излишествомъ рѣчистъ я.....
 Онъ спитъ, а вѣтеръ тихо шевелить
 Его густые волосы, и листья
 Надъ нимъ шушукаютъ; — онъ сладко спитъ...
 Параша смотритъ.... онъ не дуренъ право —
 • О чёмъ же вдругъ такъ мило, такъ лукаво
 Она смеется? я бы отвѣтилъ — но
 Миѣ женскій смѣхъ постигнуть не дано.
 И часъ прошелъ.... и предвечерній зной
 Внезапно началъ стынуть.... ужъ и тѣки
 Длиннѣе стали,... вотъ — охотникъ мой
 Проснулся, сталъ лѣниво на колѣни,
 Надѣлъ небрежно шапку, головой
 Тряхнулъ — хотѣлъ подняться.... и остался....
 Онъ увидѣлъ Парашу — о друзья!
 Глядѣлъ, глядѣлъ — съ смущенiemъ засмѣялся,
 Вскочилъ, взглянулъ поспѣшно на себя.
 Потомъ черезъ оврагъ легко и смѣло
 Шеребѣжалъ.... Параша поблѣдѣла
 Но до забора онъ дошелъ и сталъ,
 И съ вѣжливой улыбкой шапку снялъ.
 Она стояла, — вспыхнувъ вся.... и глазъ

Не подымая.... сильно и не ровно
 Въ ней билось сердце — «Умоляю васъ»
 Такъ началъ онъ — и очень хладнокровно —
 «Скажите мнѣ, теперь — который часъ!»
 Сперва она немножко помолчала
 И отвѣчала: «пятый» — а потомъ
 Взглянула на него; но онъ ни мало
 Не измѣняясь спросилъ: «Чей это домъ?»
 Потомъ весьма любезно извинился
 Богъ знать въ чёмъ, и снова поклонился,
 Но не ушель.... сказавъ что онъ сосьдь;
 И что съ ея отцомъ покойный дѣдъ
 Его былъ очень друженъ.... что онъ радъ
 Такой нежданной встрѣчѣ; по немногу
 И двадцать разъ сказавши «вишовать!»
 (У пасъ заборы плохи, слава Богу)
 Черезъ заборъ онъ перебрался въ садъ.
 Его лицо такъ мило улыбалось,
 И карій глазъ такъ ласково сиялъ,
 Что ей смѣшнымъ и страшнымъ показалось
 Дичиться.... онъ ей что то рассказалъ
 Надъ чѣмъ она сперва довольно звонко
 Потомъ потише засмѣялась.... съ тонкой
 Усмѣшкой посмотрѣлъ онъ ей въ глаза —
 Потомъ ушелъ, пробормотавъ: «сомн'са!»
 И въ слѣдъ она ему смотрѣла.... онъ
 Черезъ илечо внезапно оглянулся,
 Пожалъ плечами — и словно пріученъ
 Къ побѣдамъ — равнодушно улыбнулся.

И такъ предъ нами открылась интрига поэмы. Всякій понимаетъ, что онъ нашелся. Съ нею мы знакомы, что же онъ собою представляется?

Случалось - ли вамъ, читатель, наблюдать въ какомънибудь губернскомъ городѣ за тѣмъ измѣненіемъ, что перетрѣваютъ нерѣдко статьи нашихъ толстыхъ журналовъ, трактующія о вопросахъ обыденной жизни, или прислушиваться къ толкамъ по поводу сенсационнаго романа; случалось-ли вамъ наблюдать эти два случая, если факторомъ ихъ явится то панургово стадо, что иначе называется читающей публикою? Если вы имѣли возможность быть свидѣтелемъ

такихъ любопытныхъ явлений, то безъ сомнѣнія убѣдились въ томъ, что древніе изрекли великую жизненную истину, сказавъ: «quod licet Jovi, non licet bovi». Какъ долженъ всплеснуть руками иной публицистъ, когда высказавъ какое нибудь новое и смѣлое положеніе, онъ видѣть близорукихъ и неразумныхъ послѣдователей своихъ доводящими его мысли до абсурда подъ прикрытиемъ его-же авторитета. Какъ долженъ онъ сожалѣть о томъ, что его произведеніе попало въ руки такихъ недостойныхъ цѣнителей, въ чьихъ устахъ самое возвышенное и идеальное превращается въ пошлость и банальность. Самостоятельность городовъ отъ центральной власти — эту мысль раздѣляютъ всѣ просвѣщенные республиканцы Франціи—а какъ болѣко имъ было глядѣть, когда за приведеніе этой идеи въ практику взялись дѣятели 18 марта 1871 года? Импонируетъ наше воображеніе первый Наполеонъ, даже тогда, когда мы вполнѣ проникаемся нечестивостью многихъ его поступковъ, и возбуждаетъ наше глубочайшее презрѣніе его чайзальгерцкій подражатель, меныше приносившій человѣческихъ гекатомбъ въ угоду и удовлетвореніе своему честолюбію: Мы не пожелаемъ руки протянуть кутиль, часто проводящему вечера въ веселой компаніи, но небросимъ камня въ Байрона, предающагося страшнѣйшимъ оргіямъ и утопающаго въ развратѣ. Первый возбуждаетъ въ насъ *презрѣніе*, второй-же *негодованіе*. Погибель первого оставитъ насъ равнодушными, второй-же намъ дорогъ и при всѣхъ своихъ ужасныхъ качествахъ, ибо намъ жаль его страшной нравственной мощи, ненаправленной куда слѣдуетъ, но тѣмъ не менѣе существующей. Мы позволяемъ многое дѣлать и не вполнѣ согласное съ нашими мнѣніями, но только въ томъ случаѣ, чтобы оно обусловливалось нравственнымъ существомъ извѣстнаго субъекта, что-бы оно продѣлывалось въ силу какого-бы то нибыло, но крѣпко-сознанного міросозерданія. Въ одномъ частномъ письмѣ Бѣлинскаго, недавно обнародованномъ г. Пыпиномъ, нашъ критикъ говоритъ, что венавидить и призираетъ добродѣтель безъ любви, и скорѣе рѣшился стремглавъ броситься въ

бездну порока и разврата, съ ножемъ въ рукахъ на большихъ дорогахъ добывать свой насущный кусокъ хлѣба, нежели, затоптавъ свое чувство и разумъ ногами въ грязь, быть добрымъ квакеромъ, пошлымъ резонеромъ, пуританиномъ, раскольникомъ, добрымъ по расчету, честнымъ по эгоизму, не воровать у другихъ, чтобы другимъ не дать права воровать у себя, не рѣзать ближняго, чтобы ближній не рѣзалъ меня. По его мнѣнію женщина, принадлежавшая многимъ по побужденіямъ чувственности, есть женщина развратная, но гораздо менѣе развратная, нежели женщина, которая одному отдала себя на всю жизнь, по расчету или по чувству долга, или женщина, которая любивъ одного, вышла за другаго изъуваженія къ родительской волѣ и общественному мнѣнію, боролась съ своимъ чувствомъ, каель съ преступленіемъ, и, побѣдивъ его, убила въ себѣ всѣ человѣческія искры. «Ты будь хоть глупъ, но по своему», говорить Гамлетъ Щигровскаго уѣзда и поэтому мы отнесемся съуваженіемъ къ Печорину и будемъ презирать Грушницкихъ, не откажемъ въ симпатіи Базарову и не удостоимъ вниманія Аркадіевъ Кирсановыхъ, даже скорѣе сойдемся съ Маркомъ Волоховымъ, нежели съ Райскимъ.

Только что приведенные соображенія служатъ къ уразумѣнію характера того господина, что удовлетворилъ стремленія Параси. Съ легкой руки Чайльдъ-Гарольда, Онѣгина и въ особенности героя «Героя нашего времени», на Руси развелось множество насмѣшилъ, разочарованныхъ джентльменовъ, которые свою внутреннюю пустоту прикрывали громкимъ именемъ людей утомленныхъ пошлостью и мизерностью. Подъ этимъ возвышеннымъ конвоемъ, они ничѣмъ не отличались отъ средней нормы обыденности, только то, что они кличу особую для себя выдумали и ярлыкъ хитрый прицепили къ своимъ совѣтмъ не хитрымъ особамъ. И въ «Парашѣ» мы имѣемъ дѣло съ такимъ Печорино-Онѣгинымъ, размѣненнымъ на мелкія деньги.

Хотитель-знать, что онъ за человѣкъ?
 Извольте: онъ богатъ, служилъ въ военной;
 Чужимъ умомъ питался весь свой вѣкъ —
 Но ловокъ былъ и вкрадчивъ. Изнуренный,
 Скучающій, направилъ онъ свой бѣгъ
 Въ чужія страны; съ грустною улыбкой
 Бездѣ бродилъ, надменный и нѣмой;
 Но умъ его насыщливой и гибкой
 Изъ за границы вынесъ цѣлый рой
 Безплодныхъ словъ и множество сомнѣній....
 Плоды лукавыхъ, робкихъ наблюдений....
 Онъ надо всѣмъ смеялся; но усталъ —
 И надѣ собой смеяться пересталъ.

Въ этой бѣглой характеристицѣ вы видите только общія видовыя черты типа, оставившаго очень сильные слѣды своего существованія въ русской литературѣ. Но на чемъ были основаны права героя «Параси» смотрѣть съ высока на всѣхъ? Чѣмъ онъ отличался отъ другихъ настолько, чтобы считать себя нѣкотораго рода избраннымъ субъектомъ, которому одному понятны высшія стремленія и потребности? Авторъ «Параси» видно не вполнѣ согласенъ дать своему герою патентъ на исключительность среди прочихъ гражданъ Россійскихъ, потому что описываетъ намъ какъ нашъ доморощенный Чайльдъ-Гарольдъ проводитъ свое время, и изъ этого трудно убѣдиться въ справедливости его притязаній.

. Онъ, какъ я вамъ доложилъ,
 Въ отставкѣ былъ. Пока онъ былъ на службѣ
 Онъ выѣзжалъ, гулялъ, плясалъ, шалилъ
 Пріятелей обыгрывалъ — по дружбѣ —
 И былъ — какъ говорится — очень ~~милъ~~.
 Онъ былъ любезенъ, влюблчивъ — но спокоенъ
 И горделивъ.... а потому любимъ;
 И многихъ женщинъ былъ онъ недостоенъ
 Обманутыхъ и позабытыхъ имъ.
 Онъ веселъ былъ, но веселье безотрадно;
 Надѣ чудакомъ смеялся безпощадно —
 Но въ обществѣ не славился умомъ
 И не былъ «замѣчательнымъ лицомъ».

Въ послѣднемъ стихѣ мы уже видимъ Печорина страшно уменьшенаго. Предъ настоящими Печоринами всѣ имѣли «реппектъ», а нашъ-то и этимъ не богать. Въ первомъ всякой инстиктивно чувствуетъ что-то не вполнѣ обыкновенное, что-то выше обыденной средней нормы. Даже небудучи въ состояніи оцѣнить байроническія натуры нѣкоторыхъ членовъ своихъ, русское общество тридцатыхъ годовъ невольно уважало въ нихъ то «не отъ міра сего», что въ особенности нравилось болѣе впечатлительнымъ женщинамъ; въ данномъ же случаѣ общество только полу-вѣрило въ нравственную высоту героя «Параси», мы говоримъ полу-вѣрило, потому что женщинамъ онъ нравился, а почему? Богъ его знаетъ. Пойдите разгадать женское сердце съ его прихотями.

Плѣняль людей безпечностью свободной

«Плѣняль людей безпечностью свободной» вотъ вамъ одинъ резонъ. Женщины тѣ-же лѣти. Они настолько неопытны и довѣрчивы, что все принимаютъ за чистую монету и не въ состояніи ясно отличить золото отъ самой дешевой фольги. Если вѣрить доводамъ злѣйшаго врага ихъ — Пигасова (изъ «Рудина»), женщины всѣ неестественны и какъ нерѣдко бывають сами-же ловятся на такую-же удочку. Вотъ гдѣ лежитъ причина того вѣковаго явленія женскаго разочарованія, что насъ всегда поражаетъ такъ сильно,

. и одаренъ
Душой самолюбивой и гордой,

Въ этихъ двухъ качествахъ въ сущности увѣренъ только самъ владѣтель «души самолюбивой и гордой». Но это ничего не значитъ. Женщина этому повѣрить съ первого раза и проникнется тѣмъ томительнымъуваженіемъ, что составляетъ первый фазисъ любви. Потомъ, ближе познакомившись съ «гордой» душой, она увидитъ, что идеаль ея довольно мизернаго свойства и совсѣмъ неумѣстенъ на ею-же самою воздвигнутомъ пьедесталѣ. Тогда начинается обратное столь-же неосновательное явленіе. Съ такою-же быстротой, какъ

«самолюбивая и гордая душа» была произведена въ экстраординарного человѣка, она стремглавъ летить долой со своего высокаго сѣдалища и нерѣдко шлепается прямо въ грязь, безъ всякаго съ ея стороны повода заслуживать подобное обращеніе. Не виноватъ-же въ самомъ дѣлѣ обладатель «самолюбивой и гордой души» если его сдѣлали, помимо его воли, идоломъ и не заслуживаетъ-же онъ потомъ такого пренебреженія, если въ немъ неокажется демонического характера, имъ себѣ и не приписываемаго. Но какъ-бы то ни было, Параша не составила исключенія изъ общаго правила и съ перваго-же раза почувствовала симпатію къ встрѣтившемуся ей охотнику. Послѣ второй встрѣчи съ нимъ она его полюбила.

Скажите — ваша память мнѣ поможетъ —
 Какъ мнѣ назвать ту страстную тоску,
 Ту грустную, невольную тревогу
 Которая беретъ васъ по немногу.....
 Къ чemu намъ лицемѣрить — о друзья! —
 Ее любовью называю я.

Нашъ Печоринъ въ миниатурѣ тоже не могъ устоять противъ прелестей Парашы и съ беспокойствиемъ начинаетъ ощущать какое-то новое чувство. Онъ, съ душой «самолюбивой и холодной» чувствуетъ себя не совсѣмъ въ своей тарелкѣ. Ему уже не удобно подиускать насмѣшки на все, потому что самъ въ своихъ глазахъ не безукоризненъ со своею внезапно пробудившейся страстью. Робко онъ сознается самъ себѣ.

. Слава Богу
 До осени въ деревнѣ будетъ мнѣ
 Не скучно жить — а тамъ..... но я взолнованъ
 Я кажется влюбленъ и очарованъ.

Подъ вліяніемъ лѣтней, полной томительной нѣги ночи все устроилось какъ нельзѧ лучше.

Они все шли, да шли.... Пріятель мой
 Парашей любовался молчаливо;
 Она вся разцвѣтала какъ весной
 Земля цвѣтеть и страстью и лѣниво

Подъ теплою, обильною росой.
 Облитое холодной, влажной мглою
 Ея лицо горитъ... и понялъ онъ
 Что будетъ онъ владѣть ея душою.
 Что онъ любимъ, что самъ онъ увлеченъ
 Она молчить — подобное молчанье
 Имѣть всѣмъ извѣстное названье
 И онъ склонился — и ея рука
 Подъ поцѣлуемъ вспыхнула слегка.

Хотя затѣмъ ничего скандального и не произошло, но

..... въ самый мигъ прощанья
 Онъ ей шепнулъ съ улыбкой «до свиданья»
 И уходя совсѣмъ, изъ за дверей
 Онъ долгимъ взглядомъ помѣнялся съ ней.

Со всѣмъ различно отъ Татьяны проводить Параша послѣ этого ночь. Ей нѣтъ надобности призвать свою няню и дѣлиться съ нею чувствами. Она понята и потому счастлива. Состояніе ея описано у начинаящаго поэта на столько хорошо, что одно это мѣсто вполнѣ объясняетъ намъ восторгъ Бѣлинского. Оно положительно носитъ отпечатокъ сильного таланта и намъ при этомъ случаѣ вдвойнѣ становится не понятнымъ странное отношеніе Тургенева къ своимъ стихотворнымъ попыткамъ. Надо приписать только абсолютному отсутствію въ обращеніи «Параша»¹⁾ то обстоятельство, что составители хрестоматій въ рядѣ Щербины, Гербеля, перепечатавъ нѣкоторыя не совсѣмъ удачныя стихотворенія Тургенева, не сдѣлали того-же самого относительно нижеслѣдующаго, превосходнаго мѣста. Какъ въ самомъ дѣлѣ иначе

¹⁾ Мы только съ большимъ трудомъ добыли экземпляръ «Параша». Послѣ тщетныхъ попытокъ отыскать ее въ лучшихъ петербургскихъ библиотекахъ, мы обратились къ самому И. С. Тургеневу съ просьбою дать намъ экземпляръ. Но по свойственной ему «почти физической» антипатіи къ его-же собственнымъ стихотвореніямъ, онъ намъ отвѣтилъ, что у него этого «старого хлама» не имѣется. Лишь благодаря любезности Директора Публичной Библиотеки мы имѣли возможность познакомиться съ изданными только отдельно «Парашею» и «Разговоромъ», о которомъ рѣчь впереди.

назвать эту прекрасную аллегорию, которая какъ будто резюмируетъ смыслъ всей поэмы и разъясняетъ отношение автора къ выводимымъ имъ лицамъ.

Не чувствуя ни страха, ни желанья,
Она ходила въ комнаткѣ своей;
Ея душа нѣмѣла, ей казалось,
Что въ этотъ мигъ какъ будто измѣнялось
Все прежнее — вся жизнь ея — и сонъ
Ее застигъ; во снѣ явился — онъ.
Онъ.... грустно мнѣ; туманятся слезой
Мои глаза.... гляжу я; у окошка
Она сидитъ на креслахъ; головой
Склонилась на подушку; съ плечъ немножко
Спустилась косынка.... золотой
И легкой локонъ вьется боязливо
По блѣдному лицу.... а на губахъ
Улыбка разцвѣтаетъ молчаливо.

Луна глядѣть въ окно.... невольный страхъ
Меня томитъ; мнѣ слышится: надъ спящей
Какъ колокольчикъ звонкой и дрожащей
Раздался смѣхъ.... и кто-то говоритъ....
И голосокъ *насмѣшиливо* звенитъ:

- «Въ теплый вечеръ, въ ульяхъ чистыхъ;
- «Зрѣютъ свѣтлые соты;
- «Въ теплый вечеръ, липъ душистыхъ
- «Раскрываются цвѣты;
- «И когда по нимъ слезами
- «Потечетъ прозрачный медъ —
- «Вьется жадно надъ цвѣтами
- «Пчель ликующій народъ....
- «Наклоняя сладострастно
- «Свой усталый стебелекъ,
- «Гостя милаго напрасно
- «Ни одинъ не ждетъ цвѣтокъ.
- «Такъ и ты цвѣла стыдливо,
- «И въ тебѣ, дитя мое,
- «Созрѣвало прихотливо
- «Сердце страстное твое....
- «И теперь въ красѣ разцвѣта,
- «Обоянія полна,
- «Ты стоишь подъ солнцемъ лѣта
- «Одинока и пышна.

«Такъ склонись-же, стебель стройный
 «Такъ раскройся-жъ, мой цвѣтокъ;
 «Прилетѣлъ женихъ.... достойный
 «Въ твой забытый уголокъ!»

Намъ кажется, никто не станетъ спорить противъ поэтическихъ достоинствъ сдѣланной нами выписки и не сочтеть смѣшнымъ нашъ восторгъ. Мы подчеркнули слово «наслышано» и стихъ «прилетѣлъ женихъ достойный», чтобы уяснить мысль, руководившую авторомъ при написаніи «Параша». Очевидно, онъ желалъ показать, какъ иные «стремящіяся» въ молодости юныя души способны незамѣтно пошлѣть и безъ всякихъ угрizenій совѣсти предаться постепенно самому филистерскому и растительному существованію. Если это не особенно удивительно по отношенію къ герою, если, послѣ сдѣланной нами характеристики подобнаго рода великихъ людей на маленькия дѣла обсуждаемая метаморфоза ничего неожиданного не заключаетъ, то относительно Параша дѣло принимаетъ иной оттѣноокъ. Въ первомъ случаѣ мы наблюдаемъ смѣшное явленіе, во второмъ наша улыбка подергивается извѣстнаго рода грустнымъ флеромъ. Тутъ ужъ намъ жаль даромъ пропавшихъ силь, мы непріятно поражены сознаніемъ, что Параша не встрѣтили лучшихъ условій для своего умственнаго и нравственнаго развитія и застряла въ рукахъ самодовольнаго субъекта мелкотравчатаго калибра. Намъ не весело убѣждаться въ мысли, что супружество есть гробъ поэзіи и начало безсмысленаго прозябанья.

Какъ ручеекъ извилистый, но плавный
 Катилась жизнь Прасковы Николаевны.

Это случилось, послѣ того, какъ сонъ Параша получилъ аналогію съ дѣйствительностью въ видѣ законнаго брака. Авторъ видѣтъ свою чету четыре года спустя, въ продолженіе которыхъ молодые супруги жили весьма «счастливо» и превратились въ Пульхерію Ивановну и Афанасія Ивановича. Послѣднее обстоятельство ужасно смущаетъ автора.

Но — Боже! то-ли думалъ я, когда
Исполненный нѣмаго обожанья
Ея душѣ я предрекалъ года
Святаго, благодатнаго страданья.

Томительно онъ разстается съ нею, не оставляя мысли что при другой обстановкѣ искра Божья, въ ней до замужества теплившаяся, могла-бы превратиться въ согрѣвающее пламя, подающее отъ времени до времени признаки своего существованія. Авторъ понимаетъ, что идея его не совсѣмъ ясно выражено и не всякому будетъ очевидна, но это его не смущаетъ. Строгихъ цѣнителей онъ просить простить недостатки первого появленія въ печати, и имѣеть надежду на другого сорта критиковъ

А если кто разскажъ небрежный мой
Прочтетъ — и вдругъ задумавшись невольно,
На мигъ одинъ поникнетъ головой
И скажеть мнѣ спасибо: мнѣ довольно....
Тому давно — стояль я надъ кормой,
И плыли мы вдоль города чужаго;
Я былъ одинъ на палубѣ.... волна
Вздымала насть и опускала снова....
И вдругъ мнѣ кто-то машетъ изъ окна
Кто онъ, когда и гдѣ мы съ нимъ видались,
Не могъ я вспомнить.... быстро мы промчались —
Ему въ отвѣтъ и я махнулъ рукой —
И городъ тихо скрылся за горой.

Къ счастью для вачинающаго автора нашелся одинъ, который задумался надъ поэмой и выразилъ свои чувства такимъ образомъ: «Дай Богъ, чтобъ наша встрѣча съ талантомъ автора «Параши» не была случайна, но превратилась въ знакомство продолжительное и прочное. Грустно было-бы думать, что такой талантъ — не болѣе, какъ вспышка юности, кипѣніе молодой крови, а не признакъ призванія, и можетъ обмануть возбужденныя имъ ожиданія и надежды, какъ обманула поэта героиня его поэмы». Говорившій такимъ образомъ былъ Бѣлинскій. Понятно, удача, подобная описанной, должна было пріобрѣсти нашего поэта и дать ему смѣ-

лость увѣренно подвизаться на поэтическомъ поприщѣ. Въ журналахъ того времени все чаще и чаще начинаютъ появляться мелкія стихотворенія за его подписью, перемежающіяся съ повѣстями, драматическими очерками, ему же принадлежащими. Мы не станемъ ихъ разсматривать въ хромологическомъ порядке, а предпочтаемъ лучше посмотретьъ какъ развивался талантъ Тургенева въ каждомъ родѣ поэтическаго творчества, въ которомъ онъ пробовалъ свои силы. Поэтому, заговоривъ о «Парашѣ», поведемъ рѣчь объ остальныхъ его трехъ поэмахъ, а потомъ соединимъ всѣ его мелкія стихотворенія въ одно, и посмотримъ, какъ развивался, судя по нимъ, ихъ авторъ.

VI.

Слѣдующая за «Парашею» большая поэма вышла въ 1845 году подъ названіемъ «Разговоръ», *стихотвореніе Ив. Тургенева (Т. Л.)*. «Разговоръ» составляетъ несомнѣнно прогрессивное явленіе въ таланѣ его автора. Помимо великолѣпнаго стиха, который по всей поэмѣ поражаетъ васъ почти лермонтовскою силою и не представляетъ шероховатостей «Параши», въ самой тенденціи, въ основной мысли «Разговора» положена тема, менѣе отъ насъ отдаленная, чѣмъ таинственная первой поэмы Тургенева. «Разговоръ» есть произведеніе горячаго приверженца романтической школы, которая не онъгински разочарована въ жизни, но глубоко ее ненавидитъ, клеймитъ, презираетъ, проклинастъ. Авторъ не доволенъ матеріальностью современныхъ ему людей и вотъ онъ въ формѣ поэтическаго разговора между отжившимъ и удалившимся въ пустыню старикомъ и молодымъ человѣкомъ выставляетъ свои права на неодобреніе происходящаго предъ его глазами.. Сѣтованія какъ старика, такъ и молодого на людей.

ихъ окружающихъ, не поражаютъ васъ новизною, вы съ ними знакомы изъ «Цыганъ», изъ обоихъ «Кавказскихъ Плѣнниковъ» изъ Байрона, Гюго и наконецъ изъ разсужденій величавыхъ индѣйскихъ фигуръ Купера. Талантъ Тургенева, выразившійся въ стихотвореніяхъ, не первоклассный, по этому мы отъ него и не въ правѣ требовать особенной оригинальности мысли, мы должны только смотрѣть на сколько онъ себѣ усвоилъ вѣяніе эпохи и на сколько хорошо выразилъ характерныя ея черты. Въ «Разговорѣ», какъ мы уже сказали, отразилась романтическая школа по преимуществу. Сюжетъ ея вполнѣ космополитической и не носить никакихъ отличительныхъ признаковъ мѣстности и народности. Даже эпоха не вполнѣ ясно обрисовывается въ поэмѣ, потому что падою разговаривающихъ направленъ на такія несовершенства человѣческаго рода, которые составляютъ причину вѣчной борьбы пошлости съ возвышенностью, борьбы проходящей чрезъ всю историческую жизнь человѣчества и слѣдовательно стоящей вѣкъ времени и мѣста. Если-же мы, несмотря на это, все-же причислили «Разговоръ» къ порождениямъ романтизма, то только потому, что романтическая школа составляетъ отличительное свойство времени, когда она процвѣтала. Борьба съ пошлостью существовала всегда, но она никогда такъ рельефно не выразилась какъ въ произведеніяхъ романтизма. Въ прежніе вѣка человѣчество разрѣшало другія, болѣе насущныя потребности. Протестъ противъ пошлости долженъ быть еще приобрѣтать фактическую основу и только въ 30-ыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, при сравнительному утомленіи философской мысли, даетъ поэзіи занять первенствующее мѣсто и страстнымъ всплескомъ выступить противъ пути вѣковаго филистерства.

Уже въ самомъ вступлениіи къ «Разговору» вы предчувствуете, съ какого рода произведеніемъ будете имѣть дѣло.

Одинъ передъ нѣмымъ и сумрачнымъ дворцомъ
Бродилъ я вечеромъ, исполненный раздумья;
Блестящій пиръ утихъ; дремало все кругомъ
И замеръ громкій смѣхъ веселаго безумья.

Среди таинственной, великой тишины
 Березы гибкія шепталіш болзливо —
 И каменные львы глядѣлись молчаливо —
 Въ стальное зеркало темнѣющей волны.

—
 И спящій міръ дышалъ бессмертной красотой....
 Но глазъ не подымалъ и проходилъ я мимо;
 О жизни думалъ я, объ истинѣ святой,
 О всемъ, что на землѣ на вѣкъ неразрѣшимо.
 Я небо вопрошалъ.... и тяжко было мнѣ —
 И вся душа моя просыпалася тоскою....
 А звѣзды вѣчныя спокойной чередою
 Торжественно неслись въ туманной вышинѣ.

Подобное вступленіе обѣщаетъ «гражданскій» сюжетъ, какъ въ наше время выражаются. «Злоба дня» по видимому будетъ затронута. Видно желаніе потолковать о предметѣ, близкомъ авторской душѣ, подѣлиться съ читателемъ ощущеніями, навѣваемыми текущею жизнью, и ея главными дѣятелями.

Въ началѣ цѣмы предъ нами выступаетъ отшельникъ, удалившійся въ сырую и мрачную пещеру, для того, чтобы позабыть треволненія прожитой имъ жизни, разочарованія его въ ней встрѣтившія, материальность большинства людей, ихъ несоответствіе съ идеаломъ истиннаго человѣческаго существованія.

Таиласъ въ голосѣ глухомъ
 Полуживаго старика
 Непобѣжденная тоска.....

Тоска эта заставляетъ его избѣгать людскаго общества и въ созерцаніи природы находить идеальный міръ совершенства. Не дешево обошлось старику его рѣшеніе, долго онъ еще, пока кипѣли въ немъ молодыя силы, боролся со всѣмъ, что ему было ненавистнымъ, но противъ общаго потока трудно что-нибудь сдѣлать

..... много золъ и мукъ
 Смягчили прежній, гордый звукъ....

И послѣ многихъ тайныхъ битвъ,
И послѣ многихъ горкихъ слезъ,
Слова смиренныя молитвъ
Онъ, изнывая, произнесъ.
Бывало пламенная рѣчъ
Звенѣла какъ булатный мечъ....

.

Теперь-же — съ блѣдныхъ губъ — едва —
Беззвучно падаютъ слова —
Такъ поздней осенью съ вершинъ
Нагихъ и трепетныхъ осинъ⁴
На землю грустной чередой
Ложится листьевъ легкой рой.

Только въ природѣ находитъ стариkъ утѣшеніе, только въ ней утомленная душа его встрѣчаетъ родственный отголосокъ. Но вдругъ покой старика нарушается. Къ нему является молодой человѣкъ, когда-то находившійся подъ его влияniемъ, но теперь уже возмужалый. Онъ приходитъ къ старику, чтобы подѣлиться своимъ безнадежнымъ взглядомъ на жизнь, чтобы чистосердечною исповѣдью облегчить свое невеселое настроение. И стариkъ ему радъ. Онъ въ уединеніи своемъ жилъ надеждою на будущее, онъ думалъ, что новое поколѣніе исправить ошибки старого. Но увы! ничего подобнаго не случилось и стариkъ въ ужасѣ отъ разсказа молодаго человѣка. Ему горько и страшно убѣждаться въ неустранимости того, въ борьбѣ противъ чего онъ истратилъ лучшія силы своей молодости. Разсказъ молодаго человѣка въ сущности очень похожъ на знаменитую «Думу» Лермонтова, гдѣ этотъ великий поэтъ выражалъ причины свое недовольства современнымъ ему поколеніемъ. Припомните великодушныя строфы «Думы» и вамъ понятіе станетъ «Разговоръ», съ первого раза не совсѣмъ ясный по страстности, съ которой выражена тенденція поэмы. Разница Тургенева отъ Лермонтова та, что первый противоставилъ неудовлетворительности молодаго поколѣнія большую пригодность старого, хотя и пригодность весьма относительную. Лермонтовъ въ равной степени нападаетъ и на «ошибки отцевъ», что у

Тургенева является только въ концѣ поэмы, когда молодой человѣкъ, чтобы оправдать себя, читаетъ грозную филиппику противъ предшественниковъ своихъ. Вообще-же весь «Разговоръ» есть какъ бы развитіе «Думы». На 39 страницахъ Тургеневъ сказалъ тоже, что Лермонтовъ на двухъ.

Печально я гляжу на наше поколѣніе
Его грядущее — иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнія
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы едва изъ колыбели
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ
И жизнь ужъ нась томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.

Такъ высказался творецъ «Демона». Тургеневъ вполнѣ съ нимъ согласенъ относительно факта, но даетъ ему нѣсколько иное объясненіе. Онъ находитъ, что трудно стремящемуся человѣку найти удовлетвореніе въ окружающей его обстановкѣ и неизбѣжнымъ является его томительное состояніе.

Бывало — полный гордыхъ думъ,
Руководимый божествомъ
Какимъ-то, жизни вѣчный шумъ
Впималъ я съ тайнымъ торжествомъ....
Я думалъ: тамъ, въ толпѣ людей,
Я волю дамъ душѣ моей;
Среди друзей, среди враговъ,
Узнаю самъ, кто я таковъ....
И за тобой, о мой народъ,
Пойду я радостно впередъ —
И загорится въ сердцѣ вновь
Святая, братская любовь.
Но что-же! вдругъ увидѣлъ я
Что въ цѣломъ мірѣ для меня
Нѣть места; что я людямъ чуждъ;
Что нѣть у нась ни тѣхъ-же нуждъ
Ни тѣхъ-же радостей; что мнѣ
Онѣ то страшны, то вполнѣ
Непостижимы, то смѣшны....
И потрясенъ до глубины
Души, взывалъ я къ нимъ.... но самъ

Не вѣриль собственнымъ словамъ.
Я съ ними сблизиться не могъ
И вновь одинъ, среди тревогъ
Пустыхъ живу съ тѣхъ поръ.

Въ этихъ словахъ мы уже видимъ зачатокъ лишняго человѣка, Гамлета Щигровскаго уѣзда и даже Рудина и отчасти Лаврецкаго. Мы уже видимъ здѣсь погоню за осмысленнымъ существованіемъ и неудовлетвореніе этой потребности практическою жизнью. Понятно тутъ можетъ явиться весьма грозное сомнѣніе и вы недовѣрчиво можете освѣдомиться: неужели-же, въ самомъ дѣлѣ, не нашлось ни одного поприща, которое разъ на всегда положило-бы конецъ тоскливому хныканью напихъ разочарованныхъ субъектовъ тридцатыхъ и сороковыхъ людей? Неслишкомъ-ли уже клеплютъ наши доморощенные Печорины на окружающую ихъ жизнь? Можетъ быть они не способны ее понять, можетъ быть они даже нарочно отворачиваются отъ многихъ видовъ полезной дѣятельности, не имѣя достаточно энергіи и нравственной мощи, чтобы прекратить свою сибаритскую жизнь дилетанта и отрѣшиться отъ разслабляющаго вліянія барского воспитанія? Изъ этой дилеммы «отцы» наши выходятъ не вполнѣ безуиречно, но они имѣютъ все таки громадныя средства для своей защиты и съ помощью ихъ имъ не трудно быть признанными хотя и виновными, но «заслуживающими снисхожденія». Откуда было взяться у изнѣженного барченка нравственной силы, откуда набраться умѣнья полезнымъ образомъ употребить свои способности? Масса требуетъ руководителей, она сама лишена иниціативы и несправедливо было обвинять людей тридцатыхъ и отчасти сороковыхъ годовъ за недостатокъ, всѣмъ людямъ присущій. Намъ только можетъ быть жаль этихъ людей, обреченныхъ на двойственную жизнь, проникнутую сознаніемъ своего безсилія, своей немощности создать что нибудь прочное. И въ поэмѣ «Разговоръ» молодой человѣкъ сознаеть, что съ его стороны много прегрѣшеній, что онъ самъ много виноватъ въ своемъ безотрадномъ положеніи, но отъ этого ему не легче,

Онъ страстно ждеть человѣка, за которымъ можно-бы было послѣдовать, въ живомъ примѣрѣ котораго почерпнуть увѣренность и возможность самому до чего нибудь дойти, не остаться вполнѣ безполезнымъ членомъ общества.

Когда стариkъ ему не вѣритъ и грозно говоритъ.

Великой силы благодать
Толпа не смѣетъ не признать
И негодующій пророкъ
Каралъ бы слабость и порокъ —
Гремѣли-бы страстныя слова,
И какъ изсохшая трава,
Пылали-бы отъ твоихъ рѣчей
Сердца холодныхъ людей
Но малодушный ты! Судьбѣ
Ты покорился безъ стыда....
Такъ что-жъ, скажи могло тебѣ
Дать право гордаго суда
Надъ міромъ? — нѣть не вѣрю я;
Нѣть! оклеветана толпа
Тобой

Молодой человѣкъ оправдываетъ себя отсутствиемъ направляющей руки.

О, если-бы пророкъ святой
Сказалъ мнѣ: встань! иди за мной!
Клянусь, пошоль-бы я, томимъ
Великой радостью, за чимъ —
За nimъ — на гибель, на позоръ....
И пусть надменный приговоръ
Толпы рабовъ, толпы слѣпой
Гремитъ надъ nimъ и надо мной!
Но гдѣ пророки?....

Нечего много распространяться о томъ насколько подобный принципъ вреденъ, если его слишкомъ сильно придерживаются. Дѣло въ томъ, что въ подкладку этого принципа легло стадное начало, хотя и нѣсколько облагороженное въ устахъ молодаго человѣка. Тургеневъ не доволенъ выставляемымъ имъ субъектомъ, лишенного всякой умственной и

нравственной самостоятельности, и потому попадающего часто на мель, когда невыгодно сложившіяся условія не даютъ возможности «пророкамъ» громко и откровенно высказывать свои мнѣнія. Тургеневъ устами старика проклинаетъ малодушіе Панургова стада, къ сожалѣнію даже въ теченіи вѣковъ мало мнѣняющаго свою физіономію.

Молодой человѣкъ не остается въ долгу. И онъ въ свою очередь выступаетъ съ грозною проповѣдью противъ старого поколѣнія. Онъ говоритъ, что какъ старое, такъ и молодое поколѣніе не удовлетворяютъ требованіямъ истиннаго идеала о полезныхъ людяхъ и потому въ равной степени достойны порицанія.

. Старикъ, когда

Ты такъ усердно расточалъ
Упсаки — помнишь? я молчалъ
Теперь я спрашиваю васъ,
О, предки наши! что для насъ
Вы сдѣлали? Скажите намъ:
Вотъ — нашимъ доблестнымъ трудамъ
Благодаря — смотрите — вотъ
На сколько выросъ нашъ народъ....
Вотъ несомнѣнныи, яркій слѣдъ
Великихъ, истинныхъ побѣдъ.
Что-жъ? отвѣчайте намъ.... Увы
Какъ ваши внуки — на покой
Бесмысленный — спѣшили вы
Съ работы трудной — по пустой....
И мы не лучше васъ — о нѣтъ!
Намъ тоже предстоитъ.... Смотри,
Надъ дальнимъ лѣсомъ слабый свѣтъ
Предвестникъ утренней зари
Мерцаешь.... близокъ ясный день
Рѣдѣеть сумрачная тѣнь....
Но не дождаться памъ съ тобой
Денница пышной, золотой —
И въ часъ, когда могучій лучъ
И за громадныхъ, синихъ тучъ
Блеснетъ надъ радостной землей,
Великій, безконечный крикъ
Побѣды, жизни молодой
Не долетить до насъ, старикъ

Не переживъ унылой тьмы
 Съ тобой въ могилу ложемъ мы —
 Замреть упорная тоска;
 Но будеть намъ земля тяжка
 Намъ даже слава не далась
 И нашъ потомокъ — мимо нась
 Пройдеть съ поднятой головой
 Неблагодарный и пѣ мой.

Этой блестящей апофеозою будущаго кончается поэма. Въ заключительныхъ словахъ ея мы слышимъ уже горячай протестъ противъ тѣхъ больныхъ мѣстъ нашего прежняго общественнаго быта, что такъ огорчали лучшихъ людей предшествующей эпохи. Мы видимъ, что авторская мысль была «плѣнена» невеселымъ раздумьемъ, онъ старался разрѣшить грозную дилемму, представляемую окружающею его обстановкою, ему хочется провести въ нее больше осмысленности и цѣлесообразности. Въ этомъ отношеніи Тургеневъ пошелъ дальше своихъ великихъ учителей—Пушкина и Лермонтова; онъ больше развилъ идею недовольства самимъ собою и при томъ перенесъ это чувство съ области субъективной на широкое поле общественной жизни. Тутъ уже онъ является не простымъ ученикомъ, но продолжателемъ направленія, только потому имъ и усвоеннаго, что оно какъ нельзя лучше подходило къ его собственному міросозерцанію. Дальнѣйшая дѣятельность Тургенева въ прозѣ въ сущности представляетъ развитіе мыслей, наброски которыхъ мы видимъ въ его поэтическихъ произведеніяхъ.

Намъ кажется лишнимъ доказывать, что критика не могла вдаваться въ подробное разъясненіе того, что не всегда ясно для читателей поэмы. Наравнѣ съ «Записками Охотника» «Разговоръ» долженъ быть ограничиться успѣхомъ среди публики, которая одна безъ всякихъ указаній критики по достоинству оцѣнила образчикъ участія Тургенева въ прогрессивномъ движеніи вѣка. Бѣлинскій въ краткой рецензіи, сказавъ сначала нѣсколько словъ о характерѣ таланта молодаго автора, закончилъ свой отзывъ слѣдующими словами: «Пусть

читатели сами прослѣдять въ цѣлой поэмѣ, ея основную мысль: мы не считаемъ себя въ правѣ отнимать у нихъ этого удовольствія выписками. Скажемъ только, что всякий, кто живетъ и, слѣдовательно, чувствуетъ себя постигнутымъ болѣзню нашего вѣка—апатіею чувства и воли, при пожирающей дѣятельности мысли,—всякий съ глубокимъ вниманіемъ прочтеть прекрасный «Разговоръ» г. Тургенева и, прочтя его, глубоко, глубоко задумается.

Двѣ другія большія поэмы Тургенева «Андрей» (Отечественные Записки 1846 г. № 1) и «Помѣщикъ» (Петербургскій сборникъ, изданный Н. А. Некрасовымъ въ 1846 г.) менѣе замѣчательны, чѣмъ только что разобранныя нами. По увѣреніямъ нѣкоторыхъ «Андрей», хотя рецензентами не былъ замѣченъ, имѣлъ, «серъезный успѣхъ въ читавшой публикѣ». Признаться, мы не очень понимаемъ такой успѣхъ если онъ только не ограничился одною фантазіею утверждающаго это. Шероховатымъ и многоглаголевымъ рядомъ скучныхъ стиховъ Тургеневъ описалъ наростающее чувство своего героя къ нѣкоей замужней барынѣ, которая въ свою очередь благоволить къ Андрею. Поэма очень длинна и все-таки дѣйствія никакого не заключаетъ, такъ что авторъ потратилъ свои риены единственно на изображеніе неопредѣленнаго томлѣнія дѣйствующихъ лицъ — сюжетъ по своей неуловимости подсильный Пушкину или Лермонтову, но никакъ не послѣдователю ихъ — не-перваго разряда.

Мелкія стихотворенія Тургенева разбросаны по «Отечественнымъ Запискамъ», сборнику гр. Сологуба «Вчера и сегодня» и «Современнику», начиная съ 1843 по 1847 г., когда въ послѣдній разъ въ первой книжкѣ «Современника» за этотъ годъ были помѣщены стихотворные опыты будущаго знаменитаго романиста.

Мелкія вещи Тургенева носятъ тотъ-же характеръ, что «Разговоръ» и первыя прозаическія его произведенія «Андрей Колосовъ», «Три портрета» «Бреттеръ» и другія, о которыхъ рѣчь впереди. Въ нихъ ясно выступаетъ лермонтовское міросозерданіе, лермонтовское недовольство пошлостью обыденной жизни. Вотъ напр. «Толпа»—эта излюбленная тема нашихъ поэтовъ и поэтиковъ прежняго времени. Нашъ начинающій писатель не можетъ удержаться отъ того, чтобы не настроить своей лиры на тотъ-же ладъ.

Среди людей, мнѣ близкихъ.... и чужихъ
Скитаюсь я — безъ цѣли безъ желанья.
Мнѣ иногда смѣшны забавы ихъ,
Мнѣ самому смѣшнѣй мои страданья.
Страданій тѣхъ толпа не признаѣтъ,
Толпа — могучая — и ѿстъ и пьетъ исправио;
И чтѣ въ душѣ задумчивой¹⁾ живеть
Болѣзни считаешьъ своею правной
И права ты, толпа! Ты велика,
Ты широка, ты глубока какъ море
Въ твоихъ волнахъ все тонетъ: и тоска
Нелѣшая — и истинное горе.
И ты сильна

За этимъ мнимымъ признаніемъ законности притязаній толпы слѣдуетъ, однако же, рѣзкій отказъ къ ней присоединиться. Поэтъ только констатируетъ извѣстное направлѣніе, но какъ натура высшая не желаетъ съ нимъ имѣть ничего общаго. Отказъ этотъ однако же не носитъ надменнаго характера пушкинскаго поэта, который презираетъ толпу и громко объ этомъ всѣмъ объявляетъ. Нашъ «не отъ міра сего», хотя и подчиняющійся лермонтовскому духу, не находитъ утѣхи въ гордомъ презрѣніи, а предпочитаетъ удалиться въ свой внутренней мірокъ, откуда можетъ уже смотрѣть безпристрастнымъ зрителемъ на происходящій вокругъ него праздникъ жизни.

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ Тургеневу.

Передъ тобой ¹⁾ я преклониться могъ
 Но полюбить тебя мнѣ невозможно.
 Я ни одной тебѣ не дамъ слезы,
 Не отъ тебѣ я ожидаю счастья....
 Но ты ростешь, какъ море въ часы грозы,
 Безъ моего ненужнаго участья.
 Гордись, толпа! ликуй толпа моя!
 Лишь для тебя такъ ярко блещетъ небо....
 Но все же радъ, что независимъ я,
 Что не служу тебѣ я ради хлѣба!....
 И я молчу о томъ, что я люблю,
 Молчу о томъ, что страстью ненавижу.
 Я похвалой толпы неудивлю,
 Наемѣшками толпы я не обижу....
 А толковать, мечтать съ самимъ-собой,
 Бесѣдовать съ прекрасными друзьями —
 Съ такой смѣшной, ребяческой мечтой
 Развстался я, какъ съ дѣтскими слезами.
 А потому.... мнѣ житѣ ²⁾ не суждено.
 И я тяну съ усмѣшкой торопливой
 Холодной злости, злости молчаливой
 Хоть горькое — но пьяное вино.

Уже тутъ мы видимъ зачатки настроенія, которое проникаетъ значительную часть Тургеневскихъ произведеній. Тургеневъ, какъ натура чрезвычайно отзывчивая, поддается всякому впечатлѣнію, но при этомъ въ своей, оригинальной формѣ. Глубоко чувствуя всякое приосновеніе шероховатой грубой дѣйствительности, онъ тѣмъ не менѣе очень неохотно разстается со своею мечтою и потому въ каждомъ описаніи подобного столкновенія вы чувствуете стонъ наболѣвшаго авторскаго сердца, никакъ не могущаго примириться съ тѣмъ, что не подходитъ подъ складъ его направленія. Тургеневъ не изъ тѣхъ кисло-сладкихъ мечтателей, что въ свѣтлыхъ ночи глядятъ на луну и на этомъ основаніи считаютъ себя идеалистами. Нѣтъ, идеализмъ его имѣеть болѣе грандіозную подкладку. Долгое время проживъ въ Германіи, проникнувшись духомъ германской поэзіи и въ особенности Шилле-

¹⁾ Толпой.

²⁾ Курсивъ Тургенева.

ромъ и Гете, Тургеневъ строитъ свое міросозерцаніе на широкихъ началахъ общечеловѣчности и въ тоже время на уваженіи къ индивидуальнымъ особенностямъ каждого человѣка въ отдельности. Выставляя какое нибудь лицо дѣлясь съ читателемъ своими чувствами, Тургеневъ не кричитъ вамъ грозно: «дѣлай также какъ я, чувствуй одинаковымъ со мной образомъ». Требованія его гораздо скромнѣе: «я признаю тебя, говорить онъ вамъ, но за то «ты и мнѣ не мѣшай жить на мой образецъ». За эту незаносчивость вы легко прощаете Тургеневскимъ героямъ ихъ не всегда логический образъ мыслей, не всегда рациональное отношеніе къ дѣлу. Всѣ эти «Лишніе люди», Яковы Пасынковы, герои «Переписки»—явленія чрезвычайно патологическія и могутъ возбудить ваше сочувствие только подъ условіемъ не предъявленія даже самыхъ отдаленныхъ требованій не превосходство. Не принаадлежа къ категоріи праздныхъ фантазеровъ и вполнѣ признавая законность требованій дѣйствительной жизни, Тургеневъ просить только пощады для себя. «Я знаю», какъ бы толкуетъ онъ вамъ, «что мечта и дѣйствительность вещи разныя, я и не ставлю первую нормой жизни, но не разрушайте скромнаго уголка моего личнаго существованія, гдѣ сохраняется запасъ, существующій спасать каждого непопшлаго человѣка отъ поглощенія прозой жизни». Въ этомъ отношеніи Тургенева къ читателю лежитъ причина того, что вы его поэзію признаете истинной и имѣющей глубокое значеніе какъ талисманъ противъ увлеченій требованіями дѣйствительности. Вотъ отчего мы съ глубокимъ сочувствиемъ относимся къ слѣдующему стихотворенію.

Когда давно забытое названье
Расшевелитъ во мнѣ, внезапно, вновь,
Уже давно затихшее страданье,
Давнымъ давно погившую любовь, —

Мнѣ стыдно, что такъ медленно живу я
Что этотъ хламъ хранить душа моя,
Что ни слезы, ни даже попѣлуха —
Что ничего не забываю я.

Мнѣ стыдно, да; а тамъ мнѣ грустно станеть,
И неужель подумать я могу,
Что жизнь меня теперь ужъ не обманетъ,
Что до конца я сердце сберегу?

Что въ правѣ я отринуть горделиво
Всѣ прежнія, всѣ дѣтскія мечты
Все, что въ душѣ цвѣтеть, такъ боязливо
Какъ первые, весеннеіе цвѣты?

И грустно мнѣ, что то воспоминанье
Я былъ готовъ презрѣть и осмѣять....
Я повторю знакомое название —
Въ былое весь я погруженъ опять.

Мы не станемъ выписывать другихъ стихотвореній Тургенева. Они всѣ болѣе или менѣе носятъ тотъ-же характеръ. Вездѣ преобладаетъ субъективный колоритъ, но при этомъ авторъ варьируетъ тѣ субъективныя ноты, которыхъ свойственны всякому человѣку и потому интересны. Иной разъ Тургеневъ оставляетъ «злобу дня» и предается мирному изображенію картинъ природы. Такія вещи удаются ему превосходно. Читатель уже имѣлъ возможность убѣдиться въ силѣ эпического стиха Тургенева, когда мы дѣлали выписки изъ «Параши». Исполняя наше намѣреніе познакомить русскую читающую публику съ «грѣхами молодости» разбираемаго нами писателя, приводимъ еще одно доказательство несправедливости гоненія автора «Записокъ Охотника» на плоды юношескаго настроенія своего таланта. Вотъ вамъ маленькая картина лѣтняго вечера въ деревнѣ, такъ и поражающая силою и свѣжестью красокъ.

Люблю я вечеромъ къ деревнѣ подѣлѣжать,
Надъ старой церковью глазами провожать
Воронъ играющуя стаю;
Среди большихъ полей, заповѣдныхъ луговъ,
На тихихъ берегахъ заливовъ и прудовъ
Люблю прислушиваться лаю

Собакъ недремлющихъ, — мычанью тяжкихъ стадъ;
 Люблю заброшенный и запустѣлый садъ
 И липъ незыблемыя тѣни; —
 Не дрогнетъ воздуха стеклянная волна;
 Стоишь и слушаешь — и грудь упоена
 Блаженствомъ безмятежной лѣни....

Задумчиво глядишь на лица мужиковъ —
 И понимаешь ихъ; предаться самъ готовъ
 Ихъ бѣдному, простому быту....
 Идетъ къ колодезю старуха за водой;
 Высокій шестъ скрыпить и гнется; чередой
 Подходятъ лошади къ корыту....

Вотъ пѣсню затянуль проѣзжай.... грустный звукъ!
 Но лихо вскрикнулъ онъ — и только слышъ стукъ
 Колесъ его телѣги тряской;
 Выходитъ дѣвушка на низкое крыльцо —
 И на зорю глядитъ.... и круглое лицо
 Зардѣлось алой, яркой краской.

Качаясь медленно, съ пригорка за селомъ,
 Огромные возы спускаются гуськомъ
 Съ пахучей данью пышной нивы;
 За конопляникомъ зеленымъ и густымъ
 Бѣгутъ, одѣтые туманомъ голубымъ,
 Степей широкіе разливы.

Та степь — конца ей нѣть.... раскинулась лежить....
 Струистый вѣтерокъ бѣжитъ, не пробѣжитъ....
 Земля томится, небо млѣтъ....
 И лѣса длиннаго подернутся бока
 Багрянцемъ золотымъ, и ропщетъ онъ слегка,
 И утихаєтъ, и синѣтъ....

Приведемъ въ заключеніе еще одно небольшое стихотвореніе «Безлунная ночь» и покончимъ съ нѣсколько затянувшимся разборомъ первыхъ шаговъ Тургенева на литературномъ поприщѣ.

О ночь безлунная, ночь теплая, пѣмая!
 Ты нѣжисься, ты млѣешь, изнывая,
 Какъ отъ любовныхъ ласкъ усталая жена....
 Иль, можетъ быть, невѣдѣньемъ полна,

Мечтательнымъ невѣдѣньемъ желаній, —
 Стыдливая, ты ждешь таинственныхъ лобзаний?
 Скажи мнѣ, ночь, въ кого ты влюблена?
 Но ты молчишь на мой вопросъ нескромный....
 И на тебѣ покровъ густѣетъ темный.
 Я заражоись тобой.... вдыхаю влажный паръ....
 И чувствую, въ груди тревожный вспыхнуль жаръ...
 И мнѣ слышится твой безконечный ропотъ,
 Твой лепетъ вкрадчивый, твой непонятный шопотъ —
 И тѣна пахучая колеблется кругомъ,
 Лицо горитъ невѣдомымъ огнемъ,
 Расширенная грудь дрожитъ воспоминаньемъ
 Томится горестью блаженствомъ и желаньемъ
 И воздухъ ласковый чуть дремлющий, ночной,
 Какъ будто самъ дрожитъ и пышетъ надо мнай.

Заканчивая разборъ стихотворныхъ произведеній Тургенева, мы, какъ это дѣлаютъ докладчики въ заключеніе своихъ рефератовъ, ставимъ слѣдующій тезисъ: стихи Тургенева настолько интересны, настолько хорошо разрабатываются вопросы, затронутые этимъ писателемъ въ его-же первыхъ повѣстяхъ, (почти сплошь до самого «Рудина»), что онъ не долженъ отказать многочисленнымъ почитателямъ своимъ въ возможности ознакомиться съ симпатичнымъ выраженіемъ настроенія его юношеской души. Русская литература послѣдняго времени настолько бѣдна хорошими вещами, что при всей любви къ современности приходится обращаться въ своихъ поискахъ за ними главнымъ образомъ къ прошедшему и перечитывать старое. Отчего-же не увеличить контингентъ этого «стараго» еще однимъ, хотя не большимъ, но драгоценнымъ вкладомъ. Отчего, выражаясь высокимъ слогомъ, не обогатить кошницу русской словесности еще однимъ алмазомъ? Будемъ надѣяться, что въ будущихъ изданіяхъ, наряду съ комедіями Тургенева, найдутъ място гораздо болѣе замѣчательные лирико-эпические опыты его. Этимъ будетъ дано еще одно доказательство глубины творческаго таланта автора повѣстей и романовъ, затрагивающихъ всѣ жизненные вопросы русского общества въ продолженіи периода болѣе тридцатилѣтъ.

VII.

Имѣя болѣе или менѣе обеспеченное состояніе, Тургеневъ исключительно посвятилъ себя литературѣ. Въ 1843 г. онъ пытался было поступить на службу и даже былъ зачисленъ въ канцелярію министра внутреннихъ—гр. Л. А. Петровскаго, гдѣ директоромъ состоялъ В. И. Даляр. Но зачисленіе такъ зачисленіемъ и осталось, потому что молодой писатель не имѣлъ ни малѣйшей охоты засѣсть за регистраціоніе входящихъ и исходящихъ бумагъ и на службу почти не ходилъ. Въ слѣдующемъ 1844 году онъ совсѣмъ бросиль свою канцелярскую дѣятельность и вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго секретаря, каковой чинъ ему полагался, какъ кандидату университета. Съ тѣхъ поръ онъ поперемѣнно жилъ то въ Петербургѣ, то въ деревнѣ, но преимущественно въ Петербургѣ.

Съ самаго начала своей литературной карьеры Тургеневъ имѣлъ счастіе вступить въ самыя дружественные отношенія съ Бѣлинскимъ. Послѣ статей г. Пыпина, пролившихъ такой осльпительный свѣтъ на грандіозную личность геніального критика, никто не усомнится въ томъ, что мы ничуть не употребили слишкомъ сильное выраженіе, сказавъ «Тургеневъ имѣлъ счастіе» близко сойтись съ Бѣлинскимъ. Да, быть въ обществѣ такого высоко-идеального человѣка большое счастіе и Тургеневъ много ему обязанъ. Въ разговорѣ съ Бѣлинскимъ крѣпло міросозерцаніе молодаго писателя, вкусы его утончались, наклонности не опошлялись; онъ пріобрѣталъ нравственная силы для борьбы съ тѣмъ ненормальнымъ порядкомъ вещей, что извѣстенъ подъ именемъ сороковыхъ годовъ. Въ честномъ кружкѣ Бѣлинскаго Тургеневъ могъ отъ души и не безъ пользы вести разговоръ о разныхъ явленіяхъ общественной жизни. Въ горячихъ спорахъ выяснялись разныя идеи и принципы и такимъ образомъ обильный сырой матеріалъ, вывезенный нашимъ беллетристомъ изъ

Германи, подвергался прекрасной переработкѣ и далъ возможность Тургеневу сдѣлаться однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени. Самъ Тургеневъ очень живописно въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Бѣлинскомъ» рисуетъ намъ положеніе тогдашней общественной жизни и значеніе своего знакомства съ Бѣлинскимъ.

«Я часто ходилъ къ нему послѣ обѣда отводить душу. Онъ занималъ квартиру въ нижнемъ этажѣ, на Фонтанкѣ, недалеко отъ Аничкова моста, невеселыя, довольно сырья комнаты. Не могу не повторить: тяжелыя тогда стояли времена, нынѣшнимъ молодымъ людямъ не приходилось испытать ничего подобнаго. Пусть читатель самъ посудить: утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами, словно окровавленную; можетъ быть, тебѣ даже пришлось сѣѣздить къ цензору, и представивъ напрасныя и унизительныя объясненія, оправданія, выслушать его безапелляціонный, часто насмѣшилый приговоръ.... На улицѣ попадалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Гречи; генераль, и даже не начальникъ, а такъ просто генераль, оборваль или что еще хуже, поощрилъ тебя.... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процветаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда вѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведеніиныхъ на трехъ-сотенный комплектъ, поѣздки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя какая-то темная, туча постоянно виситъ надъ всѣмъ такъ-называемымъ ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ, страхъ и приниженніе во всѣхъ хоть рукой махни! Ну, вотъ и придешь на квартиру Бѣлинского, придѣтъ другой, третій приятель, затѣется разговоръ и легче станетъ; предметы разговора были большей частью нецензурного (въ тогдашнемъ смыслѣ) свойства, но собственно политическихъ преній не происходило: бесполезность ихъ слишкомъ явно била въ глаза всякому. Общий колоритъ нашихъ бесѣдъ былъ философско-литературный, критико-эстетический и пожалуй соціальный, рѣдко исторический».

Если Тургеневъ по весьма понятнымъ причинамъ любилъ быть въ обществѣ Бѣлинского, то и послѣдній въ свою очередь очень сильно привязался къ образованному молодому человѣку. Бѣлинскій какъ известно не особенно хорошо владѣлъ иностранными языками и потому при желаніи быть *au courant* европейской жизни, ему приходилось обращаться къ приятелямъ, въ большей степени обладавшимъ возможностью слѣдить за ходомъ общечеловѣческихъ знаній и

мыслей. Тургеневъ былъ однимъ изъ такихъ пріятелей. Только , что возвратившись изъ источника всякой премудрости и главнымъ образомъ гегеліанской философіи — Германії, онъ дѣлился съ Бѣлинскимъ своими свѣдѣніями, за что послѣдній былъ ему безгранично благодаренъ. Онъ цѣнилъ въ молодомъ писателѣ искренность и возвышенность мыслей и потому необыкновенно снисходительно относился къ его поэтической дѣятельности, какъ уже читатель это знаетъ изъ предыдущаго. Даже неудачныя произведенія Бѣлинской прощалъ Тургеневу, такъ какъ видѣлъ въ немъ не ритора à la Бенедиктовъ, а человѣка, пишущаго вслѣдствіе особенной органической потребности дѣлиться съ другими своими впечатлѣніями, и на лирическихъ опытахъ котораго лежитъ отпечатокъ «плѣнной мысли раздраженіе» и при томъ въ такое состояніе приведенной тою-же излюбленною нѣмецкою философіею.

«Мы еще вѣрили тогда въ дѣйствительность и важность философическихъ и метафизическихъ выводовъ, хотя ни онъ, ни я, мы никакъ не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто на нѣмецкій манеръ.... Впрочемъ, мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кроме чистаго мышленія.»

Бѣлинскій не могъ вполнѣ оцѣнить нарождающійся талантъ Тургенева, такъ какъ ему было известно лишь весьма малое количество его прозаическихъ произведеній, но все-же онъ ставилъ его довольно высоко за первые очерки «Записокъ Охотника». Вотъ что онъ писалъ Тургеневу въ частномъ письмѣ:

«Вашъ «Баратаевъ» хороши, хотя и далеко ниже «Хоря и Калиныча».... Мнѣ кажется, у васъ чисто-творческаго таланта или нѣть — или очень мало — и вашъ талантъ однороденъ съ Далемъ. Это вашъ настоящій родъ. Вотъ хоть-бы «Ермолай и Мельничиха» — не Богъ знаетъ чтѣ, бездѣлка — а хорошо, потому что умно и дѣльно, съ мыслью. А въ «Бретерѣ» увѣреи, вы творили. Найти свою дорогу, узнать свое мѣсто — въ этомъ все для человѣка, это для него значить сдѣлаться самимъ собою. Если не опибаюсь, ваше призваніе — наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать коихъ, пропуская черезъ фантазію, но не опираться только на фантазію.... Толь

ради Аллаха, не печатайте ничего такого, что ни то ни сё; не то чтобы не хорошо, да и не то, чтобы очень хорошо. Это страшно вредить тоталитету известности (извините за кудрявое выражение — лучшеаго не придумалось). А «Хорь» обещает въ васъ замѣчательнаго писателя — въ будущемъ».

Тургеневъ настолько близко подружился съ Бѣлинскимъ, что крестилъ у него сына и когда онъ уѣхалъ въ Германію, Бѣлинскій сильно тосковалъ о немъ.

« . . . Когда вы сбирались въ путь» пишетъ онъ ему, «я зналъ напередъ, чего лишаюсь въ васъ — но когда вы уѣхали, я увидѣлъ, что потерялъ въ васъ больше нежели думалъ... Послѣ васъ я отдался скучѣ съ какимъ-то апатическимъ самоотверженiemъ и скучалъ, какъ никогда въ жизни не скучаль».

Письмо это было писано въ февраль 1847 г. Въ іюнь того-же года друзья свидѣлись за границею и провели вмѣстѣ нѣсколько недѣль въ Зальцбургѣ и Парижѣ, куда заботливые пріятели Бѣлинского уѣздили его, чтобы онъ вылечился отъ чахотки. Надежда, какъ известно, не сбывшаяся такъ какъ въ слѣдующемъ, 48 году, смерть вырвала геніальнаго критика изъ среды борцовъ за свои мысли и убѣжденія.... Тургеневъ въ немъ лишился очень многаго. Видѣть, предъ собою живой примѣръ честнаго и страстнаго отношенія къ литературѣ, горячей преданности русской мысли въ частности, и европейской вообще; человѣка для котораго умственныя потребности составляли не излишнюю роскошь, а хлѣбъ насущный,—быть въ постоянномъ общеніи съ такою личностью и вдругъ лишиться этого высокаго наслажденія—не легко. Неудивительно, что Тургеневъ горько оплакивалъ свою потерю и не скоро, можетъ быть, даже и совсѣмъ не нашелъ себѣ болѣе такого подходящаго подъ его душевное настроеніе пріятеля.

Въ одномъ мѣстѣ своихъ воспоминаній о Бѣлинскомъ Тургеневъ жалѣеть о томъ, что великий критикъ не «дожилъ до того, что также наполнило-бы сладостью его сердце: не увидалъ онъ много хорошаго, что совершилось послѣ него въ нашей литературѣ. Какъ бы порадовался онъ поэтическому удару Л. Н. Толстаго, силѣ Островскаго, юмору Пи-

семского, сатирик Салтыкова, трезвой правдѣ Рѣшетникова. Кому-бы, какъ не ему, слѣдовало быть свидѣтелемъ всѣхъ тѣхъ сѣмянъ, изъ которыхъ многія были посѣяны его рукою»?...

Понятная скромность не допускала конечно нашему писателю упомянуть о томъ, какъ порадовался бы Бѣлинскій при видѣ могучаго разцвѣта таланта, который ему пришлось привѣтствовать только на первыхъ порахъ его возникновенія. Какъ удивился бы онъ общему впечатлѣнію «Записокъ Охотнику», анализу «Рудина», щемлящей за душу поэзіи «Аси» «Дворянскаго Гнѣзда», силѣ мысли въ «Наканунѣ». Всего этого не привелось увидѣть Бѣлинскому. «Видно—не слѣдовало»..., скажемъ мы словами Тургенева.

Изъ другихъ знаменитыхъ людей прежней эпохи, Тургеневъ, хотя не надолго, но довольно хорошо сошелся съ Гоголемъ. Болѣе подробныя свѣденія объ этомъ знакомствѣ читатель найдетъ въ первомъ томѣ Салаевскаго изданія и въ разсказѣ Щепкина, помѣщенному въ «Библіот. д. Чтенія» за 1861 г. (№ 8). Для настѣ, какъ бiографа Тургенева, важны тѣ послѣдствія, которыя повлекло за собой его сближеніе съ знаменитымъ родоначальникомъ реальнай школы въ русской литературѣ. Тургеневъ и безъ того восторженно относился къ Гоголю, а личное свиданіе только усилило въ немъ его чувства. Неудивительно поэтому, что смерть Гоголя (въ 1852 г.) страшно поразила впечатлительного Тургенева и онъ написалъ горячій некрологъ великаго писателя, который любопытные тоже могутъ прочесть въ первомъ томѣ Салаевскаго изданія.

Болѣе чѣмъ умѣренная статья предназначалась для одного изъ петербургскихъ журналовъ. Но цензурныя строгости, достигшія своего maximum'а сдѣлали намѣреніе Тургенева неисполнимымъ въ Петербургѣ. Онъ отоспалъ свою статью въ «Московскія Вѣдомости», гдѣ она съ разрѣшеніемъ тогдашняго попечителя московскаго учебнаго округа — гене-

рала Назимова, и была помещена въ № 32 отъ 13-го марта 1852 г. Какъ читатели сами могутъ убѣдиться изъ прочтенія статьи, въ ней «запрещеннаго» нѣтъ и слѣда. Лучшее доказательство—въ Москвѣ въ ней ничего такого не нашли. Но Гоголь почему-то тогда былъ въ «гоненіи» и вотъ отъ чего восторженный некрологъ имѣлъ послѣдствіемъ арестованіе его автора. 16-го Апрѣля того-же года, Тургеневъ за *ослушаніе и нарушение цензурныхъ правилъ* былъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ въ части, а затѣмъ отправленъ на житье въ деревню. Такой сюрпризъ былъ приготовленъ нашему писателю единственно благодаря покойному попечителю петербургскаго округа — Мусину-Пушкину, который увѣрилъ высшее правительство, что призывалъ Тургенева лично и передавалъ ему запрещеніе цензурнаго комитета печатать его статью, для того, чтобы лишить автора возможности представить свое произведеніе на просмотръ другого, болѣе снискодительнаго цензора. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было и Тургеневъ даже въ глаза не видѣлъ Мусина-Пушкина. Но какъ-бы то ни-было, а энтузиазмъ предъ Гоголемъ обошелся нашему беллетристу въ трехгодичное пребываніе въ деревнѣ, такъ какъ онъ только въ началѣ нынѣшняго царствованія получилъ право возвратиться въ столицу.

Въ Апрѣльской книжкѣ «Вѣст. Европы» за 1875 г., въ біографіи Бѣлинскаго составленной г. Пыпиномъ, мы находимъ нѣсколько интересныхъ отзывовъ великаго критика объ Тургеневѣ, интересныхъ тѣмъ, что даютъ указаніе на таکія субъективныя черты нашего беллетриста которыхъ можно прослѣдить въ его произведеніяхъ.

«Тургеневъ очень хороший человѣкъ, и я легко сближаюсь съ нимъ. Въ немъ есть злость, и желчь, и юморъ, онъ глубоко понимаетъ Москву и такъ воспроизводить ее, что я пьяную отъ удовольствія... Т. немного иѣмъ въ томъ смыслъ, какъ и Б.»

Бѣлинскій очень вѣрно подмѣтилъ характеристичныя черты автора «Записокъ Охотника». Дѣйствительно, во всѣхъ

укрытыхъ его произведений есть лицо за которымъ скрывается авторъ и чьими устами онъ высказываетъ юдкія и остроумныя истины. Таковы Пигасовъ и Лежневъ въ «Рудинѣ», тетушка Лизы въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ». Апогей тонкаго юмора Тургенева—это Шубинъ изъ «Наканунѣ». Базаровъ даетъ еще одно доказательство силы и высоты насыщеннаго ума Ивана Сергеевича. Потугинъ въ «Дымѣ» уже не столько остроуменъ, но замѣняетъ это качество жолчью и юдкостью своихъ мизантропическихъ взглядовъ. Всѣ эти лица показываютъ, насколько былъ правъ Бѣлинский въ своей лестной характеристики нашего писателя.

Я нѣсколько сблизился съ Т—вымъ. Это человѣкъ необыкновенно умный, да и вообще хорошій человѣкъ. Бесѣда и споры съ нимъ отводили мнѣ душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всемъ соглашаются съ тобою, или если противорѣчатъ, то не доказательствами, а чувствами и инстинктомъ.— и отрадно встрѣтить человѣка, самобытное и характерное мнѣніе котораго, сшибаясь съ твоимъ, извлекаетъ искры. У Т. много юмору. Я, кажется, уже писалъ тебѣ, что разъ, въ спорѣ противъ меня за пѣмцевъ, онъ сказалъ мнѣ: да что вашъ русскій человѣкъ, который не только шапку, да и мозгъ-то свой носить на бекрень! — Вообще, Русь онъ понимаетъ. Во всѣхъ его сужденіяхъ виденъ характеръ и дѣйствительность. Онъ врагъ всего неопределенного, къ чему я по слабости характера и неопределенности натуры и дурнаго развитія, довольно падокъ.

Въ этомъ отрывкѣ намъ важны слова «онъ врагъ всего неопределенного». Оно намъ послужитъ впослѣдствіи при разборѣ «Отцевъ и Дѣтей» указаніемъ на сколько можно повѣрить искренности ихъ автора, заявляющаго, что большинство мнѣній Базарова—его собственныхъ.

VIII.

Мы приступаемъ къ разбору «Записокъ Охотника». Предъ нами рядъ очерковъ, съ первого взгляда не имѣющихъ между собою ничего общаго и повидимому связанныхъ только чисто-

внѣшнимъ образомъ. Но всмотритесь нѣсколько попристальнѣе, пранализируйте смыслъ каждого отдѣльного очерка и вы убѣдитесь, что имѣете дѣло съ цѣлою эпопею народной жизни; вы увидите, какъ передъ вамиъ умственнымъ взоромъ возстанутъ живыя картины прошлаго, того недалекаго прошлаго, про которое вы, только благодаря быстрымъ успѣхамъ вашей гражданственности за послѣдніе годы, можете сказать: «свѣжо преданіе, да вѣрится съ трудомъ». Но не тѣмъ однимъ дороги для насъ «Записки Охотника», что выставляютъ безобразіе^{на} одного прежняго общественнаго устройства. Онъ не принадлежать къ тому разряду сочиненій, что ограничиваются однимъ выставленіемъ отрицательныхъ сторонъ и навѣваютъ на читателя пессимистическое настроеніе духа тѣмъ, что ничего не даютъ въ замѣнѣ ими порицаемаго. «La critique est ais  e, mais l'art est difficile» сказалъ уже очень давно Буало и потому мы должны признать только половину заслуги за тѣми писателями, которые, сознавъ нелѣпость крѣпостнаго права, дали намъ рядъ произведеній изъ народнаго быта, гдѣ послѣдній поражаетъ насъ своею убогостью. Мало показать общественную язву, мало сдѣлать ее очевидною для всѣхъ; это только часть работы. Нужно еще съумѣть найти въ защищаемомъ элементѣ задатки лучшаго будущаго, нужно показать, что, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, прежніе дурные результаты могутъ замѣниться лучшимъ. Въ нашей литературѣ конца сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ встрѣчается не малое количество произведеній, гдѣ рисуется бѣдственное положеніе крестьянскаго люда, но всѣ онъ грѣшатъ страшною односторонностью. Авторы ихъ, не на столько развиты и не на столько тонкіе наблюдатели, чтобы додуматься до корня вещей, выставляли какихъ-то сладкихъ «пейзановъ», чуть-чуть не напомнившихъ собою блаженные времена господства ложнаго классицизма на абсолютно-чуждой ему русской почвѣ. Возьмемъ для примѣра хотя-бы Григоровича. Онъ одинъ изъ самыхъ видныхъ быто-писателей простонародной жизни. А между тѣмъ его просто-народные повѣсти и романы имѣли

самое эфемерное значение и пережили едва какой-нибудь десятокъ лѣтъ. Никто въ настоящее время не станетъ восторгаться имъ и недавнее второе изданіе его сочиненій нужно исключительно приписать развидшемуся въ послѣднее время вкусу къ легкому чтенію. Что-же касается «Записокъ Охотника» то ихъ съ жадностью будутъ читать и черезъ тридцать лѣтъ, хотя зло, или бичевое, уже давно схвачено достояніемъ. Итакъ, приводяше заимченіе «Записокъ Охотника» въ томъ именно и состоить, что онъ даютъ намъ здоровые, народные типы, прямо выхваченные изъ жизни и не созданные въ угоду какой-бы то ныбило тенденціи. Наряду съ приниженными крѣпостничествомъ личностями, Тургеневъ показываетъ намъ простолюдиновъ съ неисковерканнымъ направленіемъ мыслей. По этому мы можемъ ихъ мнѣнія считать вполнѣ за выраженіе народной мудрости и въ ней почертнуть указаніе на культурное значеніе русскаго народа, на степень его воспріимчивости и способность къ самобытности.

Тургеневъ, хотя приступалъ къ созданію своихъ «Записокъ» съ известною цѣлью, однако-же, не позволилъ себѣ ни малѣйшаго искаженія дѣйствительности. Тутъ всего легче мы можемъ видѣть рѣзкое различіе между истиннымъ художествомъ и тенденціознымъ и между тою пользою, которую привносить каждый родъ творчества для защищаемаго ими одного и того-же дѣла. Тургеневъ написалъ «Записки Охотника» не въ силу того, что по своему теоретическому развитію дошелъ до сознанія ненормальности крѣпостнаго права. Безъ сомнѣнія и это обстоятельство имѣло мѣсто, но оно небыло единственную побудительную причиной. Тургеневъ видѣлъ, что его взглядъ не будетъ натяжкою противъ дѣйствительности, и вотъ почему онъ считалъ себя въ правѣ выставить ее во всей ея неказистости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не полагалъ возможнымъ слѣдовать правилу, по которому цѣль оправдываетъ средства и потому не выставилъ намъ величавыхъ и возвышенныхъ крестьянъ, какъ въ наше время г. Левитовъ, не рисовалъ отчаянныхъ фигуръ Григоровича, не

портилъ однимъ словомъ картины густотою красокъ. Онъ писалъ то, что было возможно писать и такъ какъ оно дозволялось дѣйствительностью. Оттого-то и польза, принесенная «Записками Охотника» дѣлу освобожденія было прочная. Въ тоже время онъ были настолько талантливо написаны, что создали автору репутацію выдающагося художника-беллетриста. И дѣйствительно, «Записки Охотника» во всѣхъ отношеніяхъ первоклассное произведеніе. О величіи проникающей ихъ мысли нечего и говорить; а форма, въ которую она облечена, настолько прекрасна, что мы, кажется, не ошибемся, утверждая, что можетъ быть ни одинъ еще русскій писатель не возвысился до такой красоты эпического описанія, какъ Тургеневъ въ «Бѣжинѣ Лугѣ». По всему этому очерку разлито столько чувства, столько задушевности, что вы невольно должны признать всемогущество истинной поэзіи, изъ весьма обыкновенной вещи умѣющей создать возвышающую картину съ такою поразительною вѣрностю, что вы какъ будто чувствуете себя живымъ зрителемъ, вы какъ будто присутствуете на самомъ дѣлѣ при описываемой сценѣ. Развѣ одинъ Гончаровъ не уступаетъ Тургеневу во «Фрегатѣ Палладѣ» изображеніями картинъ природы, съ почти совершеннымъ, впрочемъ, отсутствіемъ Тургеневскаго хватанія за душу. Бѣлинскій сильно ошибался, ставя талантъ Тургенева на одну ступень съ дарованіемъ Даля. Это совершенно не вѣрно и объясняется только тѣмъ, что геніальный критикъ зналъ лишь очень немногія изъ прозаическихъ произведеній разбираемаго нами автора. Даль — поверхностный рассказчикъ, не вникающій глубоко, въ то время какъ Тургеневъ не многими словами сразу исчерпываетъ все поддающееся воспроизведенію. Въ «Запискахъ Охотника» вы въ одномъ томѣ имѣете предъ собою всю крестьянскую жизнь съ ея печальми и немногими радостями. Вы видите, какъ формируются народныя повѣрія, какъ складываются народныя понятія, какъ образуется однимъ словомъ народное міросозерцаніе. Вы видите долготерпѣніе русскаго народа, его пассивное геройство, его угрюмое добродушіе и мягкое сердце-

чіе. Всматриваясь внимательнѣе вами не трудно замѣтить его смышленность, здравый умъ и способность образоваться. Всѣ эти качества мелькаютъ передъ вами во время чтенія «Записокъ Охотника», и въ концѣ ихъ вы уже имѣете весьма ясное представлѣніе о нравственной физіономіи настоящей «черноземной» силы. Вы начинаете любить эти неказистыя фигуры, потому что подъ непредставительной ихъ наружностью кроется богатѣйший занасъ природныхъ силъ. Наряду съ ними авторъ выставляетъ вамъ и типы не угнетенного сословія. Но какое-же горькое разочарованіе васть при этомъ ожидаетъ! Вы думаете встрѣтить людей, достигшихъ вслѣдствіе образованія умственного развитія, вы полагаете въ нихъ видѣть естественныхъ руководителей народа. Но нѣтъ! Предъ вами открывается рядъ личностей, настолько испорченныхъ своимъ исключительнымъ положеніемъ, что только послѣднимъ обстоятельствомъ можно ихъ нѣсколько извинить и не считать воплощеніемъ наглостью и мерзостью. Вотъ въ томъ именно состоится одна изъ самыхъ вредныхъ сторонъ дурнаго общественнаго устройства, что оно внушаетъ людямъ, находящимся подъ его режимомъ, чувства довольства настоющими положеніемъ и считанія себя образцемъ добродѣтели и порядочности. Эти близорукія личности не пропащ даже похвастать своими прекрасными качествами и будутъ называть недобросовѣстнымъ всякого, кто позволитъ себѣ усомниться въ справедливости подобного утвержденія. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ на господина Звѣркова изъ^{*} разсказа «Ермолай и Мельничиха». Этотъ субъектъ разсказываетъ автору исторію нѣкой крестьянской дѣвки Арины съ такими возмутительными подробностями, что право не знаешь чему болѣе удивляться: его-ли наивности или безобразію порядка вещей, внушающаго подобная воззрѣнія.

«Вы вѣдь знаете» говоритъ онъ, «что у меня за жена. Кажется добрѣе я найти трудно, согласитесь сами. Горничнымъ ея дѣвушкамъ не жить — просто рай вочію совершается..... но моя жена положила себѣ за правило: замужихъ горничныхъ не держать, оно и точно не годится: пойдутъ дѣти, то сѣ — ну гдѣ-же тутъ горничной присмотрѣть за барышней, какъ слѣдуетъ,

наблюдать за ея привычками: ей ужъ не до того, у ней уже не то на умѣ
Надо по человѣчеству судить».

Покамѣсть, какъ видитъ читатель, все обстоитъ благополучно. Въ самомъ дѣлѣ, что-же тутъ особеннаго? Всякій имѣеть право стремиться устроиться самыи удобнымъ образомъ. Но не въ вышеприведенной выпискѣ заключается суть разсказа. Тотъ-же самый воплощенный ангелъ—госпожа Звѣркова видитъ проѣздомъ крестьянскую дѣвочку, послѣдняя ей нравится, она ее беретъ въ Петербургъ къ себѣ въ горничныя. Дѣвочка дѣлается отличной горничной и служить уже своей барынѣ самыи удовлетворительнымъ образомъ около десяти лѣтъ.

«Вдругъ» продолжаетъ господинъ Звѣрковъ, «въ одно прекрасное утро, вообразите себѣ, входить Арина — ее Ариной звали — безъ доклада ко мнѣ въ кабинетъ, — и бухъ въ ноги.... Я этого, скажу вамъ откровенно, терпѣть не могу. Человѣкъ никогда не долженъ свое достоинство терять, не права-ли? (sic). — Чего тебѣ? — Батюшка, Александръ Силычъ, милости прошу» — Какой? — «Позвольте выйти замужъ». — Я, признаюсь вамъ, удивился. — Да ты знаешь, дура, что у барыни другой горничной ишту? — «Я буду служить барынѣ по прежнему» — Вздоръ, вздоръ! барыня замужнихъ горничныхъ не держить. — «Маланья на мое мѣсто поступить можетъ». — Прошу не разсуждать! — «Воля ваша....» Я признаюсь, такъ и обомлѣлъ. Доложу вамъ, я такой человѣкъ: ничто меня такъ не оскорбляетъ, смѣю сказать, такъ сильно не оскорбляетъ, какъ неблагодарность.... Вѣдь вамъ говоришь нечего — вы знаете что у меня за жена: ангелъ во плоти, доброта неизъяснимая.... Кажется, злодѣй и тотъ-бы ее пожалѣлъ. Я прогналъ Арину. Думаю, авось опомнится, не хочется, знаете-ли, открытии злу, черной неблагодарности отъ человѣкъ. Что-же вы думаете? Чрезъ полгода она опять позволить жаловать ко мнѣ-сь тою-же самою просьбою. Тутъ я, признаюсь, ее съ сердцемъ прогналъ и погрозилъ ей, и сказать желѣ обѣщался. Я былъ возмущенъ.... Но представте себѣ мое изумленіе: нѣсколько времени спустя приходитъ ко мнѣ жена, въ слезахъ, взволнована такъ, что я даже испугался. — Чтѣ такое случилось? — «Арина». Вы понимаете.... Я стыжусь выговорить. — Быть не можетъ? — Кто- же? — «Петрушка лакей». Меня взорвало.... Я такой человѣкъ.... полумѣръ не люблю.... Петрушка не виновать. Наказать его можно, но онъ по моему не виноватъ. Арина.... Ну, что-жъ, ну, ну что-жъ тутъ еще говорить? Я, разумѣется, тотчасъ-же приказалъ ее остричь одѣть въ затрапезъ и сослать въ деревню. Жена моя лишилась отличной горничной, но дѣлатъ было нечего: безпорядокъ въ домѣ терпѣть, однакоже,

нельзя. Большой членъ лучше отсѣчь разомъ.... Ну, ну, судите теперь сами, — ну, вѣдь вы знаете мою жену, вѣдь это, это.... *наконецъ ангелъ!* Впѣдь она, привязалась къ Аринѣ, и Арина это знала и не постыдилась.... А? нѣтъ, скажите, а? Да что тутъ толковать! Во всякомъ случаѣ дѣлать было нечего. Меня-же, собственно меня надолго огорчилѣ, обидѣла неблагодарность этой дѣвушки. Чѣмъ ни говорите.... сердца, чувства — въ этихъ людяхъ не ищите! Какъ волка, не корми, онъ все въ лѣсѣ смотритъ.... Впередъ наука! Но я желалъ только доказать вамъ....

А желалъ господинъ Звѣрковъ доказать, что разговоры молодыхъ людей о переустройствѣ соціальныхъ отношеній въ Россіи не основательны, такъ какъ крестьяне не на столько еще возвышенны, чтобы къ нимъ можно было бы примѣнить гуманную идеи, вычитанныя изъ немецкихъ книжекъ. Неправда-ли, блестяще доказано? Въ самомъ дѣлѣ, не возмутительно-ли? Какаянибудь Арина и та тоже замужъ хочетъ выходить, когда это неудобно для е барыни, къ тому еще такой доброй, сущаго ангела во плоти. Не нужно забывать, что Звѣрковъ совсѣмъ не помѣшилъ *à la* Коробочка или Собакевичъ. Нѣтъ, онъ уснащаетъ свою рѣчъ разными сентенціями; доказывающими, что и мы моль имѣемъ понятіе о «матеріяхъ высшихъ». «Человѣкъ никогда не долженъ забывать свое достоинство», высокопарно выражается Звѣрковъ, желая очевидно внушить своему собесѣднику, что принадлежитъ къ числу людей, философски развитыхъ. Не считайте насъ, дескать, обскурантами. И такой-то самый не отсталый человѣкъ приводитъ какъ сильнѣйшій аргументъ для отклоненія просьбы Арины о разрѣшениі выйти замужъ «развѣ, ты дура не знаешь, что у барыни другой горничной нѣтъ». Но его мнѣнію, это также убѣдительно и не опровергнмо, какъ въ нашихъ глазахъ истина о томъ, что дважды два равно четыремъ.

Было-бы нѣсколько смѣшно и несвоевременно, если-бы мы разразились теперь филиппикою противъ крѣпостнаго права. Всякій имѣль-бы права назвать наше негодованіе заднимъ числомъ анохронизмомъ. Но отъ одного замѣчанія мы не можемъ удержаться. Мы этимъ еще разъ докажемъ безхарактерность нашей интеллигенціи, неспособность ея

создать что нибудь прочное, до чего-нибудь самой дойти и постоянный разладъ въ ея существованія теоріи съ практикою. Мы хотимъ констатировать нелестное отсутствіе послѣдовательности въ нашихъ образованныхъ людяхъ, хотя въ разбираемомъ случаѣ оно только къ добру послужило. Но дѣло въ томъ, что непослѣдовательная въ злѣ, наша интелигенція не оставляетъ этого основнаго качества своего и въ хорошихъ начинаніяхъ и потому ничего не доводить до конца. Всюду вы натыкаетесь на компромиссы, на желаніе угодить и мамонѣ и высшимъ идеальнымъ требованіямъ, на ту оригиналную смѣсь, однимъ словомъ французского съ нижегородскимъ или пожалуй даже съ татарскимъ, что сдѣлала такъ удобнымъ примѣненіе къ нашей интелигенції пословицы «ни Богу свѣча, ни чорту кочерга».

Крѣпостное право существовало не въ одной Россіи. Оно было еще не особенно давно во Франціи, совсѣмъ недавно въ Германіи. Но какой отличный характеръ оно тамъ носило.

Во Франціи дворянство было развращено до мозга костей, деморализація достигла такой степени, что французское общество должно было пасть вслѣдствіе собственной вины, вслѣдствіе внутренняго разложенія и невозможности дальнѣйшаго оформленнаго существованія. Крѣпостничество достигло безобразія среднихъ вѣковъ и вообще дошло до состоянія, при которомъ мы на него можемъ взирать не съ негодованіемъ, а только съ ужасомъ и отвращеніемъ. Такого рода положеніе дѣлъ, если и приводить въ содроганіе друга человѣчества, то оно, все таки естественно вытекаетъ изъ сопутствующихъ обстоятельствъ, оно является неизбѣжнымъ результатомъ ненормального порядка. Поэтому мы вполнѣ понимаемъ жантильона временъ Маріи Антуанеты, трактующаго въ салонахъ объ идеяхъ Руссо, и затѣмъ самымъ феодальнymъ образомъ расправляющагося со своими крестьянами и не желающаго выпускать изъ рукъ пользованія ими, какъ дающаго возможность вести тунеядную жизнь. Вокругъ него все такъ стоять внизъ головою, что его участіе въ этомъ

необыкновенномъ положеніи не можетъ быть ему особенно поставлено въ вину. Наконецъ, вѣдь онъ прекрасно сознаетъ, что поступаетъ не безукоризненно, онъ-же понимаетъ и чувствуетъ прегрѣшнія своего поведенія, но развращенность его такъ велика, что онъ не стѣсняется жертвовать совѣстю въ угоду своимъ неблагороднымъ стремленіямъ; онъ находится въ положеніи мошенника, знающаго, что его дѣйствія наказуемы, но тѣмъ не менѣе ничуть не намѣренного прекратить выгодное для него ремесло. И такъ французскій обладатель крестьянъ прошлого столѣтія логиченъ въ своей развращенности, и мы не имѣемъ никакого права назвать его безхарактернымъ. У него послѣдовательность сознательнаго грабителя.

Нѣмецкій юнкеръ грубъ и необразованъ. Слѣдовательно отъ него нечего требовать гуманнаго отношенія къ крестьянамъ. Романы Шпильгагена съ достаточнou ясностью намъ показываютъ всю некультурность нѣмецкаго дворянства, его отчужденность отъ общаго развитія, которая въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія допускаетъ считать предъсудительнымъ драться съ бургеромъ. Нѣмецкое юнкерство и дворянство вообще ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо интеллигенциею своего народа. По этому мы къ нему должны быть менѣе строги, если будемъ говорить объ его отношеніяхъ къ крѣпостному праву. Оно во всякомъ случаѣ неможеть считаться особенно причастнымъ дѣлу образованія своей страны, его умственныя и нравственные понятія часто запоздалы на цѣлое столѣтіе и еще въ огромномъ большинствѣ то нѣмецкое юнкерство, которое съ страшною непріязнью взираетъ на распространеніе гражданственности въ Германіи, съ ея нивелирующимъ направленіемъ. Неудивительно теперь, что если въ подобныхъ субъектахъ нѣть недостатку въ семидесятыхъ годахъ, то въ сороковыхъ они были нормою и люди противныхъ убѣжденій, Ольденбурги и Церены, были болѣе чѣмъ рѣдкость. Если юнкеръ считаетъ ниже себя всякого образованнаго человѣка, когда тотъ не обладаетъ досто-должнымъ спискомъ благородныхъ предковъ, то нечего уже и

говорить объ отношеніи къ крестьянину. Онъ его считаетъ только на половину человѣческимъ существомъ и, подражая обычаю сувереновъ, выдумалъ даже ни въ какомъ другомъ, кромѣ нѣмецкаго, языкѣ не существующее обращеніе къ нему въ третьемъ лицѣ. Нѣмецкое дворянство, вообще, имѣеть еще въ себѣ такъ много архаичнаго, что его воззрѣнія могутъ настъ занимать какъ курьезъ, но никакъ не больше.

Совершенно другое мы имѣемъ въ русскомъ дворянствѣ. Въ Россіи оно всегда первое воспринимало образованность; и понятіе о русской интеллигентіи неразрывно съ нимъ связано. Всѣ наши «движенія», всѣ наши «направленія» и «вѣянія» до самаго послѣдняго времени пополняли контингентъ своихъ приверженцевъ почти исключительно изъ однихъ дворянъ. Даже самыя демократическія волненія производились у насъ людьми привилегированнаго сословія. Не даромъ-же говорили про декабристовъ, что во Франціи крестьяне возстаютъ, чтобы сдѣлаться господами, а у насъ дворяне бунтуются, чтобы крестьянъ сдѣлать панами. И нигилисты начала шестидесятыхъ годовъ, какъ остроумно выразился г. Михайловскій, были все больше «кающіеся дворяне». Добродушная славянская натура небыла настолько испорчена вѣковою привилегированностью, чтобы потерять свои человѣческіе инстинкты. По этому мы не часто наталкиваемся на случаи звѣрскаго обращенія съ крестьянами. Но сплошь да рядомъ вы встрѣчаете возмутительные поступки нашихъ помѣщиковъ, не потому возмутительные, чтобы они особенношли въ разладъ съ обыденною нравственностью. Нѣть, настъ возмущаетъ, что они продѣлываютъ людьми, далеко не отсталыми отъ общаго прогрессивнаго движенія, людьми часто радикальными въ теоретическихъ спорахъ. Тургеневъ видно тоже проникся этою мыслію и потому не выставилъ намъ какихъ нибудь изверговъ - помѣщиковъ, на манеръ Салтичихи прошлаго столѣтія. Онъ понялъ, что гораздо полезнѣе будетъ для защищаемаго имъ дѣла выставить обыкновенную всероссійскую натуру, которая отъ долгой власти начинаетъ терять прекрасныя стороны своей шири. Возьмемъ хотя-бы

того-же Звѣркова. Онъ даже знаетъ кое-что о человѣческомъ достоинствѣ, онъ разсуждаетъ о своевременности или несвоевременности крестьянскаго освобожденія, онъ человѣкъ не злой и вдругъ у него является вполнѣ логичнымъ не выдавать Арину замужъ изъ за того, что барыня останется безъ горничной. Объяснить подобное обстоятельство можно только нашею безхарактерностью, недостаточнымъ обладаніемъ послѣдовательностью. Будь крѣпостникомъ на средневѣковый манеръ и прекрасно! Покрайней мѣрѣ мы тогда знаемъ съ кѣмъ имѣемъ дѣло и намъ нечего особенно много церемониться съ такими личностями. Но гермафродиты въ родѣ господъ Звѣрковыхъ могутъ возбудить только досаду. Какъ ни велики ихъ прогрѣшенія противъ крестьянъ, они все-же не могутъ вызвать нашего негодованія. Слишкомъ мелки, мизерны они для этого. Негодованіе можетъ возбудить какой-нибудь энергичный негодяй, но мелкая дрянность производить только чувство гадливости. Въ слѣдующихъ произведеніяхъ Тургенева мы не разъ будемъ поставлены въ печальную необходимость констатировать безхарактерность нашихъ образованныхъ людей. Въ «Запискахъ-же Охотника» мы имѣемъ дѣло съ экземплярами низшей пробы. Если безхарактерны Рудины, то разные Гамлеты Щигровскаго уѣзда и Звѣрковы почти не должны быть удостоены этого названія. Мы только хотѣли показать въ Звѣрковѣ обыденнаго *faute de mieux* образованнаго и не злаго человѣка, который въ силу безалаберности русской натуры совмѣщаетъ въ себѣ весьма разнородныя стремленія.

На Звѣркова нѣкоторые могутъ смотрѣть какъ на человѣка, не особенно интеллигентнаго. Онъ нѣсколько смахиваетъ на помѣщика если не Екатериненскихъ временъ, то, по крайней мѣрѣ, Александровскихъ. Но вотъ не угодно ли вамъ полюбоваться на человѣка самой новѣйшей (для своего времени понятно) формациі—Аркадія Павлыча Пѣночкина (изъ разсказа «Бурмистръ»), гвардейскаго офицера въ отставкѣ. Онъ получилъ отличное воспитаніе, устроилъ свой домъ на самый европейскій манеръ, слуги у него одѣты по англійски,

однимъсл овомъ, что твой ланкастерскій лордъ-помѣщикъ. «Аркадій Петровичъ» говоря его собственными словами, «строгъ, но справедливъ, о благѣ подданныхъ своихъ печется и наказываетъ ихъ для ихъ-же блага». «Съ ними надобно обращаться къѣ съ дѣтьми» говорилъ онъ въ такомъ случаѣ:— «невѣжество, mon cher, il faut prendre cela en considération». Въ послѣднихъ словахъ уже слышится столь свойственная намъ смѣсь французского съ нижегородскимъ. Къ фешенебельному англичанину примѣшивается древній бояринъ, но къ сожалѣнію появляющейся не въ допетровскомъ архалукѣ и не съ допетровскою рѣчью, а перетянутый по послѣдней модѣ и излагающей свою доморощенную философію, имѣющую въ основе расширение своей собственной мошны, на самомъ изящнѣйшемъ парижскомъ діалектѣ. Въ первомъ случаѣ вы, долго не церемонясь, можете повернуться къ своему собесѣднику спиною и перестать съ нимъ говорить или пустить ему нѣсколько крѣпкихъ словечекъ, не рискуя вызвать съ его стороны протеста на подобное обращеніе. Съ господиномъ-же Пѣночкинымъ вамъ приходиться плохо: кровь ваша кипитъ негодованіемъ, вы готовы ему швырнуть что-нибудь въ физіономію, да нѣтъ нельзя! Потому имѣешь дѣло съ европейцемъ. Ну, а куда, къ Европѣ или къ глубинѣ монгольскихъ степей отнесите вы слѣдующую сцену?

«Позавтракавши плотно и съ видимымъ удовольствіемъ, Аркадій Павлычъ налилъ себѣ рюмку краснаго вина, поднесъ ее къ губамъ и вдругъ нахмурился.

— Отчего вино не нагрѣто? спросилъ онъ довольно рѣзкимъ голосомъ одного изъ каммердинеровъ.

Каммердишеръ смѣшался, остановился, какъ вкопанный и поблѣдѣлъ.

— Вѣдь, я тебя спрашиваю, любезный мой? спокойно продолжалъ Аркадій Павлычъ, не спуская съ него глазъ.

Несчастный каммердишеръ помялся на мѣстѣ, покрутилъ салфеткой и не сказалъ ни слова. Аркадій Павлычъ потупилъ голову и задумчиво посмотрѣлъ на него изъ подлобья.

— Pardon mon cher, промолвилъ онъ съ пріятной улыбкой, дружески коснувшись рукой до моего колѣна, и снова уставился на своего каммердинера.

— Ну ступай, прибавилъ онъ послѣ небольшаго молчанья, поднялъ брови и позвонилъ.

Вошелъ человѣкъ толстый, смуглый, черноволосый, эъ низкимъ лбомъ и совершенно заплывшими глазами.

— На счетъ Федора...., распорядиться, проговорилъ Аркадій Павлычъ въ полголоса и съ совершеннымъ самообладаніемъ.

— Слушаюсь, отвѣчалъ толстый и вышелъ.

— Voilà, mon cher, les désagréments de la campagne, весело замѣтилъ Аркадій Павлычъ.

Вы понимаете, какъ распорядились съ каммердинеромъ. И это за ненагрѣтую рюмку вина! Повѣритъ-ли современный Пѣночкину западный человѣкъ возможности подобнаго со-вмѣщенія европеизма съ такими древне-фараонскими замашками. Если-бы еще приказаніе «распорядиться» съ Феодоромъ было отдано на единъ съ управляющимъ. Ну мы, тогда бы и знали, что Пѣночкинъ мерзкій и злой человѣкъ. А то нѣтъ! Въ присутствіи чужаго лица, даже не особенно хорошо знакомаго, помѣщикъ щеголяющій своею образованностью и современностью, не стѣсняется выкинуть колѣнце средневѣковаго необузданнаго феодала, весь вѣкъ свой проведшаго въ своемъ замкѣ или на большой дорогѣ. Заговорите съ этимъ-же самимъ господиномъ обѣ энциклопедистахъ и онъ уже, по всей вѣроятности, найдетъ ихъ порядочно поотсталыми отъ общаго прогрессивнаго движенія, скажетъ вамъ, что для *«нашего»* времени требуется что-нибудь поновѣе, погуманиѣе и по либеральнѣе. Совѣсть его абсолютно чиста. Онъ даже нѣкоторымъ образомъ считаетъ себя благодѣтелемъ своихъ крестьянъ и павѣрное, когда рѣчь зайдетъ обѣ эманципації, найдетъ ее совершенно лишнею при существованіи людей, озабоченныхъ благополучіемъ принадлежащихъ имъ крѣпостныхъ. Такіе люди, какъ Пѣночкинъ не перевелись еще до настоящаго времени. Вы еще найдете въ журнальныхъ рецензіяхъ «Русскаго Мира» критиковъ, радующихся каждый разъ, когда гдѣ-либо появляется романъ или повѣсть изъ прежняго времени, гдѣ крѣпостное право рисуется въ самомъ розовомъ свѣтѣ патріархальности, какъ милый и симпатичный ингредіентъ «доброго, старого времени», когда никакіе еще либеральные крикуны не смущали общественнаго покоя воплями обѣ уничтоженія поработленія человѣческаго существа ему-же

подобнымъ. Если въ 1874 г. разные Лѣсковы и схожіе съ нимъ беллетристы блестящей «плеяды» «Русскаго Вѣстника» не стыдятся выставить себя на публичное позорище и посмѣяніе своимъ опоэтизированіемъ крѣпостничества, то нечего и говорить, что въ сороковыхъ годахъ Пѣночкины составляли массу и съ олимпійскимъ величиемъ взирали на дерзавшаго усомниться въ полной законности и rationalности привилегій небольшой кучки жить трудомъ цѣлаго народа и руками угнетеннаго сословія строить себѣ храмъ одного своего-лишь личнаго благоденствія, въ ущербъ таковому же состоянію миллионовъ ни въ чемъ не виноватыхъ людей, силою невыгодно сложившихся историческихъ условій принужденныхъ не пользоваться плодами своей вѣковой работы и своего естественнаго положенія въ обществѣ людей, наравнѣ съ другими классами, его составляющими. Разные Звѣрковы и Пѣночкины считали себя выше и въ умственномъ и нравственномъ отношеніи порабощенныхъ имъ крестьянъ, но какъ-же страшно они въ этомъ ошибались! Мы увидимъ дальше, при разборѣ народныхъ типовъ «Записокъ Охотника», какая глубокія сокровища натуры таить въ себѣ русскій народъ. Теперь-же мы нѣсколько займемся «хорошими» людьми изъ привилегированнаго сословія и покажемъ на сколько и они граждански непригодны и недостойны стоять выше по общественному положенію.

Вотъ передъ нами Петръ Петровичъ Каратаевъ. Человѣкъ довольно симпатичный и не глупый. А что изъ него вышло? Трактирный засѣдатель, пьющій мертвую. И его не миновала общая участь хорошихъ русскихъ людей. И онъ пьетъ запоемъ. Но даже охваченный этой страстью, онъ не забываетъ свои прежнія хорошія стремленія, въ немъ натура осталась неиспорченной; онъ въ состояніи до крайности увлечься игрою Мочалова въ «Гамлетѣ», а это много значить. Это показываетъ, что въ немъ не уснули его благородные инстинкты, что забытая жизнь его можетъ быть есть только проявленіе возвышенности его натуры. Бѣ самомъ дѣлѣ, развѣ въ безграничномъ разгуль не видна часто страстная натура, не

направленная куда слѣдуетъ. Развѣ въ этой вѣчной погонѣ за смѣною ощущеній не проглядываетъ человѣкъ богато-одаренный, но не имѣвшій случая стать полезнымъ членомъ общества? Русская широкая натура требуетъ себѣ простора, ей нужно такое поле дѣятельности, гдѣ - бы ни что не препятствовало ей сказаться во всей своей удали, во всемъ своемъ стремлениіи ничѣмъ не стѣсняться. Сколько даровитыхъ людей на Руси, возбуждавшихъ самыя обширныя надежды, кончали жизнь свою кабацкими засѣдательями, потому что ни окружающая ихъ обстановка давала имъ возможность устроить свою жизнь, какъ слѣдуетъ, ни въ нихъ самихъ было достаточно дрессировки, необходимой для, того, чтобы стать полезными гражданами своей страны. Трактирное засѣдательство Каратаева тѣмъ болѣе не должно насть смущать, что казусъ этотъ случился во времена материальной обезпеченности нашего дворянства, когда только особенно уже энергичные люди старались объ улучшениіи своихъ средствъ, помимо сдираанія шкуръ со своихъ крестьянъ. Каратаевъ до тридцати, до сорока лѣтъ жилъ себѣ въ свое удовольствіе, не помышляя ни о чемъ такъ какъ въ этомъ не представлялось рѣшительно никакой необходимости. И вдругъ обстоятельства его запутываются, онъ лишается своего наследственного имѣнія. Куда ему дѣться? На службу не хочется идти: кому же, въ самомъ дѣлѣ, охота въ половинѣ жизни начинать мелкую канцелярскую дѣятельность? Для предпріятій торговыхъ средствъ нѣтъ, да и гордость дворянская не допускаетъ унизиться до купца. Вотъ и приходиться спустить свои прежнія грандіозныя требованія и, какъ нерѣдко бываетъ на Руси, не найти ничего унизительнаго въ роли живущаго на чужомъ иждивеніи субъекта. Замѣчательное явленіе! Приживательство въ прежнее время никогда не считалось особенно унизительнымъ! Въ приживателей и приживалокъ шли очень часто дворяне, даже люди образованные (напр. Гамлетъ Щигровскаго Уѣзда) и никого этотъ фактъ не возмущалъ особенно. Оно было такимъ обыденнымъ явленіемъ, что никто не обращалъ на него вниманія, не говоря уже о критическомъ къ нему отношеніи.

Мы знаемъ изъ древней исторіи, что во времена страшнаг развитія роскоши и разврата въ Римѣ тамъ существовали цѣлый полчища такъ называемыхъ паразитовъ, жившихъ на счетъ патроновъ своихъ. Но за то кто-же и пополнялъ собою контингентъ этихъ лизоблюдовъ, кроме самыхъ грязныхъ поддонковъ той массы не чистыхъ элементовъ, которые были вызваны на свѣтъ небывалымъ скопленіемъ могущества и силы въ рукахъ единичныхъ личностей? У насъ-же на Руси приживательство хотя тоже было порождено благосостояніемъ дворянскаго сословія, все-же носило отличный отъ паразитизма характерь. Паразитъ служилъ для увеселенія своего патрона, онъ долженъ былъ пѣть ему хвалебныя пѣсни, изъ нихъ богатые патриціи формировали своихъ политическихъ приверженцевъ. У насъ приживальщики тоже нерѣдко предназначались для увеселенія дающего имъ хлѣбъ барина, но за то попадались и такие, которые, состоя въ должности нахлѣбника, ничуть не теряли чувства собственного достоинства, и что всего удивительнѣе, оставались часто прекрасными людьми. Вотъ хотя-бы тотъ-же Каратаевъ.

Въ странномъ явленіи подобного неестественнаго комбинированія униженности съ неиспорченностью видень, между прочимъ, не высокій уровень нашей цивилизациі, неясность отвлеченнаго міросозерцанія, потому что глубокая развращенность является только у народа, очень высоко стоящаго въ культурномъ отношеніи. Испорченность нравовъ, какъ доказалъ еще Женевскій философъ прошедшаго столѣтія, есть неизбѣжное слѣдствіе всякаго благоустроенного состоянія какого-нибудь народа и рафинированный мошенникъ, оскорбляющій насъ до глубины души, возможенъ только въ цивилизованномъ государствѣ. Возможность-же совмѣщенія такихъ самыхъ разнородныхъ качествъ, какъ нахлѣбничество съ неиспорченностью характера, доказываетъ малое распространение въ обществѣ сороковыхъ годовъ понятій объ истинномъ человѣческомъ достоинствѣ, а это-ли не признакъ необразованнаго общества?

Если на Каратаевѣ еще не такъ ясно доказывается не-

культурность или малая культурность большей части даже высшихъ классовъ сороковыхъ годовъ, то уже Гамлетомъ Щигровскаго Уѣзда, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, мысль наша подкрѣпляется самыемъ неопровержимымъ образомъ.

Интересное явленіе представляетъ собою Гамлетъ Щигровскаго Уѣзда! Это человѣкъ не глупый, съ хорошимъ образованіемъ, но, какъ онъ самъ про себя выражается «я тоже заѣденъ рефлексіею, непосредственнаго во мнѣ нѣть ничего». И это-то самая рефлексія, неоригинальность есть причина его дрянности. Онъ можетъ идти только по протоптанной уже до него дорожкѣ и на перекресткѣ нѣсколькихъ путей не знаетъ, что ему дѣлать: онъ не привыкъ поступать самостоятельно, не по указочкѣ. Положимъ, въ немъ сидитъ еще на столько честности и ума, чтобы самому дойти до сознанія своей непригодности. Но много-ли въ этомъ толку— зло этимъ не устраниется. Оно ему не только не полезно, не только не прогоняетъ дурныя мысли, но напротивъ того служить, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы навести на него тоску и, какъ онъ выражается, смириться, хотя смириться философски; путемъ размышленія достигнуть того, чтобы сказать самому себѣ: ты никуда не годенъ, ты бесполезное существо, даромъ небо коптящее; твое дѣло шляться по сосѣдямъ и быть у нихъ нахлѣбникомъ. Какое намъ дѣло, что онъ относительно стоитъ тремя головами выше всѣхъ этихъ самихъ сосѣдей своихъ! На что оно ему когда образованіе и развитіе не помогли ему поставить себя какъ слѣдуетъ въ глазахъ этихъ-же, необразованныхъ сосѣдей, а главное въ своихъ собственныхъ глазахъ. Бѣдность его тутъ не причемъ. При полукультурности своей Россія сороковыхъ годовъ побаивалась и питала большой «решпектъ» къ образованію и немногочисленные обладатели его всегда могли разсчитывать на хорошее, почетное общественное положеніе. Вотъ и Гамлетъ, первое время послѣ возвращенія своего изъ прибыванія въ германскихъ университетахъ пользовался изряднымъ уваженіемъ. Но приглядѣвшись къ нашему умнику, смѣтливые сосѣди мескнули, что птица-то не особенно важнаго полета. Малое

выучиться энциклопедії Гегеля. Надо еще съумѣть и въ жизни себя поставить сообразно своему философскому развитію.

«Милостивый государь! воскликнулъ онъ (Гамлетъ), я того мнѣнія, что вообще однимъ оригиналамъ житье на землѣ; они одни имѣютъ право жить. Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre сказалъ кто-то. Что мнѣ въ томъ, что у тебя голова велика и умѣстительна и что понимаешь ты все, много знаешь, за вѣкомъ слѣдишь, — да своего-то особенного, собственного у тебя ничего нѣтъ! Однимъ складочнымъ мѣстомъ общихъ мѣсть на свѣтѣ больше — да какое кому отъ этого удовольствіе? Нѣтъ, ты будь хоть глупъ, да по своему. Запахъ свой импъ, свой собственный запахъ, вотъ-что!»

«Гамлетъ Щигровского уѣзда» носить характеръ совершенно отличный отъ другихъ очерковъ, составляющихъ «Записки Охотника». Онъ представляетъ собою болѣе или менѣе ясно выраженный взглядъ самого Тургенева на породу русскихъ гегеліянцевъ сороковыхъ годовъ, онъ болѣе можетъ быть рассматриваемъ какъ философская статейка, не жели какъ художественная картина. По этому очерку этотъ намъ важенъ какъ материалъ для характеристики міросозерцанія автора. Устами «Гамлета» высказываются истины, во многомъ раздѣляемые, полагать надобно и Тургеневымъ. Въ тоиъ «Гамлете Щигровского Уѣзда» слишкомъ много живости, чтобы не видѣть за кулисами беллетриста нашего, въ мѣткой и ѳдкой характеристицѣ желавшаго выставить недостатки прежняго чисто-головнаго и теоретического направленія нашей интеллигентціи. Оригинальную въ самомъ дѣлѣ общественную формацию представляютъ собою русские гегеліянцы сороковыхъ годовъ! Эти люди были обречены на самую печальную участъ: постоянно носить въ себѣ элементы страшнаго раздвоенія. Какъ Янусы новѣйшаго времени, они вамъ представлялись съ одной стороны высокоразвитыми европейцами, а съ другой показывали такія чисто-русскія наклонности, что оставалось только развести руками и сознаться въ невозможности логическими путемъ объяснить происхожденіе подобнаго типа. Что такое въ самомъ дѣлѣ русскій гегеліянецъ? Какіе его органические признаки? Чѣмъ онъ отличается отъ преъидущихъ и послѣдующихъ эпохъ? Въ чёмъ его культурное значеніе

для русской цивилизаци? Отвѣтъ на эти вопросы не совсѣмъ легко во первыхъ потому, что еще ни одинъ русскій гегеліанецъ не дошелъ до полнаго пониманія самого себя, а во вторыхъ гегеліанство проявлялось въ такихъ разнообразныхъ формахъ, что очень часто является дѣломъ едва возможнымъ очистить отъ иного всероссійскаго субъекта толстую кору различныхъ вѣяній, чтобы добраться до сущности его натуры.

Не особенно любящій думать русскій человѣкъ, болѣе склонный чувствовать, чѣмъ размышлять, съ жадностью схватился за нѣмецкую философію начала нынѣшняго столѣтія. Во всякомъ изъ представителей нѣмецкаго умозрѣнія онъ находилъ привлекательныя для себя черты. Но болѣе всѣхъ привились русской интеллигентіи Шеллингъ и Гегель. И понятно отчего. Шеллингъ своимъ полуумечтательнымъ взглядомъ на вещи приходился какъ нельзя болѣе подъ стать мягкой славянской, и въ частности поэтической русской натурѣ. «Хорошимъ» русскимъ людямъ пріятно было найти опору своимъ неопределѣленнымъ стремленіямъ въ патентованномъ представителѣ европейской мысли. Наибольшимъ успѣхомъ Шеллингъ пользовался въ московскихъ кружкахъ, очень впечатлительныхъ и отзывчивыхъ на возвышенныя воззрѣнія и стремленія. Въ холодномъ Петербургѣ Шеллингу менѣе повезло. Но вотъ на смѣну ему является Гегель и всецѣло завладѣваетъ какъ московской, такъ и петербургской интеллигенціею. Увлечение Гегелемъ носитъ совершенно отличный отъ шеллингизма характеръ. Къ Шеллингу относились одобрительно, ему были очень рады, какъ подкѣплявшему своимъ авторитетомъ несмѣлую теорію нашихъ образованныхъ людей тридцатыхъ годовъ. Но все-же онъ не удовлетворялъ всѣхъ. Если и въ Западной Европѣ долго господствовала погоня за безусловной истиной, то намъ, очень некрѣпкимъ въ мышлѣніи, и подавно было къ лицу измышлять средства къ ея нахожденію. Эта самая некрѣпость заставляла и заставляетъ насъ часто еще до сихъ поръ вѣрить во всякого смѣльчака, который искренно или неискренно является и громко про-

возглашаетъ, что въ его-то именно лавочкѣ и продаётся самая что ни на есть истинная истина. Всѣ наши движенія и вѣянія всегда носятъ абсолютистскій характеръ и, отрицая одинъ авторитетъ, мы немедленно-же переходимъ подъ начало другого, и попадаемъ такимъ образомъ изъ кулька въ рогожку. При этомъ мы часто находимъ безусловную истину въ мыслителяхъ и не думавшихъ провозглашать свое ученіе за безгрызное. Авторитетъ—вотъ идолъ, которому мы поклоняемся вслѣдствіе вѣковой привычки быть постоянно держиму на помочахъ. Что-же уже и говорить, когда даже у разсудительныхъ сыновъ Германіи явился человѣкъ, который съ высоты своего философскаго величія объявилъ себя владѣтелемъ истины и призналъ невозможность ея существованія внѣ его системы. Если собаку съѣвшіе въ философіи Нѣмцы подумали, подумали, да пошли въ подданство Гегелю, то нечего и говорить, что наши умники, даже не пикнувъ, провозгласили безъ всякихъ разговоровъ: велика истина, а Гегель пророкъ ея. Абсолюты гегелевскія имѣли еще то обаяніе, что до нихъ нужно было проникнуть чрезъ густой и темный лѣсъ тарабарской терминологии.

Ну, теперь что-же дальше? Одолѣли мы Энциклопедію Гегеля. А воумѣли мы отъ этого? Устроили мы лучше вслѣдствіе этого наше житѣ-бытье. Съумѣли мы примѣнить теорію къ практикѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда «независящихъ» отъ насъ обстоятельствъ не существовало? Доказали мы, что гегелизмъ не былъ такого-жетого модою какъ ношеніе узкихъ брюкъ и эспаньолокъ? Вотъ тутъ-то и имѣть мѣсто не совсѣмъ лестная для насъ загвоздка Философы-то мы философы важнѣющіе, а какъ къ дѣлу-то придется, мы и пассивемъ. Потому значить путеводитель скрылся. А мы то все больше по части веденія насъ за ручку прохаживаемся. Вотъ и говорить Гамлетъ Щигровскаго Уѣзда

«Посудите сами какую,шу какую скажите на милость, какую пользу могу я извлечь изъ энциклопедіи Гегеля? Что общаго, скажите, между этой энциклопедіею и русской жизнью? И какъ прикажите примѣнить ее къ нашему

быту, да ее не одну, энциклопедию, а вообще немецкую философию...., скажу больше науку?

Онъ подпрыгнулъ на постели и забормоталъ въ подголоса, злобно стиснувъ лубы:

А, вотъ какъ, вотъ какъ! Такъ зачѣмъ-же ты таскался за границу? Зачѣмъ не сидѣлъ дома, да не изучалъ потребности окружающей тебя жизни на мѣстѣ? Ты-бы и потребности ея узналъ и будущность, и насчетъ своего, такъ сказать, призвания тоже въ ясность-бы пришелъ.... Да, помилуйте продолжаль онъ опять, перемѣнивъ голосъ, словно оправдываясь и робъя: гдѣ-же нашему брату изучать-то, чего еще ни одинъ умница въ книгу не вписалъ? Я-бы и радъ былъ братъ у ней уроки, у русской жизни-то — да молчитъ она моя голубушка. Пойми меня, дескать такъ; а мнѣ это не подъ силу: мнѣ выводъ подайте, заключеніе мнѣ представьте....»

Сущую правду изволили сказать, господинъ Гамлетъ. Даетъ уроки русская жизнь, да вы ихъ не понимаете. Вы гегеліанецъ только головою, вы не на столько тѣломъ и душою окунулись въ цивилизацию, чтобы всякий вашъ поступокъ ею отзывался, чтобы дѣйствія ваши безъ всякихъ съ вашей стороны усилій были похожи на дѣйствія цивилизованнаго европейца и въ этомъ причина вашего печального появленія на и безъ того не особенно веселомъ фонѣ русской жизни сороковыхъ годовъ. Ваша услуга дѣлу русской гражданственности чисто отрицательна: вы своимъ примѣромъ показываете что выходить, если развитіе и образованіе сидятъ на комъ-нибудь какъ широкій сюртукъ, который безъ труда снимается и ничего больше, если они не находятся въ прямой органической связи со всѣмъ нравственнымъ существомъ извѣстной личности.

Однакоже теперь довольно о «панахъ». Поговоримъ нѣсколько о «неблагородныхъ» А всось мы вынесемъ изъ этой среды болѣе свѣтлыхъ впечатлѣній.

Полюбуйтесь на богатаго крестьянина Хоря. Нѣкоторые упрекали Тургенева въ идеализации этой крѣпкой фигуры. Но это совершенно не вѣрно, Въ Хорѣ ничего идеализированного нѣтъ. Онъ не возвышенно добръ и не сантиментально добродѣтеленъ; онъ не ахти какъ развитѣе другихъ

крестьянъ и даже зараженъ нѣкоторыми крестьянскими предразсудками. Если онъ производить чрезвычайно пріятное впечатлѣніе то именно тѣмъ самымъ, что представляетъ средняго русскаго человѣка, развившагося при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Хорь практиченъ, но не тою скверною практичностью, которая въ общежитіи слишкомъ снисходительно характеризуется словами: «себѣ на умѣ». Онъ настолько практиченъ, чтобы не позволять себя эксплуатировать разнымъ г. Полутыкинамъ. Онъ не желаетъ лишь оставаться въ дуракахъ, примѣнять свою доброту къ ненадлежащему мѣсту. За то къ Калинычу, къ мягкому романтику Калинычу онъ питаетъ самую нѣжную привязанность и готовъ ему помочь чѣмъ только можетъ. Ему досадно видѣть, какъ г-нъ Полутыкинъ, общій ихъ владѣтель, эксплуатируетъ добраяка Калиныча самымъ безцеремоннымъ образомъ, не спивая ему даже сапоговъ на холодное зимнее и ненастное осенне время, когда ему приходится ходить съ бариномъ на охоту и лѣзть чортъ знаетъ въ какія трясины и болота, чтобы Полутыкинъ могъ потомъ похвалиться удачею. У Хоря въ избѣ все чисто и опрятно. Да и отчего у него этому не быть? У русскаго мужика не оттого грязно, что онъ любить нечистоту. Некогда думать о чистотѣ, когда ѣсть нечего. А у Хоря все въ порядке, потому что онъ материально обезпеченъ. Послѣднаго онъ достигъ не плутнями и не кулачествомъ, а исключительно умомъ своимъ, здоровымъ русскимъ умомъ, не хватающимъ, положимъ, звѣздъ съ неба, но весьма пригоднымъ, чтобы рациональнымъ образомъ устроить свою жизнь. Когда авторъ «Записокъ Охотника» разсказываетъ пріятелямъ Хорю и Калинычу свои заграничные похожденія, то этимъ въ равной степени заинтересованы оба, но интересъ, возбуждаемый въ каждомъ изъ нихъ, совершенно отличенъ другъ отъ друга по характеру своему. Сантиментальнаго Калиныча занимаютъ красоты природы, горы, водопады и тому подобная прелести, Хорь-же не прочь и про природу послушать, но у него на первомъ планѣ стоять разспросы о предметахъ государственныхъ и административныхъ. Какъ умный и практическій человѣкъ онъ

освѣдомляется о людскихъ отношеніяхъ на западѣ, объ устройствѣ западной жизни. Онъ невыражаетъ своихъ чувствъ охами и ахами какъ Калинычъ, но изрѣдка прерываетъ разсказъ замѣчаніями, что изъ заграничныхъ нравовъ можетъ быть примѣнено къ нашей жизни и что къ ней не подходяще.

«Всѣхъ его разспросовъ (говорить «Охотникъ») я передавать васъ не могу, да и не зачѣмъ; но изъ нашихъ разговоровъ я вынесъ одно убѣжденье, котораго, вѣроятно, не ожидаютъ читатели, — убѣжденье, что Петръ Великій былъ по преимуществу русскій человѣкъ, русскій, именно въ своихъ преобразованіяхъ. Русскій человѣкъ такъ увѣренъ въ своей силѣ и крѣпости, что онъ не прочь и поломать себя; онъ мало занимается своимъ прошедшимъ и смѣло глядитъ впередъ. Что хорошо — то ему и нравится, что разумно — того ему и подавай, а откуда оно идетъ — ему все ровно. Его здравый смыслъ охотно подтрунитъ надъ сухопарымъ нѣмецкимъ разсудкомъ; но нѣмцы, по словамъ Хоря, любопытный народецъ, и поучиться у нихъ онъ готовъ.»

А вотъ вамъ и другой простолюдинъ, похожій на Хоря: однодворецъ Овсяниковъ. Его уважаетъ вся окрестность, къ нему даже обращаются для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ не только одни крестьяне, но нерѣдко и помѣщики. А между тѣмъ онъ и не слыветъ за богача. Значитъ не могущество денегъ доставило ему уваженіе и любовь среди окружающихъ его крестьянъ, однодворцевъ и помѣщиковъ. Русскаго человѣка, главнымъ образомъ, импонируетъ спокойствіе вѣ, исполненное чувства собственнаго достоинства. А этимъ качествомъ Овсяниковъ обладалъ въ высшей степени. Разъ у него въ домѣ произошелъ пожаръ. Всѣ растерялись и одинъ работникъ, весь запыхавшись, насѣочилъ на него, крича во все горло «пожаръ, пожаръ!» — Ну чего-же ты кричишь? спокойно сказалъ Овсяниковъ: «— подай ми шапку и костыль.» Другой разъ молоденький жеребенокъ, только что въ первый разъ подведенной подъ упряжь, понесъ его и опрокинулъ въ довольно глубокій оврагъ и только благодаря случайному тамъ присутствію песку Овсяниковъ и Ѳхавшій съ нимъ мальчикъ не вынесли никакого увѣчья, между тѣмъ какъ битюкъ вывихнулъ себѣ ногу. — «Ну вотъ видиш-ли жеребеночекъ, сказалъ спокойнымъ голосомъ Овсяниковъ подымаясь съ земли: «— я тебѣ говорилъ.» Така

чисто древне-боярская величавость вполнѣ гармонируетъ съ его древнимъ складомъ понятій. Это не мѣшаетъ ему однаже признавать, что въ старину довольства точно больше было, а все-же теперь лучше и дѣткамъ теперяшихъ еще лучше будетъ. И въ этомъ обстоятельствѣ виденъ русскій человѣкъ. Русское отсутствие традицій не дало здравому уму Овсяникова удариться въ отчаянныи консерватизмъ à tout prix, на западный манеръ. Овсяниковъ эклектикъ онъ беретъ хорошее отовсюду и изъ стараго и изъ новаго. Его не интересуетъ происхожденіе добра, лишь бы оно было истинно. Онъ сознаетъ темныя стороны прежняго помѣщицкаго самоуправства и разсказываетъ нашему «Охотнику» очень характерныя черты прошлаго житья-бытъя, когда каждый богатый и знатный человѣкъ составлялъ нѣчто совершенно неподвѣдомственное обыкновенному правосудію: оно было само по себѣ, а онъ тоже самъ по себѣ. Казались-бы, несмотрѣвшись прежняго безправія въ отношеніи къ крестьянамъ. Овсяниковъ долженъ былъ сочутсвенно отнестиась къ молодымъ людямъ, подъ вліяніемъ гуманныхъ идей обращающихся по человѣчески съ принадлежащими имъ «душами». И дѣйствительно: «молодые господа прежнихъ порядковъ не любятъ: я ихъ хвалю..... пора за умъ взяться. Только вотъ что горе: молодые господа больно мудрятъ. Съ мужикомъ какъ съ куклой поступаютъ: поверятъ, поверятъ, поломаютъ да и бросятъ. И прикащикъ, крѣпостной человѣкъ, или управитель изъ нѣмецкихъ уроженцевъ, опять крестьянина въ лапы заберетъ». Не смотря на свое относительное неразвитіе, Овсяниковъ однимъ простымъ житейскимъ умомъ своимъ сразу постигаетъ смѣшную сторону того славянофильства и народолюбія что выражается въ ношениі кучерской подевки и смазныхъ сапоговъ. Рассказъ его про одного изъ такихъ народолюбцевъ—Василія Николаевича Любозвонова настолько характерно рисуетъ простую русскую смѣтку Овсяникова и неспособность «хорошихъ» людей нашей интеллигенціи дѣлать что нибудь, не возбуждая при этомъ смѣха и досады, что служитъ лучшою иллюстраціею къ псевдонароднымъ попыткамъ нахватавшихся верхушекъ недорослей.

Хорь и Овсянниковъ служать типами смѣтливости простонароднаго ума. Поищемъ теперь въ «Запискахъ Охотника» типовъ по «чѣмѣнѣ». Вѣдь одно изъ главныхъ отличій Тургенева отъ другихъ русскихъ писателей въ томъ именно и состоитъ, что онъ во всякомъ изъ наблюдаемыхъ имъ слоеvъ общества любить отыскивать образы, подходящіе подъ идеальный складъ его глубоко-поэтической натуры. Такъ напр. и Писемскій вѣрно изображаетъ русскую жизнь. Но у него все слишкомъ уже дагеротипно вѣрно, грубость картины навѣваетъ на читателя излишнее пессимистическое настроение, излишнее потому, что эффектъ и полезность картины ничуть отъ этого не выигрываютъ. Тургеневъ-же, ни на шагъ не измѣняя дѣйствительности и воспроизводя ее въ рельефныхъ очеркахъ, тѣмъ не менѣе какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ читателя, не потерявшаго вѣру въ человѣка и потому старающагося въ самомъ отчаянномъ проявленіи зла увидѣть проблески людскихъ чувствъ и задатки при лучшихъ условіяхъ представить болѣе утѣшительныя явленія. Не будь въ угнетенномъ крѣпостничествомъ крестьянствѣ свѣтлыхъ образовъ, Тургеневъ никогда-бы не взялся за ихъ воспроизведеніе.

Оставаясь всегда строго объективнымъ художникомъ, Тургеневъ обладаетъ тою замѣчательною чертою, что при всемъ томъ сообщаетъ глубоко-задушевный характеръ всѣмъ своимъ произведеніямъ. Онъ болѣеть душою за всякий неудачный шагъ своихъ героевъ, и всѣ его произведенія суть ничто-иное какъ непосредственный результатъ его душевнаго настроенія. Поэтому мы и въ «Запискахъ Охотника» натыкаемся на слѣды различныхъ вѣяній, обуревавшихъ душу автора. «Записки Охотника» онъ писалъ въ одно время съ мелкими повѣстями своими, гдѣ такою широкую, всезахватывающею струею проходитъ щемящая за сердце поэзія, навѣянная Дермонтовыми. Въ простомъ народѣ Тургеневу трудно было найти демонические типы *à la* Печоринъ, ему трудно было отыскать въ немъ этотъ своеобразный сортъ людей, соединяющихъ въ себѣ въ одно и тоже время

величие души съ эгоизмомъ, всемирность стремлений и самую отчаянную мелочность, доброту съ повременамъ появляющейся дьявольскою злостью, однимъ словомъ всѣ тѣ качества, которыя вмѣстѣ взятыя составляютъ привлекательный и вмѣстѣ съ тѣмъ отталкивающій типъ Чайлдъ-Гарольда или вѣрнѣе Манфреда, прошедшаго чрезъ горнило русской жизни и потому болѣе имѣющаго надобность самому искать и наталкиваться на сильныя ощущенія. Если моралистъ васъ можетъ осудить за симпатію къ Печорину, то пусть его толкуетъ. Натуры человѣческой не передѣлаешь и нравственная мощь никогда не потеряетъ своего обаянія и будетъ импонировать насъ въ какихъ-бы формахъ она не появлялась. Вотъ почему, если намъ нравиться Печоринъ, то безусловно долженъ привлечь нашу симпатію и завоевать наше уваженіе личность Тургеневскаго «Бирюка». Въ самомъ дѣлѣ лѣсничій Бирюкъ чисто байроновская фи-
гура, съ тою только разницей, что ни какой натяжки про-
тивъ дѣйствительности не заключаетъ и, сильно насъ импо-
нируя своимъ величиемъ, ни на минуту не теряетъ характеръ
правдивости. Все, начиная съ величавой наружности, обли-
чаетъ въ немъ необыкновенного человѣка, но съ чисто-рус-
скою подкладкою, то есть не любящаго мнѣго говорить, а предпоглащающаго дѣйствовать, вмѣсто того, чтобы тратить
время на разговоры. Должность свою, лѣсничаго, онъ спра-
вляетъ съ честностью и безкорыстiemъ древняго римлянина
или суроваго пуританина первыхъ временъ англійскихъ ко-
лоній въ Новой Англіи. «Вязанки хворосту не дастъ утащить,
въ какую-бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагря-
нетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться,—
силенъ, дескать, и ловокъ какъ бѣсь.... И ничѣмъ его взять
нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не
идетъ. Ужъ не разъ добрые люди его сжить со свѣту соби-
рались, да неѣтъ — не дается».

Суровая честность не проистекаетъ у Бирюка ни изъ
какихъ теоретическихъ принциповъ: онъ простой мужикъ.
Но глубоко-прямая натура его дала ему понять лучше всякихъ

этическихъ книгъ, какъ слѣдуетъ исполнять взятую на себя обязанность.

— Должность свою спрашляю, говорить онъ угрюмо: — даромъ господской хлѣбъ ѿсть не приходится».

Подъ суровою оболочкою Бирюка въ сущности кроется добрѣйшее сердце. Доброта у него не та сантиментальная, съ оттѣнкомъ сладости, что мы привыкли встрѣчать въ большинствѣ случаевъ. Нѣть, — Бирюкъ и добroe дѣло сдѣлаетъ, но безъ всякихъ разговоровъ, какъ-бы стыдясь. Вотъ онъ поймалъ жалкенъкаго мужиченка въ лохмотьяхъ, захотѣвшаго воспользоваться глухою ночью, чтобы утащить дерево. Онъ связалъ вору руки и привель его къ себѣ въ избу, чтобы на завтра предать правосудію. Въ избѣ случайно находится нашъ охотникъ.

«Мы всѣ молчали.

— Фома Кузьмичъ, заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ: — а Фома Кузьмичъ?

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

— Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти..., съ голодухи.... отпусти!

— Знаю я вѣсъ, угрюмо возразилъ лѣсникъ — вся ваша слобода такая — воръ на ворѣ.

— Отпусти, твердилъ мужикъ: — прикащикъ.... разорены, во-какъ... отпусти!

— Разорены! Воровать не слѣдъ....

— Отпусти Фома Кузьмичъ.... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, забѣстъ, во-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встрихивалъ головною и дышалъ неровно.

— Отпусти, повторилъ онъ съ унылымъ отчаяніемъ — отпусти, ей Богу, отпусти! Я заплачу, ей Богу: ей Богу съ голодухи.... дѣтки пишатъ, самъ знаешь. Круто во-какъ, приходится.

— А ты все таки воровать ни ходи.

— Лошаденку, продолжалъ мужикъ — лошаденку-то, хоть ее то.... одинъ живѣть и есть..., отпусти!

— Говорятъ нельзяя. Я тоже человѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Фома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того — отпусти!

— Злаю я васъ!

— Да отпусти.

— Э, да чтò съ тобой толковать, сиди смирио, а то у меня знаешь? Не видишь что-ли барина?

— Бѣднякъ потупился. Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись и на лице выступила краска. «Ну, на, ъшь, на подавись, на», началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ: на, душегубецъ окаянный: пей христіанскую кровь, пей....

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азіатъ, кровопійца, тебѣ!

— Пьянъ ты, что-ли, что ругаться вздумаль? заговорилъ съ изумлениемъ лѣсникъ. — Съ ума сошелъ, что-ли?

— Пьянъ.... не на твои-ли деньги душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь!

— Ахъ ты.... да я тебя!

— А мнѣ чтò? Все едино — пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби — одинъ копецъ; что съ голову, что такъ — все едино. Пропадай все: жена, дѣти, околѣвай все.... А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ: бей, на, на, бей. Дѣвочка (Бирюка дочь) торопливо вскочила съ полу и уставилась на него). Бей! бей!

— Молчать! загремѣлъ Бирюкъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Оома, закричалъ я: — оставь его.... Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать, продолжалъ несчастный.

— Все едино околѣвать-то. Душегубецъ-ты, звѣрь, погибели натея нѣту... Да постѣ не долго тебѣ чваситься: затянуть тебѣ глотку, постой.

Бирюкъ схватилъ его за плечо.... Я бросился на помощь мужику....

— Не троньте, баринъ! крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я-бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ было руку; но къ крайнему моему изумлению, онъ однимъ поворотомъ сдернулся съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его воинъ.

— Убирайся къ черту съ своею лошадью! закричалъ онъ ему вслѣдъ: да смотри въ другой разъ у меня....

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ, промолвишь я наконецъ — удивилъ ты меня: ты я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ, перебилъ онъ меня съ досадой: не извольте только скѣзывать».

Въ этой потрясающей сценѣ васъ поражаетъ во первыхъ

глубина и неисходность крестьянского горя, выразившагося въ отрывочныхъ фразахъ ободраннаго и жалкенъкаго мужи-ченка, и во вторыхъ импонирующее поведеніе Бирюка. Только отсутствіе образованія и развитія помѣшило ему стать лич-ностью, которая обыкновенное общество превысила-бы цѣлою головою, которой разные Лучиновы, Печорины и имъ подобные «герои» сороковыхъ годовъ достигали-бы не выше пояса. Бирюкъ — чисто русская натура, нерѣдко долгое время кажущаяся самой обыденной и ничего не выражющей, пока не подвернется какой нибудь случай и этотъ — же самый не-затѣйливый субъектъ выкинетъ вамъ поступокъ, который васъ повергнетъ въ величайшее изумленіе. Отсутствіе виѣшности, аффектаціи, такъ сильно наскъ поражающее въ Бирюкѣ, не есть одному ему только присущее качество. Нѣть! Русская народная натура именно обладаетъ непосредственностью въ высшей степени. Иной мужикъ вамъ сегодня пойдетъ на медвѣдя съ рогатиной, а на завтра останется тѣмъ — же обыкновеннымъ пахаремъ и героизмъ его останется въ ровной степени затаеннымъ, изрѣдка только появляющимся на свѣтѣ Божій, чтобы окончательно сбить съ толку психолога, не знающаго, что ему дѣлать съ подобными натурами, къ какому разряду ихъ отнести. Это совмѣщеніе героическихъ по-рызовъ съ самой что-ни на есть обыкновенною обыденностью въ русскомъ мужикѣ по истинѣ удивительно. Возьмите въ самомъ дѣлѣ его отношеніе къ смерти. Ужъ какъ кажется никому не хочется оставить сю земную юдолю. И мужикъ не охотно ее покидаетъ, но разъ онъ убѣдился, что смерть непизбѣжна и всякое хныканье уступаетъ мѣсто твердой встрѣчѣ своего конца. Если стойчески умираетъ человѣкъ особенно развитой или какой-нибудь «Печоринецъ», которому и жизнь-то не дорога, то въ этомъ особенно удивительного мало. Но откуда набрались наши-то плакучые мужички такого сократизма — вотъ что трудно постичь. Бѣ очеркъ «Смерть» Тур-геневъ приводить нѣсколько примѣровъ того удивительного спокойствія, съ которымъ русскій человѣкъ видѣтъ конецъ своего земнаго существованія. Вотъ подрубленное дерево

упало на подрядчика Максима и убило его до смерти. Въ предсмертной агоніи онъ, едва въ состояніи произносить слова, отдаетъ еще приказанія насчетъ хозяйства и умираетъ наконецъ съ полнымъ равнодушіемъ. А то вотъ другой случай: мельникъ поднялъ слишкомъ большой жерновъ и нажилъ себѣ смертельную грыжу, смертельную оттого, что онъ только на десятый день пришелъ лѣчиться. Фельдшеръ объясняетъ ему опасность. «И умирать мнѣ изъ за эдакой дряни» говорить мельникъ. Фельдшеръ уговариваетъ его оставаться, такъ какъ всякое движение можетъ на немъ отозваться страшно вредно.

— Куда? вѣстимо куда — домой, коли такъ плохо. Распорядиться слѣдуетъ, коли такъ. — Да вы себѣ бѣды надѣлаете, Василій Дмитричъ, помилуйте, я и такъ удивляюсь, какъ вы доѣхали, останьтесь. — «Нѣтъ, братъ, Капитонъ Тимофѣевичъ, ужъ умирать, такъ дома умирать; а то что-жъ я здѣсь умру — у меня дома и Господь знаетъ, что приключится». — Еще неизвѣстно, Василій Дмитричъ, какъ дѣло-то пойдетъ.... конечно, опасно, очень опасно, спору нѣть.... да отъ того-то и слѣдуетъ вамъ оставаться (мужикъ головой покачалъ) — «Нѣтъ, Капитонъ Тимофѣичъ, не останусь.... а лекарствице развѣ пропишите». — Лекарство одно не поможетъ. — «Не останусь, говорятъ». — Ну, какъ хечешь.... чуръ-на меня потомъ не пенять. Фельдшеръ вырвалъ страничку изъ альбома и, прописавъ рецептъ, посовѣтовавъ что еще дѣлать. Мужикъ взялъ бумажку, далъ Капитону полтинникъ, вышелъ изъ комнаты и сѣлъ на тѣльгу. — «Ну, прощайте, Капитонъ Тимофѣичъ, е поминайте лихомъ, да сиротокъ не забывайте, коли что».... — Эй останься Василій. Мужикъ только головой тряхнулъ, ударилъ возжей по лошади и сѣхалъ со двора. Я вышелъ на улицу и поглядѣлъ ему въ слѣдъ. Дорога была грязная и ухабистая; мельникъ ѿхалъ осторожно, не торопясь, ловко правиль лошадью, и со всѣми встрѣчными раскланивался. На четвертый день онъ умеръ».

Да, вотъ какимъ величиемъ души обладаетъ иной не-затѣйливый съ виду мужикъ. Сопоставьте его съ Бирюкомъ, съ Хоремъ и Овсяниковымъ и вы увидите тогда, какой богатѣйший рудникъ задатковъ самого высокаго культурнаго состоянія заключаетъ въ себѣ русскій народъ, задатковъ стать на равнѣ съ другими европейскими народами. Есть у него и смысленность, что требуется отъ разумнаго человѣка, для того, чтобы онъ постигаль умомъ преимущества

образованности и усовершенствованного знанія, есть у него и изобрѣтательность, чтобы и отъ себя внести небѣдную лепту въ кошницу всемірного стремленія наиболѣе удобнымъ образомъ устроить человѣческую жизнь. Простой, но здравый разсудокъ показываетъ ему, гдѣ нужно учиться у иностранца, а гдѣ и безъ него обойтись можно, потому что вѣдь и мы не лыкомъ шиты, и мы кое-что съумѣемъ сдѣлать собственными силами. Его простой, но здравый умъ не допускаетъ ему быть обманутымъ вицѣнной къ нему симпатію; онъ умѣетъ различать людей, которые изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы доказать свое расположение къ народу и любовь, да никакъ этого сдѣлать не могутъ, отъ людей искренно ему преданныхъ, хотя о томъ и не трезвонящихъ въ набатъ на всѣхъ перекресткахъ. Его простой и здравый умъ, наконецъ, лучше всякихъ книжекъ и ученій, даетъ ему возможность здраво разсуждать обо всемъ, если голова его свѣжа, не отуманена тоскою о завтрашнемъ безхлѣбномъ днѣ. Но можетъ быть вы думаете, что лучшія творческія силы русскаго народа уходятъ на создание крѣпкихъ, величавыхъ натуръ? — Въ такомъ случаѣ вы сильно ошибаетесь. Не одинъ только мыслитель найдеть утѣху въ народныхъ типахъ «Записокъ Охотника». Самый сентиментальный поэтъ изъ самыхъ чахоточныхъ Нѣмцевъ не откажется восхититься Касьяномъ съ Красивой Мечи. Мы не будемъ дѣлать никакихъ выписокъ изъ этого очерка, потому что для того, чтобы дать о немъ понятіе, его-бы пришлось цѣликомъ переписать. Какая-то особенная, совершенно своеобразная поэзія разлита по всему щедушному существу Касьяна. Это одна изъ тѣхъ глубоко-необыденныхъ натуръ, которая при всякой рѣшительно обстановкѣ сохраняютъ въ неизрѣдѣнности свои поэтическія наклонности и никогда не позволяютъ прозѣ жизни заѣсть себя. Не смотря на все его необразованіе и относительное неразвитіе мы Касьяна можемъ причислить къ тѣмъ личностямъ, которая никогда не пошлѣютъ, потому что они сами въ себѣ создали особенный мірокъ, гдѣ и сидятъ какъ-бы заколдованные. Этого внутренняго мірука у нихъ на кто

отнять не можетъ. Вотъ и Касьянъ остается одинаковымъ всю свою жизнь. Онъ не изъ тѣхъ чисто - русскихъ фигуръ, которыхъ подъ вліяніемъ сильнаго нравственного потрясенія въ состояніи наложить на себя кокое-нибудь «испытаніе», пойти въ монастырь, связать себя добровольнымъ «искусомъ». Такой складъ характера мы видимъ въ Некрасовскомъ «Власѣ». Это натуры энергичныя. При однихъ обстоятельствахъ они могутъ сдѣлаться необыкновенными злодѣями, при другихъ дать героеvъ на римскій образецъ. Не таковъ Касьянъ. Если привлекательность или вѣрнѣ величественность первыхъ натуръ можно приправить грандіозной картинѣ грозы въ какой-нибудь гористой мѣстности, то Касьянъ намъ представиться въ видѣ прекраснаго лѣтняго вечера, наблюдаемаго на роскошной желтѣющей нивѣ. И въ первомъ случаѣ вы имѣете дѣло съ поэтическимъ явленіемъ и во второмъ также. Но въ одномъ поэзія бурная, экцентричная, въ то время какъ во второмъ она ровная, и болѣе родственная намъ, обыкновеннымъ людямъ, хотя не менѣе глубокая. При всемъ своемъ поэтическомъ и такъ сказать «неземномъ» колоритѣ, Касьянъ, благодаря удивительной способности Тургенева придавать своимъ образамъ печать нравдности, не кажется намъ чадомъ сентиментальнаго авторскаго настроенія и не отзыается слашавостью произведеній Григоровича. Касьянъ для насъ важенъ еще въ другомъ отношеніи. Точно также какъ равнинны его родины не представляютъ никакихъ выдающихся пунктовъ и при всемъ томъ нравятся лицамъ, даже видѣвшимъ Альпы и другія горы, такъ и ровная натура Касьяна, поэтичность которой не выражается ни въ какихъ байроновскихъ формахъ, тѣмъ не менѣе производить на васъ глубокое впечатлѣніе и вамъ тогда становится понятнымъ отчего у неказистаго и материальнаго на видѣ русскаго простолюдина существуютъ такія прекрасныя пѣсни, полныя щемящей душу поэзіи. Касьянъ какъ нельзѧ лучше подходитъ подъ подобную категорію явленій. Народъ его зоветъ «юродивцемъ», но отъ того, что все его существо уже слишкомъ «не отъ мира сего» въ семъ материальномъ всѣтѣ.

Не смотря на это, юродивца всѣ любятъ и никто его не обижаетъ. Характерно для Касьяна, что онъ не былъ женатъ—явление чрезвычайно рѣдкое въ крестьянскомъ сословіи. Впрочемъ въ очеркѣ появляется какая-то дѣвушка Аннушка, судя по многимъ признакамъ дочь его, которую онъ страстно любить. Откуда она взялась — въ очеркѣ не разъяснено, но полагать надобно — тутъ замѣшана какая нибудь поэтическая привязанность Касьяна.

Если вамъ мало Касьяна съ Красивой Мечи, если вы еще хотите насладиться поэтическими типами русского народа — прочтите одинъ изъ задушевнѣйшихъ рассказовъ «Записокъ Охотника» — «Пѣвцы». Сцена происходитъ въ деревенскомъ кабакѣ, гдѣ устраивается турниръ пѣнія между рядчикомъ изъ Жиздры и мастеровымъ яшей. Рядчикъ изъ Жиздры — это русскій *tenor di grazia, ténor légr.* Онъ поетъ веселую народную пѣсню, съ разными руладами и голосовыми фокусами, такъ что слушатели приходятъ въ неистовый восторгъ и рядчикъ заранѣе торжествуетъ, твердо разсчитывая по произведенному имъ эффекту, что первенство останется за нимъ. Но вотъ выступаетъ Яша.

«Яковъ помолчалъ, взглянулъ кругомъ и закрылся рукой. Всѣ такъ и впились въ него глазами, особенно рядчикъ, у которого на лицѣ, сквозь обычную самоувѣренность и торжество успѣха, проступало невольное легкое беспокойство. Онъ прислонился къ стѣнѣ и опять положилъ подъ себя обѣ руки, но уже не болталъ ногами. Когда-же, наконецъ, Яковъ открылъ свое лицо оно было блѣдно, какъ у мертваго; глаза едва мерцали сквозь опущенные рѣси. Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровень; онъ казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ настѣ; мы взглянули другъ на друга, а жена Николая Иваныча (кабатчика) такъ и выпрямилась. За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащий какъ струна, когда внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаньемъ, за вторымъ — третьимъ, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня. «Не одна во полѣ дороженька пролегала» пѣлъ онъ и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ какъ надтреснутый,

онъ даже спачала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и не-поддѣльная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-безпечная грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала вѣсъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснъ росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣвало упоеніе: онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе. онъ дрожалъ, но той едва замѣтной, внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой воизается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣ-чаль, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды вечеромъ во время отлива, на плоскомъ песчаниномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянью зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья на встрѣчу знакомому морю, на встрѣчу низкому багровому солнцу: я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ资料 of his own competitor and all his parts, по видимо поднимаемый, какъ бодрый плавецъ волцами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участіемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждого звука его голоса вѣяло чѣмъ то роднымъ и необозримо широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанная рыданья внезапно поразили меня... Я оглянулся—жена царевальника плакала, приспавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и засился еще звонче, еще слаше прежняго. Николай Иванычъ потупился. Моргачъ отвернулся; Оболдуй, весь разинѣненный стоялъ, глубоко разинувъ ротъ; сѣрий мужичекъ всхлышивалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой; а по желѣзному лицу Дикаго Барина, изъ подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчикъ поднесъ сжатый кулакъ ко лбу и не шевелился... Не знаю, чѣмъ бы разрѣшилось всеобщее томленіе, еслибы Яковъ вдругъ не кончилъ на высокомъ необыкновеніе тонкомъ звукѣ—словно голосъ у него оборвался. Никто не крикнулъ, даже не шевельнулся; все какъ будто ждали, не будетъ ли онъ еще пѣть; но онъ раскрылъ глаза, словно удивленный нашимъ молчаньемъ, вопрошающимъ взоромъ обвелъ всѣхъ кругомъ и увидѣлъ, что побѣда была его...

— Яша, проговорилъ Дикий Баринъ, положивъ ему руку на плечо, и—смолкъ.

Мы всѣ стояли, какъ оцепенѣлые. Рядчикъ тихо всталъ и подошелъ къ Якову.—«Ты...твоя...ты выигралъ, произнесъ онъ съ трудомъ и бросился вонъ изъ комнаты».

Въ этой безподобной сценѣ одинаково рельефно выступаетъ обилье поэтическихъ сторонъ въ русскомъ простомъ народѣ, а также высокое ихъ развитіе въ душѣ автора «Шѣвцевъ». Въ самомъ дѣлѣ написать такой очеркъ можетъ

только человѣкъ, глубоко сочувствующій всему въ немъ изображеному, человѣкъ отзывчивый на всякое идеальное проявленіе въ природѣ. Въ «Запискахъ Охотника» Тургеневъ не стѣсненъ формою разсказа. Говоря отъ своего имени, онъ вполнѣ свободно можетъ дѣлать разныя лирическія отступленія, не вредя объективности художественного произведенія. Поэтому печать его идеального направленія мыслей всего сильнѣе въ «Запискахъ Охотника» и сказывается. Понятно, что неизбѣжнымъ послѣдствиемъ такого настроенія художнической натуры должно было непремѣнно явиться возвышенность слога, его симпатичность и увлекательность. И въ самомъ дѣлѣ, что такое художникъ, какъ вѣ та-же поэтическая натура, только владѣющая къ тому даромъ сообщать свое настроеніе другимъ, которые въ глубинѣ души таятъ разныя неопределенные поэтическія стремленія, но не въ состояніи ихъ съ достаточнотою рельефностью выразить. Тургеневъ-же въ высшей степени именно обладаетъ способностью выражать свои поэтическія ощущенія. Чтобы показать его преимущество въ этомъ отношеніи надъ другими русскими писателями, возьмемъ для примѣра одного изъ лучшихъ стиллистовъ — Гончарова. У него во «Фрегатѣ Палладѣ» есть поразительныя описанія картинъ природы. Подъ мастерской рисовкой Гончарова все и безъ того прекрасное какъ-бы удваивается въ своей прелести. Какое-же чувство вы выносите послѣ созерцанія гончаровской картины? «Безподобно», восклицаете вы, что за кисть, что за вѣрность красокъ, какъ все соотвѣтствуетъ правиламъ искусства; хорошо, очень хорошо! Затѣмъ вы перевертываете слѣдующую страницу и съ такимъ-же наслажденіемъ читаете сцену, гдѣ вѣстовой Фадей докладываетъ своему барину, что Россія находится въ Кронштадтѣ. Вы и это сцену на равнѣ съ предъидущею приведите въ примѣръ когда рѣчь пойдетъ о таланѣ Гончарова. Вы скажете, что Гончарову въ одинаковой степени удаётся и то и другое. Но прочтемте теперь съ вами, любезный читатель «Бѣжинъ Лугъ». Тутъ обстановка несравненно менѣе грандиозна, чѣмъ

тдѣ-нибудь у берега Африки, во время штиля, когда, куда не взглянешь, восхищенный глазъ всюду встрѣчается съ безбрежнымъ океаномъ, съ синею лазурью у сѣяннаго яркими созвѣздіями неба, съ фосфорическимъ блескомъ воды кишащей животною жизнью, съ причудливѣйшими очертаніями облаковъ. Тутъ и паэость повѣствователя менѣе умѣстенъ, тутъ очень легко впасть въ ложный сантиментализмъ, восхищающейся, за неимѣніемъ другого, самыми обыденными вещами. Однако, странное дѣло! Вы читаете «Бѣжинъ Лугъ», и чѣмъ дальше вы въ него проникаете, тѣмъ чаще и чаще начинаетъ подыматься ваша грудь и вы кончаете очеркъ въ какомъ-то упоеніи. Это чтеніе подыalo въ душѣ вашей цѣлый рой сладкихъ ощущеній; подобно величественной сонатѣ Бетховена оно пробудило разныя неопредѣленныя стремленія; долго, долго длится ваше очарованіе, хотя вы не даете себѣ логического отчета въ его происхожденіи и не сумѣете какъ слѣдуѣтъ проанализировать ваши чувства. Но это то намъ именно и дорогое въ Тургеневѣ... Все равно какъ истинно возвишенная и вдохновенная музыка важна для насъ тѣмъ, что порождаетъ въ насъ неопределеннное, но сладкое томленіе, такъ и въ истинно поэтическомъ твореніи, наряду съ мыслями его проникающими, намъ важна та его часть, что не поддается математическому анализу холоднаго логического мышленія. Значительная прелестъ поэтическаго произведенія состоить въ не опредѣленности чувствъ, имъ возбуждаемыхъ, и въ томъ хаосѣ осущеній, мыслей, стремленій, которыхъ являются слѣдствиемъ чтенія глубоко-поэтическаго творенія или слушанія задушевной музикальной пьесы.

Женскіе типы «Записокъ Охотника» немногочисленны, но и они подернуты тѣмъ симпатичнымъ колоритомъ, который покрываетъ всю разбираемую нами эпоху народной жизни. Женщины привилегированнаго сословія являются въ ней гораздо болѣе привлекательными, чѣмъ мужчины того же класса. И здѣсь, какъ это постоянно замѣчается у разбираемаго начи романиста, представительницы прекраснаго

пола оказываются действительно — прекрасными и собственная их угнетаемость отзыается въ большей мягкости характера. Изъ женщинъ помѣщичьяго класса въ «Запискахъ Охотника» достойна вниманія только одна Татьяна Борисовна, эта добрая старушка, въ чьемъ обществѣ всякому становится легко и хорошо. Общественаго типа она, однако-же, не представляеть. Гораздо болѣе характерную и типичную фигуру мы видимъ въ простой деревенской дѣвкѣ Матренѣ изъ разсказа «Петръ Петровичъ Каратаевъ». Сколько въ ней женской самоотверженности, сколько хорошихъ природныхъ качествъ! Петръ Петровичъ Каратаевъ былъ человѣкъ не особенно развитой и образованной, однако-же, въ сравненіи съ простою крестьянскою дѣвушкою, не умѣющей читать, онъ стоялъ неизмѣримо высоко. И все-же ему не было скучно съ Матреной. Она умѣла его привлекать и помимо красоты. Въ ея обществѣ Каратаевъ блаженствовалъ и не чувствовалъ потребности въ болѣе образованной подругѣ жизни. Да и отчего ему должно было бы быть скучно? Развѣ лучше Матрены были жеманныя «образованныя» помѣщичьи дочери? Съ ними, что-ли веселѣе было свѣжему человѣку? И въ какой барышнѣ, спрашивается, найдете вы столько нравственной мощи, столько безкорыстія, чтобы пойти выдать себя на преслѣдованіе и страданіе только изъ за того, чтобы не причинять неудобствъ и затрудненій любимому человѣку? Наталья Борисовна Долгорукая сдѣлалась сюжетомъ возвышенныхъ лирическихъ поэмъ, воспѣвавшихъ ея благородную рѣшимость раздѣлять страданія мужа. А такихъ не малочисленныхъ героинь въ родѣ Матрены, о которой теперь рѣчь идетъ, никто и не вздумаетъувѣковѣчить въ художественномъ произведеніи. Благо нашелся Тургеневъ, котораго поразило такое простое благородство безъ шума и треску, безъ электрическаго освѣщенія и бенгальскаго огня. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ: Каратаеву понравилась деревенская дѣвка Матрена, принадлежавшая сосѣдней помѣщицѣ. Онъ хотѣлъ было ее купить у своей сосѣдки, да та, старая вѣдьма, имѣвшая виды женить Каратаева на своей зеленої ком-

паньонкѣ, не захотѣла «потакать разврату» и сдѣлала распоряженіе объ отсылкѣ ни въ чемъ не повинной дѣвушки въ степную деревню гусей пасти. Въ виду такой грозной дилеммы—не вытерпѣла широкая натура Каратаева. Въ одинъ прекрасный день онъ увезъ Матрену и поселилъ ее у себя. Долго удалось ему скрыть бѣглankу, но все-таки барыня ея какъ-то пронюхала, гдѣ она находится, и начала съ Каратаевымъ тягаться изъ за своей дѣвки. Каратаевъ былъ человѣкъ не богатый, «маленький» что называется, и не въ мотогу стало ему устоять противъ состоятельной барыни, на стородѣ которой къ тому-же и законъ былъ.

«Плохо мнѣ пришлось» рассказывалъ Каратаевъ, и денегъ-то я не жалѣлъ, и Матрену-то пряталъ, — нѣтъ, затормошили меня, словно зайца на угонкахъ. Въ долги влѣзъ, здоровья лишился.... Вотъ лежу однажды ночью у себя на постели и думаю: Господи, Боже мой, за что терплю? Что-же дѣлать, коли я ее разлюбить не могу?.... Ну, не могу, да и только!.... шасть ко мнѣ въ комнату Матрена. Я на это время спрятать ее было у себя на хуторѣ, верстахъ въ двухъ отъ своего дома. Я испугался. Чѣм? аль и тамъ тебя открыли? — «Нѣтъ, Петръ Петровичъ», говоритъ она: «Никто меня не беспокоилъ въ Бубновѣ; да долго-ли это продолжится? Сердце мое, говорить «надрываются, Петръ Петровичъ; вѣсъ мнѣ жаль, моего голубчика; вѣкъ не забуду ласки вашей, Петръ Петровичъ, а теперь пришла съ вами проститься». — Что ты, что ты сумасшедшая? Какъ проститься? Какъ проститься? «А такъ.... пойду, да себя и выдамъ». — Да я тебя, сумасшедшую на чердакъ запру.... или ты погубить меня выдумала? Уморить меня желаешь, что-ли? Молчитъ себѣ дѣвка, да глядитъ на полъ. — Ну, да говори-же, говори! — «Не хочу вами больше беспокойства причинять Петръ Петровичъ». — Ну, поди, толкуй съ ней.... — Да ты знаешь-ли, дура, ты знаешь-ли-сума.... сумасшедшая....

И Петръ Петровичъ зарыдалъ.

— Вѣдь что вы думаете? продолжалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу и стараясь нахмурить брови, между тѣмъ какъ слезы все еще бѣжали по его разгоряченнымъ щекамъ: — вѣдь выдала себя дѣвка, — пошла и выдала себя....

— Лошади готовы-сь! торжественно воскликнулъ смотритель, входя въ киннату.

Мы оба встали.

— Что же сдѣлалось съ Матреной спросилъ я.

Каратаевъ махнулъ рукой.

Вотъ какъ поступила простая деревенская дѣвка, никогда

можетъ быть и не слыхавшая о героизмѣ, какъ отвлеченномъ предметѣ, вслѣдствіе чего "ея" поведеніе получаетъ двойную силу и привлекательность, потому что показываетъ въ ней безсознательно - геройскую натуру, одну изъ тѣхъ натуръ, которая, какъ мы это впослѣдствій докажемъ, выразилась у Тургенева въ еще болѣе прелестной и поэтической формѣ въ «Асѣ».

Разборомъ характера Матрены мы закончимъ нашъ бѣглый анализъ «Записокъ Охотника». Мы не станемъ говорить объ ихъ художественной отделькѣ. Слогъ видѣнъ изъ выпи-
сокъ, а что касается другихъ атрибутовъ, составляющихъ ви-
нѣшнее художественное впечатленіе какого-нибудь произведе-
нія, то объ этомъ много распространяться нечего. Времена «эстетики» прошли безвозвратно и намъ не за чѣмъ шеве-
лить ея могильный покой. Наша цѣль была показать какой
богатый этнографическій материалъ Тургеневъ далъ своими
«Записками Охотника». Его заслуга при этомъ состоить въ
томъ, что онъ съумѣлъ схватить наиболѣе характеристичныя
черты и представить ихъ въ немногосложныхъ, сжатыхъ
 очеркахъ, не смотря на свой малый объемъ вполнѣ исчер-
пывающихъ свою задачу. «Записками Охотника» Тургеневъ
вполнѣ разрѣшилъ тѣ сомнѣнія, что ему представлялись въ
Германіи при паралелли между западною и русскою обста-
новкою. Онъ какъ-бы исполнилъ свой нравственный долгъ и
 успокоился, принесши ту долю пользу дѣлу освобожденія,
которую могъ принести. Что онъ слову далъ въ спутники
дѣло, читатели уже знаютъ изъ IV главы.....

.... При своемъ печатаніи въ «Современникѣ», «Записки Охотника» не могли быть оцѣнены критикою въ такомъ духѣ, въ какомъ она желала бы это сдѣлать. Объяснять причины такого явленія намъ кажется совершенно лишнимъ. Но какъ бы то ни было, въ то время какъ некоторые произведенія Тургенева обладаютъ цѣлою литературою, трактующею объ нихъ, объ «Запискахъ Охотника» почти ничего не писано, что не

помѣшало имъ, однакоже, завоевать себѣ самыя широкія симпатіи въ читающей публикѣ. Интересно еще то, что «Записки Охотника» увидѣли свѣтъ совершенно случайнымъ образомъ. Около 1847 г. Тургеневъ вслѣдствіе особеннаго душевнаго настроенія намѣревался бросить литературу. Между тѣмъ приготовлялся къ печати первый № возобновленнаго «Современника». Издатель его, Панаевъ, добрый знакомый Тургенева, не зная чѣмъ напомнить въ своемъ журналѣ отдѣль «Смѣси» настойчиво упрашивалъ нашего писателя дать ему какую нибудь «повѣстушку». Тургеневъ представилъ «Хоря и Калиныча». Знаменитое заглавіе «Записки Охотника» было придумано самимъ Панаевымъ, для того, чтобы склонить читателей къ «снисходительности». Читатели послѣдовали просьбѣ Панаева въ степени, большей чѣмъ тотъ ожидалъ и «Хорь и Калинычъ», несмотря на то что, скромно затерялся среди курьезовъ и анекдотовъ «смѣси», былъ сразу замѣченъ и оцѣненъ. Успѣхъ «Хоря и Калиныча» возвратилъ Тургенева литературѣ.